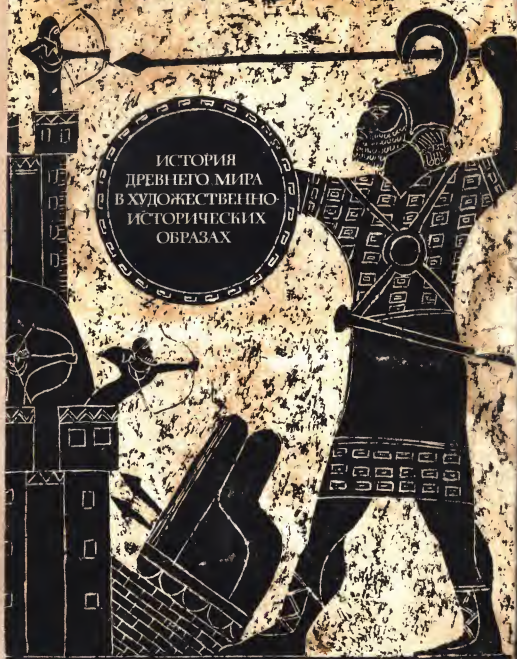
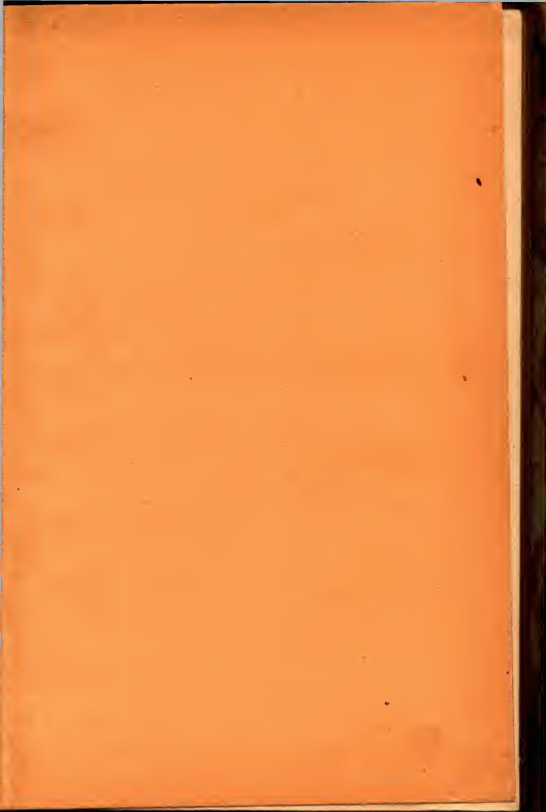

ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИХ
ОБРАЗАХ

ЖИЗНЬ
ПЕРВОВЫТНОГО
ЧЕЛОВЕКА

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ
В ДРЕВНОСТИ

ИНДИЯ И КИТАЙ
В ДРЕВНОСТИ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

ДРЕВНИЙ РИМ

СОСТАВИТЕЛИ

О. В. ВОЛОБУЕВ, А. В. ШЕСТАКОВ

**ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИХ
ОБРАЗАХ**

**ХРЕСТОМАТИЯ
ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ**

Издание второе, дополненное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1978

9 (М) (03)
В68

Волобуев О. В., Шестаков А. В.

В 68 История древнего мира в художественно-исторических образах. Хрестоматия. Пособие для учителей. Сост.: О. В. Волобуев, А. В. Шестаков. Изд. 2-е, доп. М., «Просвещение», 1978. — 224 с.

В хрестоматии содержатся отрывки из историко-художественных произведений по истории древнего мира. Комментарии и методические рекомендации позволят учителям использовать материалы хрестоматии на уроках и во внеклассной работе. При подборе текстов учтены возрастные особенности учащихся.

1-е издание вышло в 1968 г.

И $\frac{60501-671}{103(03)-78}$ 128—78

9 (М) (03)

© Издательство «Просвещение», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второе издание хрестоматии значительно отличается от первого по составу включенных в него текстов. Переработан и расширен материал, отражающий жизнь первобытных людей. В хрестоматии использовано большое количество книг, вышедших в последние годы, в том числе в национальных и местных издательствах. Увеличилось количество текстов, заимствованных из детской литературы. Многие тексты подверглись, исходя из их учебного назначения, адаптации. Во всех случаях составители старались учесть пожелания учителей, работавших с первым изданием хрестоматии. Изменения в содержании материала произведены при сохранении прежних принципов построения хрестоматии. Тематические подборки соответствуют программе по истории древнего мира и действующему учебнику Ф. П. Коровкина.

Каждая тематическая подборка, как правило, включает материал к одному из уроков. Но иногда приходилось объединять тексты применительно к двум урокам или же ограничиваться их подборкой не по всей теме, а по какому-то из ее вопросов. Известная неравномерность в обеспечении художественно-историческим материалом школьного курса является неизбежной.

Тематические подборки снабжены вступлениями, содержащими библиографические справки, исторические комментарии и методические рекомендации. Методические рекомендации давались с таким расчетом, чтобы не сковывать творческую инициативу учителя.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Необходимым условием и в то же время одним из результатов изучения истории является формирование у учащихся исторических представлений, созданных на основе ярких и впечатляющих образов событий прошлого. Особенно это важно для учащихся четвертых, пятых, sixth классов, мышление которых носит преимущественно конкретный характер и которые в своем познании мира (в том числе, разумеется, и учеб-

ном) больше опираются на систему образов, нежели на систему абстрактных понятий.

В обобщающей работе «Методика обучения истории древнего мира и средних веков в V—VI классах» неоднократно отмечается роль образности исторического знания в процессе обучения истории. Ф. П. Коровкин рассматривает образность как необходимую предпосылку научности и прочности исторических знаний¹. Роль эмоций в процессе запоминания и познавательной деятельности учащихся необычайно велика, ведь память — это как бы удержанное в неприкосновенности восприятие. Чем ярче восприятие, тем прочнее память. Но эмоции не только «закладывают» образ в память, они требуют также оценки факта. Современная психология учит, что эмоции — один из способов познания вещей, стимулятор мыслительной деятельности. Сильное чувство и размышление неразрывно связаны друг с другом.

Ученики V—VI классов, имеющие ограниченную общеобразовательную подготовку, изучают сложные процессы развития различных общественно-экономических формаций. Однако дети не обладают достаточно развитым абстрактным мышлением, и полное отвлечение от известного, привычного крайне затруднительно для них. Школьники не встречают в окружающей их действительности ничего похожего на то, что они изучают в курсах истории древнего мира и средних веков. Поэтому учащиеся младших классов невольно прибегают к модернизации явлений и фактов (например: «Греки сели на пароходы и поплыли», «Горожане стали делать забастовки, но сеньоры никаких мер не принимали»). Наличие богатых по содержанию исторических образов является средством предупреждения модернизации прошлого.

Захватывающие и яркие картины жизни наших далеких предков увлекают учащихся, пробуждают у них интерес к истории. Мысль, выраженная посредством образа, наиболее доступна детскому пониманию. В этой связи нельзя не оценить меткого замечания методиста В. Уланова о том, что исторический интерес большей частью появляется после интереса художественного².

Образные представления, имеющиеся у учащихся, создают условия для разбора и обобщения исторических фактов. Да и сами образы как целостные картины прошлого включаются в обобщения. Отмечая специфику исторического знания, философ А. В. Гулыга приходит к выводу: «Историческое обобщение представляет собой своеобразный синтез теоретического и эстетического освоения мира. Оно двояко по своей природе: абстрактно и чувственно-конкретно, понятия сосуществуют здесь с наглядной картиной

¹ См.: Методика обучения истории древнего мира и средних веков в V—VI классах. Под ред. Ф. П. Коровкина и Н. И. Запорожца. М., 1970, с. 24; Коровкин Ф. П. и др. Методика преподавания истории древнего мира. Киев, 1975, с. 11—15 (на укр. яз.).

² См.: У л а н о в В. Опыт методики истории в начальной школе. М., 1918, с. 67.

прошлого. Историк не имеет права вступать в область вымысла и домысла, но когда он сталкивается с типическим явлением и ярко рассказывает о нем, его повествование приобретает и эстетическую ценность»¹.

Художественный элемент в историческом познании усиливает творческое начало понятийного мышления. Использование силы образа и эмоции, как показал в своем исследовании Н. Г. Дайри, является обязательным условием активного познания². То, что исследование Н. Г. Дайри посвящено старшим классам, в еще большей степени подчеркивает важность данного теоретического и экспериментального положения для обучения истории в IV—VII классах.

Для того чтобы учащиеся не только поняли, но и живо представили себе историческое прошлое, тем более столь отдаленное, как история Двуречья, Египта, Греции, Рима, необходимо сделать каждый урок максимально ярким, эмоционально насыщенным.

Поучительно высказывание на этот счет великого пролетарского писателя А. М. Горького: «А много ли может дать ребятам учебник, — скажем, школьный курс истории, — если его не сопровождать живыми повестями, рассказами, очерком и сборником подлинных документов, которые давали бы детям представление о различных эпохах и действующих лицах истории»³.

Общезвестно, как часто обращались к художественным произведениям К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, стремясь придать большую силу, ясность и выразительность своим научным обобщениям.

В последние годы Г. И. Гөдер и другие методисты, занимающиеся вопросами методики обучения в V классе, много внимания уделяют образному изложению и его приемам (персонализации, драматизации, «экскурсии в прошлое») ⁴. Но не каждый учитель умеет преподнести детям исторический материал с достаточной яркостью. Такое умение, однако, вырабатывается, как и любое другое. Этому может научить художественная литература. Обогащенный образами, примерами и выражениями, взятыми из художественной литературы, учитель красочно реконструирует события, влияя на ум и сердце учеников.

Дидактическая ценность художественного слова в преподавании истории велика. Использование художественной литературы на уроках истории благотворно влияет на развитие учащихся, способствует более глубокому и содержательному пониманию материала, разнообразит урок. Художественная литература формирует

¹ Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974, с. 65—66.

² См.: Дайри Н. Г. Обучение истории в старших классах. М., 1966, с. 54—55, 80—91, 134, 204, 239—240, 322—323, 349—366.

³ Горький М. О детской литературе. М., 1952, с. 203.

⁴ См.: Гөдер Г. И. Образное изложение на уроках истории древнего мира. — «Преподавание истории в школе», 1962, № 4; он же. Изучение истории древнего мира в 5 классе. М., 1972.

у учащихся, говоря словами В. Г. Белинского, «историческое чувство».

Воспитать у учащихся чувство истории, «оживить» для них прошлое помогает создаваемый искусством «эффект присутствия», представляющий собой иллюзию чувственной достоверности изображаемого. Об этом очень хорошо сказал советский писатель Е. Дорош: «Литература пробуждает и чувство истории, позволяющее воображению вызвать из небытия скифа, мучимого страстью высечь из камня подобное себе существо, и грека-колониста, ссыпающего пшеницу в жерло глиняного сосуда. Последнее я могу объяснить только тем, что естественность и убежденность, с какими поэт говорит: «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн», словно сам при этом присутствовал, делает нас как бы свидетелями происходившего, и этим самым наша мысль упражняется в умении по некоторым подробностям представить себе картину»¹.

В методическом плане литературный «эффект присутствия» позволяет учащимся как бы совершить путешествие в прошлое, прикоснуться к далекому для нас времени.

Подспорьем учителю в работе с художественно-историческими текстами служат специально созданные с этой целью хрестоматии. Методические принципы и приемы работы с художественными текстами на уроках истории и во внеклассной работе нашли освещение в пособиях для учителя и в отдельных статьях². Для ориентации в художественно-исторической литературе учитель может воспользоваться аннотированным библиографическим указателем, подготовленным Государственной публичной исторической библиотекой³.

Предлагаемая хрестоматия содержит разнообразный литературный материал по истории древнего мира. Он отражает жизнь и быт первобытных людей и людей рабовладельческого общества, развитие культуры в древности, возникновение религии, облик древневосточных и античных городов. Одни тексты представляют образные картины и зарисовки из жизни древнего мира, другие по своему содержанию относятся к характеристикам, третьи являются конструктивно законченными сюжетными сценами. В хрестоматию вошли фрагменты из прозаических, драматических и поэтических произведений. Чтобы сделать тексты более доступными, их в отдельных случаях подвергали адаптации.

В хрестоматии преобладают тексты из художественно-исторической литературы, предназначенной для детей. К этой группе

¹ Дорош Е. Страницы ненаписанных книг.— «Новый мир», 1975, № 7, с. 160—161.

² См., например: Вагин А. А. Методика преподавания в средней школе. М., 1968.

³ См.: История древнего мира. История средних веков. Рекомендательный указатель литературы для учителей средней школы. Под ред. Б. А. Каменецкого. М., 1976.

текстов относится, например, почти весь материал тематических подборок в разделе «Жизнь первобытного человека». Работая с текстами из детской литературы, учитель обязательно называет книгу и рекомендует ее для внеклассного чтения¹.

Другая группа текстов взята из художественной литературы для взрослых. Такие тексты лучше вводить в изложение учителя в переработанном виде. Они дают богатый и детализированный материал по изучаемым вопросам. В случае, если текст все же зачитывается, произведение можно не называть.

Третью группу текстов составляют фрагменты из древних источников, в том числе из сочинений Тита Ливия и Плутарха. Своеобразие трудов античных историков заключается в том, что они одновременно являются также литературными памятниками. В наше время ряд произведений древних авторов издан для детей в доступном для них пересказе. В подобном пересказе в хрестоматии даны тексты из «Махабхараты», «Илиады» и «Одиссеи».

Использовать художественную литературу в преподавании истории можно по-разному. Значительная часть хрестоматийного материала может быть органически включена в изложение учителя. Красочные описания, драматизированные сцены, емкие характеристики, запоминающиеся сравнения украсят рассказ учителя, придадут ему выразительность и образность.

Очень часто учитель зачитывает полностью или частично хрестоматийный текст повествовательного или описательного характера. Такое чтение предполагает использование отобранного фрагмента для конкретизации того или иного положения. Некоторые из текстов требуют комментированного чтения. Отдельные тексты пригодны для организации беседы с учащимися.

Материал хрестоматии можно также с успехом использовать в системе творческих заданий учащимся. Особенно большую помощь хрестоматийные тексты окажут при составлении учащимися рекомендованных в школьном учебнике рассказов о восстании рабов и бедняков в Египте, жизни рабов в Риме, Саламинском бое и т. д. Учитель зачитывает в классе хрестоматийные тексты, сюжеты и образы которых могут войти в творческие сочинения детей.

Материал художественной литературы применяется и в сочетании с другими средствами обучения, в частности с настенными картинками и иллюстрациями из учебника. Внешняя наглядность органически соединяется с внутренней наглядностью, и созданные в результате этого двойного воздействия исторические представления отличаются яркостью и прочностью.

Отрывки из художественно-исторической литературы найдут применение и на повторительно-обобщающих уроках. Они должны

¹ О внеклассном чтении см.: Ж и т о м и р о в а Н. Н. Советская историко-художественная книга для детей и ее воспитательное значение. Л., 1975; она же. Руководство внеклассным чтением в V классе.— «Преподавание истории в школе», 1976, № 1; Озерский И. З. Руководство внеклассным чтением.— «Преподавание истории в школе», 1976, № 3.

только подбираться с таким расчетом, чтобы способствовать закреплению, углублению и расширению знаний учащихся.

По некоторым темам в хрестоматии приводится больше текстов, чем это требуется для урока. Отбор художественного материала должен быть разумным, тщательным и экономным. Зачитывать на уроке следует один или максимум два небольших по размеру отрывка.

Хрестоматия окажет учителям помощь в решении задач, выдвинутых Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров о школе (декабрь 1977 г.), в котором подчеркивается необходимость воспитания у школьников высоких идейно-нравственных качеств.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ

Прежде чем приступить к изучению истории древнего мира, учитель рассказывает об археологии и археологах, о трудной и кропотливой работе ученых над историческими памятниками.

У учащихся очень мало представлений о том, как археологи «читают» далекое прошлое, как находят они следы давно ушедшей жизни. В этой связи уместен рассказ о раскопках в Помпеях. Случилось так, что под многометровой толщей вулканического пепла уцелел уникальный археологический комплекс. Извержение Везувия застало жителей города внезапно, поэтому в неприкосновенности сохранилась обстановка, окружавшая помпеян в их повседневной жизни.

Трагическая гибель древнего города художественно изображена английским писателем Э. Булвер-Литтоном в романе «Последние дни Помпей» и советской писательницей К. Моисеевой в детской повести «В Помпеях был праздник». Оба автора сами совершили волнующее путешествие в Помпеи. Содержание их книг окрашено непосредственными впечатлениями от города, вызванного из небытия археологами.

В тексте, который заимствован для хрестоматии из заключительной части книги К. Моисеевой, дано описание Помпей в том виде, как они воспринимаются нашим современником. «Перед взором путешественников,— пишет К. Моисеева,— оживают страницы античной истории, настолько живые и выразительные, что все самые блестящие описания, оставленные нам древними авторами, блекнут».

Рассказ о гибели Помпей учитель может сочетать с показом знаменитой картины К. Брюллова «Последний день Помпеи» и чтением стихотворения А. С. Пушкина «Везувий зев открыл...»¹.

¹ См.: Пушкин А. С. Везувий зев открыл...— Собр. соч. в 10-ти т., т. 2. М., 1959, с. 623.

В-ПОМПЕЯХ

Мы шли по улицам Помпей, вдоль каменных оград, мимо роскошных вилл, мимо развалин храмов и терм, и нам не верилось, что жизнь остановилась так давно — почти девятнадцать веков назад. Пепел Везувия, поглотивший этот беломраморный город в 79 году н. э., исчез. Археологи сняли десятиметровую толщу пепла и камней, очистили улицы... и дома.

Можно зайти в лавку пекаря, можно потрогать массивные каменные жернова, можно долго любоваться восхитительной мозаикой, украсившей мраморный бассейн в богатом доме Веттиев. Можно изучать фрески помпейских художников, сохранившиеся на стенах домов <...>

В Помпеях повсюду следы остановившейся жизни. Мы вошли в пекарню на окраине небольшой, ровной улицы, выстланной белыми плитами. Эта улица протянулась сверху вниз, и во время дождей ее, вероятно, заливали потоки воды. Для того, чтобы перейти с одной стороны на другую и попасть к пекарю, были сделаны возвышения из каменных плит с выемкой для воды. Когда смотришь на этот переход, то кажется, что сейчас появится шустрый мальчуган, который прыгнет с одного камня на другой и побегит на угол к пекарю за свежим душистым хлебом.

Мы внимательно рассматриваем античные жернова, на которых молили зерно, а затем долго стоим у большой сводчатой печи, чем-то напоминающей русскую деревенскую печь. Рядом на столе лежат хлебы, испеченные помпейским пекарем в тот час, когда пепел Везувия засыпал город. Они окаменели и почернели, но сохранили форму. Отлично видно, что хлеб состоял из нескольких булок, которые легко было разломить на части...

Мы рассматриваем остатки изящной колоннады помпейского форума, который был и центром города, и самым большим его украшением. Мы подходим к мраморной лестнице, которая вела когда-то к храму Аполлона. Можно себе представить, что это был храм дивной красоты <...>

В Помпеях был когда-то и старый форум. Эту красивую площадь с двух сторон украшал портик с крышей, которая покоилась на девятиста пяти дорических колоннах. Здесь стояли скамьи, а в центре был мраморный бассейн. Вода к нему поступала по свинцовым трубам. А неподалеку возвышались два театра. Музыкальный театр «Одеон» — на 1500 мест и драматический — на 5000 мест. Во время раскопок был открыт бассейн для шафрановой воды. В жаркие дни этой водой spryskivali арену. Среди скамеек были найдены брошенные театральные билеты — кружочки из свинца или слоновой кости. На них были выгравированы номера. В этих театрах ставились народные фарсы, трагедии, пантомимы.

Помпеи были городом красивым, утопающим в зелени. Здесь строили прекрасные дома богатые римляне. Не потому ли все, что мы встречаем в городе, говорит о том, как заботились здесь об

удобствах и увеселениях. Ученые предполагают, что в Помпеях было двадцать тысяч жителей. Громадный амфитеатр, раскопанный археологами, мог принять все население города <...>

Мозаики и фрески, скульптуры и лепные украшения стен, изящные мраморные фонтаны в перистиле, искусные изделия ювелиров — все, что мы видим в Помпеях, вызывает восхищение и чувство величайшего уважения к тем людям, которые создали эти вещи с таким вкусом и чувством красоты.

В Помпеях откопали несколько серебряных столовых сервизов. Это были блюда, тарелки, чаши и кубки, украшенные богатым орнаментом. Один из этих сервизов особенно выделяется своей художественной ценностью. Он был найден в конце прошлого века в полутора километрах от Помпей, вблизи маленького городка Боскареаль. В ту пору велись раскопки на склоне Везувия. Археологи раскрыли дворец и строения для хранения амфор с вином и оливковым маслом. Здесь же была найдена печать, по которой узнали, что это имение принадлежало Люцию Герению Флору, богатому владельцу, который получал доходы с виноградников, пастбищ и оливковых рощ.

Извержение Везувия приостановило жизнь имения в тот момент, когда на кухне варилась пища. В печи стояли горшки. На цепи сидела собака. В конюшне лошади поедали овес. А скотный двор был пуст, потому что коровы, овцы и козы были на пастбище. Хозяйка имения пошла проверить, как работает пресс для выдавливания виноградного сока. На прессе работало двое рабов. Впоследствии на этом месте раскопали три человеческих скелета, — очевидно, хозяйке дома принадлежали золотые перстни...

Но самое большое впечатление остается от гипсовых слепков, сделанных по методу археолога Фиорелли, который еще в 1864 году сделал удивительное открытие.

Во время раскопок Фиорелли обнаружил пустоты, которые образовались от того, что в момент катастрофы с вулканическим пеплом полил горячий дождь. Мокрым пеплом плотно облепило тела людей, погибших на улице: складки одежды, морщины на лице — все четко отпечаталось в этом горячем месиве, а позднее, когда все истлело и остались только скелеты, образовалась пустота, которую Фиорелли заполнил жидким гипсом. Первая же скульптура, полученная таким способом, удивила ученых. Когда гипсовый раствор застыл, на поверхность земли извлекли скульптуры с лицами подлинных людей, на которых застыл ужас и отчаяние...

В Помпеях сохранились не только улицы, виллы, остатки храмов и терм. Когда пройдешься по улицам Помпей, заглянешь в дома, увидишь скульптуры и мозаики, изящные сосуды и ювелирные украшения, когда прочтешь надписи, сохранившиеся на стенах домов, тебя не покидает ощущение, будто жизнь этих древних людей продолжается...

ЖИЗНЬ
ПЕРВОЫТНОГО
ЧЕЛОВЕКА

1. КАКИМИ БЫЛИ И КАК ЖИЛИ ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЮДИ

Жизнь первобытных людей каменного века довольно ярко отражена в ряде произведений художественной литературы. Поэтому учитель может располагать значительным по объему художественно-иллюстративным материалом, характеризующим почти все стороны жизни древнейшего человека этой эпохи.

Процесс становления человека, борьба коллективов первобытных людей за свое существование воссозданы в книгах советской писательницы С. Радзиевской и болгарского писателя Д. Ангелова.

Небольшая повесть С. Радзиевской «Рам и Гау» посвящена самому раннему периоду в истории человечества. Сцены тяжелой борьбы за существование, полусознательное использование первых орудий труда — камня и дубины, единоборство с грозными хищниками, первое постижение спасительной силы огня — все это составляет содержание книги, вполне согласующейся с современными научными взглядами на жизнь доисторического человека. В первом издании хрестоматии использовался аналогичный по сюжету материал из повести Я. Мавра «Человек идет»¹.

О своей оригинальной книге «Когда человека не было» Д. Ангелов пишет: «Она представляет собою художественную иллюстрацию научной теории происхождения человека и роли труда в его развитии». На примере жизни нескольких поколений человекообразных обезьян, которые названы условно «чунгами», автор показывает длительный и сложный путь их постепенного «человекования». Процесс развития «чунгов» доведен до того времени, когда они овладевают огнем.

Случайно добытый огонь стал защитником человека, хранителем его сил, источником многих радостей. Но пока человек не знал способов добывания огня, он жил в вечном страхе его утраты. О том, какие тяжелые последствия влекло подобное несчастье, рассказано в книге французского писателя Рони Старшего «Борьба за огонь».

Эта историческая повесть о жизни людей каменного века давно стала любимой книгой юношества. Герой книги — отважный охотник Нео и его друзья, отправившиеся на поиски огня ради спасе-

¹ См.: Мавр Я. Человек идет. Повести. Л., 1960.

ния своего племени. Рассказывая о трудном пути и удивительных приключениях юных смельчаков, автор дает красочные описания природы, доисторических животных, уклада жизни первобытных охотников. Повесть находит свое продолжение в двух последующих произведениях Рони Старшего¹.

Первый текст — «Наши далекие предки» — в сочетании с цветной иллюстрацией из учебника позволит выделить и запечатлеть в памяти учащихся характерные черты сходства и различия первобытного человека и обезьяны.

Второй текст знакомит детей с условиями и характером жизни первобытного стада. При чтении его учителю следует иметь в виду, что автор часто пользуется вымышленными названиями животных и растений (например: та-ма — черепаха, кри-ри — птицы и т. д.).

В двух последующих материалах из книги Рони Старшего «Борьба за огонь» содержится выразительный рассказ о значении огня для древнего человека и открытии способа добывания огня. Тексты подчеркивают необходимость жизни в коллективе.

Богатый иллюстративный материал по теме, который целесообразно привлечь при использовании художественной литературы, содержится в монографии И. Аугуста и З. Бурiana «Жизнь древнего человека»². Содружество двух чешских авторов — палеонтолога Иозефа Аугуста и художника Зденка Бурiana — позволило создать на научной основе серию великолепно исполненных цветных картин, последовательно отражающих все основные этапы развития первобытного человека.

Методические советы по использованию художественной литературы учитель найдет также в статье Т. Н. Десницкой³.

Содержание текстов позволяет учителю поставить перед учащимися ряд разнообразных вопросов.

НАШИ ДАЛЕКИЕ ПРЕДКИ

Кусты орешника вдруг раздвинулись, и на поляну вышло странное существо. Короткие, немного согнутые ноги его поддерживали сильное длинное туловище, огромные челюсти выдавались вперед, как у обезьяны, а маленькие глаза, глубоко спрятанные под нависшими бровями, блестели настороженно и сердито.

Но это была не обезьяна; сутулая фигура крепко стояла на ногах, а длинные, ниже колен, руки не опирались на землю по обезьянему. В одной руке странное существо держало камень с грубо заостренным краем, в другой — тяжелую дубину.

¹ См.: Рони Старший. Пещерный лев. М., 1961; он же. Вамирах. Человек каменного века. М., 1959.

² См.: Аугуст И., Бурян З. Жизнь древнего человека. Прага, 1960.

³ См.: Десницкая Т. Н. Раскрытие роли труда в становлении человеческого общества средствами художественной литературы в 5 классе. — «Преподавание истории в школе», 1965, № 4.

Озираясь и останавливаясь на каждом шагу, существо сделало несколько осторожных шагов в сторону дуба. Оно глубоко втягивало воздух широкими ноздрями плоского носа, стараясь уловить запахи, которые бы предупредили его об опасности. Но неподвижный воздух ничего не сказал ему. Существо сердито оскалилось, оглянулось и издало приглушенный, отдаленно напоминающий членораздельные звуки, крик. Тотчас же кусты орешника зашевелились снова: такие же сутулые мохнатые фигуры молча скользили в густой траве и сбились вокруг своего предводителя в тесную кучу.

Их было около пяти десятков, мужчин и женщин, некоторые матери несли на руках малышей, более взрослые дети сами бежали с ними рядом и, видимо, чем-то сильно напуганные, жались к матерям на бегу. На всех этих существах не было и признаков одежды, мужчины и женщины были одинаково мохнаты. Только у одного мужчины в шапке путаных коротких волос блестела седина.

По всему было видно, люди спасались от какой-то опасности, но теперь, потеряв надежду избежать ее, решились встретиться с врагом лицом к лицу.

Лес, простиравшийся на сотни километров, не имел ни скал, ни возвышенностей, на которых удобно было бы принять бой. Нельзя было спастись и на деревьях: враг, преследовавший их, умел выжидать, пока истощенные жертвы сами свалятся ему в пасть. Обезьяно-люди — первые люди на Земле — понимали это. Они остановились и ждали. Здесь, на поляне под дубом, встретить врага лицом к лицу и дать ему отпор было легче, чем в зарослях. Страшный саблезубый тигр преследовал бродячую орду. И не один уже раз, притаившись где-то рядом, выхватывал то женщину, то ребенка, а вчера унес молодого сильного мужчину. Орда должна была погибнуть целиком или принять бой.

Вождь орды, вышедший на поляну, продолжал распоряжаться. Еще несколько странных лающих звуков, и все дети и матери собрались у старого дуба. Мужчины и некоторые женщины образовали вокруг них кольцо. В руках они держали заостренные камни и дубины. Один, самый коренастый и сильный мужчина опустил на землю огромный грубо обколотый камень. Он все время носил его с собой. Удобно положив камень на землю, чтобы можно было сразу нагнуться и схватить его, мужчина глубоко вздохнул и пошевелил широкими мохнатыми плечами. Казалось удивительным — как мог человек долго нести на себе такую тяжесть. Это был настоящий великан по сравнению с остальными: темные волосы, покрывавшие его тело, были длиннее и гуще, чем у других людей, а на груди и плечах они свисали длинными прядями, точно грива. Глаза совсем притались под мохнатыми бровями и блестели оттуда по-звериному.

Раданевская С. Рам и Гау. (Древнейшие люди и завоевание огня). Казань, 1967, с. 4—5.

ЖИЗНЬ ПЕРВОБЫТНОГО СТАДА

Жизнь, которую чунги вели в лесу, была сравнительно легкой и беззаботной. Было тепло, да и пища была в изобилии: плоды на деревьях, сладкие корни и луковицы, которые они выкапывали все искуснее, сочные побеги и молочная сердцевина многих кустов.

Но давно уже привыкнув к мясу, они очень радовались, когда им случалось убить какое-нибудь животное. Особенно если этим животным был большой, сильный хищник; тогда они собирались вокруг него и, прежде чем съесть, ритмически прыгали и вскрикивали, выражая этим свое удовольствие по поводу того, что избавились от опасного хищника. Но с таким же удовольствием они ели та-ма и других мелких зверьков, совсем незащитных и умеющих только ползать. А яйца и детеныши кри-ри были любимым лакомством маленьких чунгов, которые и без того любили лазать по деревьям.

Итак, чунги бродили по лесу, не оставаясь подолгу на одном месте и делая себе только временные логовища из травы и листьев. Лишь когда рождался новый детеныш или бывал ранен хищником взрослый чунг, которому нужно было лежать, пока он не выздоровеет, они задерживались на одном месте подольше.

Тем временем ладони и пальцы на задних лапах становились у них все грубее и теряли ловкость. Чунги почти не пользовались ими для хватания, а только для ходьбы и все делали руками: рвали ими плоды, разламывали скорлупки, устраивали себе логовища, ломали ветки и обламывали им верхушки, чтобы их можно было бросать в опасных зверей; очищали стебли га-ли, выкапывали сладкие корни и луковицы. При этом им нужно было крепко стискивать ветки и камни и с еще большей силой ударять нападающих зверей, если они хотят остаться в живых и есть мясо. От всего этого они становились все более ловкими и находчивыми, все более ловко и умело нападали и защищались от больших, сильных зверей.

Ангелов Д. Когда человека не было. М., 1959, с. 150.

ОГОНЬ ПОГАС!

В непроглядную ночь бежали улары, обезумев от страданий и усталости; все их усилия были тщетны перед постигшим их несчастьем: огонь был мертв! Они поддерживали его в трех клетках. По обычаю племени, четыре женщины и два воина питали его день и ночь.

Даже в самые тяжелые времена поддерживали они в нем жизнь, охраняли его от непогоды и наводнений, переносили его через реки и болота; синеватый при свете дня и багровый ночью, он никогда не расставался с ними. Его могучее лицо обращало в

бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда. Его красные зубы защищали человека от обилия страшного мира; все радости жили только около него. Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни, он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты.

И вот теперь он мертв! Враг разрушил две клетки; в третьей же, уцелевшей во время бегства, огонь ослабевал, бледнел и постепенно уменьшался. Он был так слаб, что не мог поедать даже болотные травы; он дрожал, как больное животное, обратившись в небольшое насекомое красноватого цвета, и каждое дуновение ветра грозило его погасить... потом он вовсе исчез...

Уламы бежали, осиротевшие, в осеннюю ночь. Звезд не было. Тяжелое небо опускалось над тяжелыми водами; растения протягивали над беглецами свои похолодевшие стебли, слышно было только, как шуршат пресмыкающиеся. Мужчины, женщины, дети поглощались тьмою. Прислушиваясь к голосам своих вожakov, они старались двигаться по сухой и твердой земле, переходя вброд встречавшиеся ручьи и болота. Три поколения знали эту тропу. На рассвете они подошли к саванне. Холодный свет просачивался сквозь меловые слои облаков. На жирных, как горная смола, водах кружился ветер. Как гнойники, раздувались водоросли, оцепеневшие ящерицы лежали, свернувшись среди кувшинок. На иссохшем дереве сидела цапля. Наконец, в рыжем тумане развернулась саванна с дрожащими от стужи растениями. Люди восприняли духом и, пройдя сквозь заросли камыша, очутились, наконец, среди трав, на твердой почве. Но тут их лихорадочное возбуждение сразу упало, люди ложились на землю, застывали в неподвижности; женщины, более выносливые, чем мужчины, потеряв своих детей в болотах, были, как волчицы; те, что спасли своих малюток, поднимали их вверх, к облакам. Когда рассвело, Фаум с помощью пальцев и веток пересчитал свое племя. Каждая ветка соответствовала количеству пальцев на обеих руках. Остались: четыре ветки воинов, более шести веток женщин, около трех веток детей, несколько стариков.

Старый Гун сказал, что уцелели один мужчина из пяти, одна женщина из трех и один ребенок из целой ветки.

Уламы почувствовали всю огромность несчастья. Они поняли, что их потомству угрожает гибель.

Рони Старший. Борьба за огонь. М., 1958, с. 5—6.

КАМНИ РОЖДАЮТ ОГОНЬ

Нао, охваченный жалостью к ватагам, стал показывать им, как разжечь пламя, как вдруг заметил среди ивняка женщину, которая ударяла одним камнем о другой.

Посыпались искры, вдоль сухой тонкой травинки заплескала маленькая красная точка, затем загорелись ветки; женщина тихоноcko раздувала огонь, он стал пожирать свою пищу.

Сын Леопарда застыл в изумлении. Он подумал: «Вахи прячут огонь в камнях».

Подойдя к женщине, он старался получше рассмотреть, что она делает. Инстинктивно женщина сделала недоверчивый жест. Затем, вспомнив, что этот человек спас их от гибели, она протянула ему камни. Он жадно рассматривал их и, не найдя ни одной трещины, изумился еще больше. Он их ощупал: камни были холодные. Нao спрашивал себя с беспокойством: «Каким образом огонь вошел в эти камни?.. И почему же он не разогрел их?»

Он вернул камни с тем чувством страха и недоверия, какое внушают людям таинственные и незнакомые предметы...

Но постичь тайну добывания огня он не мог. Эта тайна внушала ему страх. Он только издали наблюдал, как вспыхивали из камней искры; он задавал себе вопросы, которые оставались нерешенными. Но с каждым разом он все больше привыкал к этому зрелищу, и постепенно страх уступил место любопытству.

...Нao, запасшись сухими, почти обуглившимися травами, ударил один камень о другой. Он проделывал это с неистовой страстью. Затем его одолело сомнение. Он сказал себе: «Вахи скрывают от Нao какую-то тайну». Он с такой силой ударил камень о камень, что один из них раскололся. И вдруг... у Нao захватило дыхание... на одной из травинок появился маленький огонек! Тогда уламп осторожно раздул пламя: оно поглотило свою слабую добычу и перешло на другие травы...

Он чувствовал, что обрел могущество, которым не владел ни один из его предков. Теперь никто не сможет умертвить огонь у людей его племени.

Там же, с. 106—108

2. РОДОВЫЕ ОБЩИНЫ ОХОТНИКОВ

Дальнейшее усовершенствование орудий труда расширило возможности первобытных людей последнедикового периода в охоте и рыбной ловле. Живо, с интересными деталями рисует картину обработки камня советский писатель С. Каратов в повести «Быстроногий Джар». Рассказ о суровой жизни охотников приковывает к себе внимание читателя. Исторически правдиво показаны в нем общественные отношения и труд древних обитателей Европы.

Усовершенствованные орудия труда обусловили преобладание коллективной охоты над примитивным собирательством. О наиболее распространенных способах охоты увлекательно рассказано в книге «Охотники на мамонтов», автором которой является крупный ученый, непосредственный участник археологических изысканий на севере нашей страны, талантливый писатель С. Покровский.

Герои ее — люди позднего палеолита, жившие в верховьях Волги, там, где проходила южная граница ледника. Живописны в повести сцены трудовой деятельности первобытных общин: охоты на зверей, собиранья растений, изготовления орудий труда. Сюжетные зарисовки из этой книги «Загон оленей» и «История ловушки» удачно сочетают научную достоверность с занимательностью изложения.

При рассказе об охоте на мамонтов учитель пользуется картинами В. М. Васнецова или Ф. М. Кривера. Художественное описание охоты, которое могло бы быть зачитано или стать основой для яркого изложения учителя, можно найти в ряде произведений. В уже указанной книге С. Покровского даны не только живые сцены поисков и преследования мамонтов, драматические схватки людей со зверем, но и с отменным умением рассказано о жизни мамонтов, о значении и трудностях охоты на них и т. д. Другое описание охоты на мамонтов учитель найдет в оригинальном произведении Я. Вилькина «История Лима Великолепного»¹. Лимом Великолепным автор называет драгоценный камень аквамарин. Писатель создает ряд занимательных новелл об истории камня и проводит читателя через различные исторические эпохи, от времен первобытных охотников до наших дней.

В хрестоматию также включен яркий фрагмент о подготовке к коллективной охоте на мамонтов из книги чешского писателя Э. Шторха «Охотники на мамонтов». Эта повесть, написанная для юного читателя и названная так же, как и повесть С. Покровского, привлекает живыми бытовыми сценами и значительно расширяет представления учащихся о трудностях борьбы за существование первобытных человеческих коллективов. Главными действующими лицами книги являются дети охотничьей общины. Это позволяет автору образно показать их воспитание и участие в разнообразных видах труда.

Было бы очень полезно ознакомить учащихся в меру возможного с книгой И. Аугуста и З. Буриана «Мамонты», рассказывающей о наиболее интересных находках останков мамонтов в наше время и содержащей много красочных иллюстраций².

Характеризуя первобытное жилище, учителя обычно пользуются картиной Л. А. Ушакова «В пещере первобытного человека». В художественной литературе наиболее выразительное описание обжитой пещеры дано в книге Д'Эрвиля «Приключения доисторического мальчика». Книга предназначена для детей младшего и среднего школьного возраста.

Главный герой повести мальчик Крек мечтает стать умелым и бесстрашным охотником, защитником слабых в общине. Пытливо постигает он опыт и знания старших, испытав при этом ряд опасных приключений. Повесть ценна воспитательным воздействием на

¹ См.: Вилькин Я. История Лима Великолепного. Минск, 1965.

² См.: Аугуст И., Буриан З. Мамонты. Прага, 1963.

юного читателя. Она учит трудолюбию, смелости, товариществу, верности долгу. Текст «Жилище первобытного человека» очень близок по содержанию к учебной картине Л. А. Ушакова.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

После того как большинство обитателей пещер разошлось, собрался в путь и Маюм в сопровождении Джара и Рама. Вождь взял с собой волчью шкуру и копье с каменным наконечником. Сойдя с площадки, он сразу же повернул в сторону скалистого крижа, тонувшего в синей дымке тумана. Юноши переглянулись: цель похода стала ясна. Вождь вел их на поиски камня, пригодного для выделки орудий.

Вскоре путники дошли до цепи каменных громад... Острый взгляд Старейшего рыскал по сторонам в поисках нужного камня.

— Камень! Маюм нашел камень! — закричал старый охотник, склонившись над крупным кремневым осколком величиной с человеческую голову. Подняв другой камень, поменьше, он стукнул им по найденному кремню и отколол от него тонкую пластину. Старик долго водил ладонью по поверхности камня, изучая его свойства. Наконец из горла Старейшего вырвались звуки, похожие на бульканье воды, — это означало, что он доволен осмотром. Вождь стал высоко подпрыгивать, похлопывая себя по бедрам. Юноши повторяли его движения. Так они выражали радость по поводу находки. Волчью шкуру с кремнями Джар и Рам должны были нести по очереди...

На другой день Маюм, Джар и Рам спустились к берегу реки и под тенью ив принялись за изготовление каменных орудий. Найденный камень оказался превосходным темным меловым кремнем необычайной прочности. Маюм был очень доволен своей находкой.

Сегодня он решил показать юношам способы обработки камня.

Работа по изготовлению каменных орудий — наконечников для копий и дротиков, ножей и других предметов обихода — требовала терпения и сноровки...

Джар внимательно приглядывался к точно рассчитанным, быстрым и ловким движениям старого вождя — Маюм выделывал каменный наконечник копья. Юноше захотелось сделать такой же себе. Рам пытался смастерить одно из распространенных каменных орудий того времени, скребок — полукруглое с острыми краями лезвие, приспособленное главным образом для осклабления шкур. Работал он без большой охоты. Отделка камня получалась у него грубой.

Глядя на неумелую работу Рама, Маюм хмурился, неодобрительно хмыкал носом и принимался еще усерднее отделять наконечник. Юноши перепортили немало камней, но ничего путного у них не получилось, и Джар решил хорошенько присмотреться к

работе старого вождя. Вскоре он понял, что успех во многом зависит от хорошей кремневой пластины, из которой изготовлялось оружие.

Со всей тщательностью, на какую он был способен, Джар осмотрел принесенные кремни, выбрал один продолговатой формы и, резко ударив по нему камнем-отбойником, отколол длинную пластину. Затем принялся обрабатывать заготовку, надавливая на каменную пластину костью, тем самым он скалывал короткие поперечные чешуйки кремня. И через некоторое время в руках Джара оказался кусок камня, уже напоминавший наконечник копья.

Маюм оторвался от работы, молча поглядел на обработанный Джаром камень, на слипшиеся от пота волосы юноши и, взяв из его рук незаконченный наконечник, стал осторожно подправлять края.

Джар с загоревшимися глазами наблюдал за работой старика. Маюм, довольный его старательностью, выражал свое одобрение, как обычно, звуками, похожими на бульканье воды.

Неожиданно Рам пронзительно завопил и с яростью швырнул в сторону отбойник; неверный удар расколол кремень и вдобавок пришелся по пальцам. Старый вождь строго посмотрел на него и что-то сердито проворчал.

Каратов С. Быстроногий Джар. М., 1962, с. 17—18, 21—23.

ЗАГОН ОЛЕНЕЙ

Олений загон был по ту сторону оврага. Там на кочковатом болоте были воткнуты два ряда высоких жердей. Между собой они соединялись также длинными жердями, привязанными пучками ивовых прутьев.

Это были две высокие изгороди. Через них не могли перепрыгнуть ни олень, ни дикая лошадь. Изгороди в сторону болота расходились широким раструбом. К береговому обрыву они суживались, как воронка. Здесь оставался проход шагов в семь шириной. Он вел на небольшую площадку — род террасы, сплетенной из древесных ветвей и замаскированной елями. Террасу снизу поддерживали тонкие жерди. Сооружение было очень шатко. Даже человеку ступить на него было опасно.

Все население поселка, кроме старух и больных, приняло участие в облаве. Матери, девушки, подростки и дети лет от семи и старше перебрались на другой берег оврага. Там залегли они длинной цепью, спрятавшись среди низких кустов ивыняка. Нескольким дозорным во главе с охотником Калли проползали вперед, чтобы лучше видеть все болото. Ждать пришлось недолго. Скоро из-за низкорослой ивовой поросли показался живой кустарник. Он качался и двигался. Это были рога, одни рога — много десятков ветвистых рогов, еще обросших бурой шерстью, хрящеватых, полных горячей крови.

Но вот показались и сами олени. Словно стадо больших овец, спускались они от леса к болоту. Впереди шли самки с оленятами, сзади — крупные самцы, с огромными рогами.

Животные шли и оглядывались. Они почуяли беду. О ней говорило их тончайшее чутье. По ветру они узнавали человека за много тысяч шагов. Но ветер относил запах поселка в другую сторону. Зато с тыла он нес им страшную весть: двуногие близко. Это пугало оленей, заставляло идти все вперед и вперед...

В передних рядах их нарастала смутная тревога...

Олени остановились... И вдруг сзади прорезал воздух громкий охотничий крик, и человек двадцать загонщиков выскочили из-за кустов. Стадо разом рванулось вперед и понеслось наискось к оврагу...

В это время... женщины и дети выскочили из оврага и с визгом бросились наперерез. Матки пархнувшись в сторону, и все стадо стало вливаться в широкую воронку загона.

Охотники были уже близко и с криком замыкали кольцо облавы.

Олени помчались между двумя заборами. Путь становился теснее. Оленята и матки смыкались в густую кучу. Самцы, как сумасшедшие, напирали сзади. Свирепый рев мужчин, визг женщин и детей очень испугали оленей. В диком ужасе прыгали они друг на друга, давили маток и оленят. Передние ряды уже ринулись через узкий проход на плетеную площадку.

Площадка покачнулась и с треском рухнула вниз. Но стадо уже не могло остановиться. Задние продолжали напирать. Матки и оленята кучами валились с обрыва. На самом краю олени вскакивали на дыбы и пытались повернуть назад, но напиравшие сзади сбивали их вниз и сами валились за ними. Под обрывом лежали известковые глыбы. Олени падали на них, разбивались насмерть или калечили ноги.

Покровский С. Охотники на мамонтов.— В кн.: Покровский С. Охотники на мамонтов. Поселок на озере. М., 1956, с. 40—43.

ИСТОРИЯ ЛОВУШКИ

Сначала на этом месте была небольшая яма. Это была ловушка на малых зверей. В нее ловились лисицы и росомахи, детеныши косуль, иногда зайцы-беляки. Яма была узкая. Глубина ее была не больше человеческого роста. Такие ямы охотники посёлка делали в разных местах. Но это была «счастливая» яма. Охотники вырыли ее на звериной тропе в начале оврага. Здесь проходил путь из глубины леса к берегу реки. Грунт был легкий для рытья. Дождевая вода не застаивалась в яме. Она уходила в овраг сквозь пористую толщу песка. Охотники прикрывали ловушку настелом хвороста и маскировали гнилыми листьями, мхом и лишайником, а зимой — слоем снега.

Не проходило года, чтобы ловушка не дарила поселку по несколько пойманных зверей. После каждой поимки ловушку нужно было поправлять и налаживать снова, вынимать осыпавшуюся землю. Песок рыли крепкой и острой палкой, сгребали в кожаные мешки и подавали их тем, кто стоял наверху.

С каждым годом яма делалась шире и глубже. В нее начали проваливаться взрослые косули, молодые олени, телята туров и бизонов. Летом это случалось реже. Зимой, когда снег покрывал все следы людей и искусственную настилку, ловушка после снегопада работала отлично. Охотники приписывали свои удачи не тому, что хорошо было выбрано место. Они думали, что настоящая причина — искусное заклинание, танцы, бормотанье старух и колдовские рисунки на стволах деревьев. Так верили старые. Так верили и молодые.

Лет тридцать назад в ловушку провалился старый зубр. Он упал вниз головой, а ноги торчали кверху. Ловушка была так узка, что зубр не мог в ней перевернуться. Он дико ревел и бил задними ногами. Края ямы осыпались от ударов копыт. Люди, прибежавшие на рев, нашли его полужасыпанным песком. Они истыкали его сверху копьями, и зубр издох от потери крови.

С этих пор яму пришлось сильно расширить и углубить. В следующие годы в нее стали попадать взрослые олени, туры и зубры. Один раз провалился гигантский самец лося. Он обвалил рогами грудку песка, встал на дыбы и выпрыгнул из ямы на глазах у охотников. С тех пор яму сделали еще шире и глубже.

Художник Фао, который тогда считался лучшим ловцом, придумал новый прием — вкапывать в дно ямы крепкое копьё. Потом стали ставить туда заостренную жердь, чтобы на нее натыкались звери.

Там же, с. 106—107.

ОХОТА НА МАМОНТОВ

— Мамонты, мамонты, мамонты.

Эта весть вызвала оживление среди охотников. Ньян говорит — «мамонты»? И не один, а много мамонтов! Вот удача! Все давно уже ждут такого случая!

— Ньян, где ты их видел?

— Они идут сюда?

Вопросы сыпались со всех сторон, но как только Ньян начал рассказывать, тотчас наступила тишина.

— Мамонты идут сюда, много мамонтов идет сюда!

Шумным ликованием встретили охотники эту весть.

Они повскакали со своих мест, кувыркались, хлопали в ладоши и весело смеялись. Снова наступит благополучие, снова в племени будут большие запасы мяса!

Опытные охотники Космач, Укмас, Волчий Коготь и Сын Мамонта не разделяли всеобщего веселья. Одно сообщение о прибли-

жающих мамонтах еще не означает верную добычу. Мамонты могут перейти Дыю где-нибудь в другом месте... И наконец, мамонты — это не зайцы и даже не олени. Охота на мамонта — дело трудное, к ней нужно хорошо подготовиться.

Однако большая часть племени веселилась и вела себя так, словно мамонты были уже пойманы. После долгого и шумного спора было наконец решено, что несколько охотников тотчас отправятся на разведку: одни пойдут на холм обозреть равнину, а другие останутся в становище и будут готовиться к большой охоте.

Во главе охотников, посланных на разведку, пошел следопыт Космач. Нянь указал ему, в каком направлении идут мамонты; если их ничто не задержит по дороге, то они будут здесь уже сегодня.

Волчий Коготь с несколькими охотниками отправился на холм.

Оставшиеся в становище мужчины принялись совещаться, как лучше организовать охоту. На подготовку ям-ловушек времени не было. Оставалось одно — напасть на какого-нибудь отбившегося от стада одиночку и копьями нанести ему как можно больше ран, чтобы мамонт ослаб от потери крови. Если это удастся, охотники оставят добычу на попечение женщин и будут дальше преследовать стадо; возможно, они сумеют убить еще одного или двух мамонтов. Надо лишь нападать всем вместе, с разных сторон. Как только мамонт ринется на кого-нибудь из охотников, остальные тотчас должны напасть на него, стараясь отвлечь животное и спасти товарищей от верной гибели.

Таков закон охоты.

Эта охота будет опасной — ведь разъяренный мамонт может схватить человека своим длинным гибким хоботом и ударить о землю или растоптать огромными, похожими на стволы вековых деревьев ногами. Такие истории часто вспоминают бывалые охотники у вечернего костра.

Однако предчувствие опасности только подзадоривало мужчин: чем больше опасность, тем больше славы выпадает на долю охотников в случае удачи.

Совет уже подходил к концу, когда Сыну Мамонта пришла в голову великолепная мысль:

— Зубры в болоте — мамонты в болоте!

Охотникам понравился план Сына Мамонта; они загонят стадо мамонтов в болото, как сделали это с зубрами.

— Гой, гой, гой! Мамонтов в болото! — весело кричали мужчины.

Теперь все принялись готовить к охоте особо прочные острые копья — основное оружие первобытного охотника. Сегодня их понадобится очень много.

Мужчины выбирали подходящие прямые ветки дуба, ясеня или граба, заостряли их концы, затем обжигали на огне, а после всего обтачивали камнями.

...Вдруг послышался трижды повторенный свист. Это Волчий Коготь с холма подавал сигнал:

«Мамонты идут! Будьте готовы. Большая охота начинается!»

Теперь уже не до споров. В такой охоте одиночкам не место! Действовать сообща — только тогда их ждет удача. Женщины в этой охоте тоже помощники — они понесут запасное оружие, будут во время охоты помогать окружать мамонта, оглушать его криками. Нескольким старшим мальчикам поручено быть связными между отдельными группами, да и дозорные из них отличные: мальчишке, если понадобится, ничего не стоит взобраться на самое высокое дерево...

Поселок опустел. Только две старые женщины остались у костра да совсем маленькие дети.

Вернувшись из дозора Волчий Коготь рассказал охотникам, собравшимся на краю поселка, что стадо мамонтов действительно появилось недалеко между пологими отрогами гор и Дыей. Они движутся вдоль реки. Их много, и идут они несколькими группами. От Космача прибежал мальчишка. Они тоже заметили мамонтов. Теперь надо подлучше укрыться. Мамонты не должны обнаружить охотников раньше времени. «Они могут свернуть в другую сторону, и тогда прощай добыча!» — велел напомнить старый охотник...

Сын Мамонта решил не пренебрегать советом и разбил охотников на несколько групп. Волчий Коготь будет охранять возвышенность, Космач расположится на берегу Дьи и преградит мамонтам путь к воде, а Сын Мамонта с несколькими охотниками, спрятавшись в зарослях, пропустит стадо вперед, а потом погонит его перед собой прямо в болото. Женщины останутся в долине и криком будут пугать животных, если они повернут в сторону становища.

— Так волки охотятся зимой, — одобрили охотники действия Сына Мамонта и поспешили разделиться на группы...

Стадо мамонтов приближалось. Уже можно было различить отдельных животных. А за березовой порослью колыхались волосатые спины второго стада гигантов. Иногда над деревьями возникал длинный хобот, размахивающий обломанной веткой, светились белые дуги огромных бивней.

Охотники заметно волновались. Глаза их блестели, руки судорожно сжимали копыя. От напряжения у многих на лбу выступили капельки пота.

Наконец Волчий Коготь закаркал вороном. Это означало, что все идет, как задумано.

От реки тоже несется карканье — это уже Космач. Остальные, спрятавшись в укрытие, ждут. Сын Мамонта из укрытия внимательно наблюдает за каждым шагом животных.

Они приближаются.

Огромный мамонт ведет стадо, размахивает хоботом из стороны в сторону, обламывает на ходу ветки и побеги и сует их в рот.

Уши его похожи на листья огромных лопухов, он хлопает ими, отгоняя назойливых насекомых. За ними шествуют остальные, и скоро узкая тропинка под ногами мохнатых гигантов превращается в широкую дорогу. Один из мамонтов потерял о ствол дерева, и оно переломилось, словно тростинка. Маленький детеныш сорвал с поваленного дерева верхушку и волочит по земле.

Спокойно шествует стадо мамонтов, не подозревая об опасности.

Шторк Э. Охотники на мамонтов. М., 1968, с. 37—41.

ЖИЛИЩЕ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу огромной реки сидел маленький девятилетний мальчик.

Могучий поток неудержимо мчался вперед; в своих желтых волнах он уносил сбившиеся в кучу ветви и травы, вырванные с корнем деревья и громадные льдины с вмержшими в них тяжелыми камнями.

Мальчик был один. Он сидел на корточках перед связкой только что нарезанного тростника. Его худенькое тело привыкло к холоду; он не обращал никакого внимания на ужасающий шум и грохот льдин...

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того места, где река смывала холм, зияла, точно громадная разинутая пасть, широкая черная дыра, которая вела в глубокую пещеру.

Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились предки его предков.

Только через эту темную дыру входили и выходили суровые обитатели пещеры, через нее они получали воздух и свет; из нее вырывался наружу дым очага, на котором днем и ночью старательно поддерживался огонь.

У подножия зияющего отверстия лежали огромные камни, они служили чем-то вроде лестницы <...>

Наше счастье, что мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спертости воздуха; царивших в этом мрачном убежище первобытных людей. Некогда почвенные воды вырыли в толще мягкой горной породы обширный глубокий погреб. Главная пещера сообщалась узкими проходами с другими, более мелкими пещерами. Со сводов, потемневших от дыма, свешивались сталактиты¹ и падали тяжелые капли воды. Вода просачивалась повсюду, стекала по стенам, накапливалась в выбоинах пола. Правда, пещера спасала

¹ Сталактиты, или капельники, — натечные конусообразные образования, спускающиеся наподобие ледяных сосулек с потолка некоторых пещер.

первобытного человека от свирепого холода, но это было нездоровое, сырое жилище. Обитатели его часто простужались, болели... Вдоль стен главной пещеры, на грязной покрытой нечистотами земле, лежали кучи листьев и мха, прикрытые кое-где обрывками звериных шкур — постели семьи.

Посреди пещеры возвышалась глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей, с краю она была чуть теплая, но посредине горел небольшой костер...

Среди пепла и углей виднелись разные объедки и отбросы: обглоданные кости, расколотые в длину, с вынутым мозгом, обгорелые сосновые шишки, обуглившиеся раковины, пережеванная кора, рыбы кости, круглые камни и множество кремней разной формы.

Это обломки кремней — остатки обеденных «ножей», резцов и других орудий. Кремневые орудия очень хрупки, и они часто тупились и ломались. Тогда их просто бросали в мусорную кучу...

В этой первобытной квартире не было никакой мебели. Несколько широких раковин, несколько плетеных мешков из коры или тростника, нечто вроде больших чаш, сделанных из черепов крупных животных, составляли домашнюю утварь.

Зато оружия было много — и оружия страшного, хотя и очень грубо сделанного. В пещере хранился большой запас копий, дротиков и стрел. Здесь были острые каменные наконечники, прикрепленные к древку с помощью растительного клея, древесной и горной смолы или жил животных. Здесь были костяные кинжалы — заостренные отростки рогов оленей и быков; здесь были палицы — зубчатые палки с насаженными на них клыками животных, каменные топоры с деревянными рукоятками, кремневые резцы всех размеров и, наконец, круглые камни для пращи. Но мы напрасно стали бы искать в пещере какого-нибудь домашнего животного. Ни собаки, ни кошки, ни курицы не было видно у очага, возле мусорных куч. В те далекие времена человек еще не умел приручать животных.

Д'Эрвилли. Приключения доисторического мальчика. Л., 1966, с. 13—14, 28—29.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСКУССТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Объяснение происхождения искусства и ранних религиозных верований связано с пониманием психологии первобытного человека, что, безусловно, затрудняет пятиклассников. Поэтому в данном случае особо целесообразно использовать образный язык художественной литературы¹.

¹ Иллюстративный материал, помимо того, который приводится в учебнике, учитель может найти в книге И. Аугуста и З. Буриана «Жизнь древнего человека». Прага, 1960.

Острота впечатлений, которыми жил первобытный человек, вызвала желание воссоздать и выразить пережитое. Основные средства к жизни давала охота. Взволнованный рассказ об охоте, о животных человек пытался передать средствами рисунка. Гладкие камни и стены пещер давали простор для создания своеобразных художественных панно. Первобытный художник углем, охрой и цветной глиной рисовал зверей, растения, сцены охоты. Подобные рисунки, поражающие современных тонких ценителей искусства своей удивительной динамичностью, точностью и выразительностью, найдены теперь во множестве мест.

Различные виды искусства — рисование, скульптура и др. — развивались в тесной связи с ранними формами первобытной религии. В частности, первые рисунки имели ритуальное значение. Изображая зверя, человек хотел воздействовать на него, устранив или уничтожить. Обожествление и поклонение животным явилось одной из ранних форм первобытной религии. В обращении к зверю, в колдовских заклинаниях охотник видел одно из главных средств удачной охоты.

Первый текст тематической подборки дает картинное описание одной из пещер, сохранивших целую галерею рисунков неизвестных первобытных умельцев каменной росписи. Пещера, в которую случайно попадает маленький охотник Нум, герой повести К. Сенака «Пещеры Красной реки», именуется Священной, так как она была местом исполнения магических обрядов. Написанная для детей среднего возраста, историческая повесть Сенака знакомит с жизнью первобытных людей, населявших современную территорию Франции 12—15 тысячелетий тому назад. Их останки были обнаружены в гроте Кро-Маньон. По внешнему облику кроманьонцы уже мало отличались от человека наших дней. Они пользовались огнем, разнообразными орудиями труда из камня, умели готовить одежду. Всему миру известны прекрасные наскальные рисунки кроманьонцев, обнаруженные около ста лет назад в глубине пещер. Особенно удался автору эпизоды коллективной охоты на бизонов и страницы, повествующие о зарождении древнего искусства.

Создавая наскальные рисунки, занимаясь резьбой и лепкой, первобытный художник, сам часто не ведая, становился первооткрывателем прекрасного. Поэтически сказано об этом в стихотворении В. Берестова «Первые рисунки», которое может быть полностью или частично зачитано на уроке.

В повести советской писательницы К. Моисеевой «Волшебная антилопа» имеется описание колдовских обрядов древних охотников, обитавших на территории ныне пустынной Сахары. Об их жизни ученые узнали сравнительно недавно по наскальным рисункам (фрески Тассили), исполненным с тонким мастерством, острой наблюдательностью и красочной реалистичностью. Повести К. Сенака и К. Моисеевой рекомендуются для внеклассного чтения.

Материал об охотничьих магических ритуалах учитель найдет

и в повести известного этнографа и писателя В. Тана-Богораза «Жертвы дракона»¹.

Вера первобытных людей в существование души породила фантастические представления о загробной жизни. Погребение умерших стало сопровождаться особыми обрядами. В наше время археологам довольно хорошо известны формы первобытных захоронений. Писатель С. Покровский в повести «Поселок на озере» воссоздает картину «проводов» умершего сородича. Эти сведения помогут учителю раскрыть вопрос о том, как ученые узнали о появлении религиозных верований у древних людей. Если текст будет зачитываться, то желательно, чтобы учащиеся получили задание подумать над тем, каким образом ученые могут восстановить с большой точностью обряд похорон.

РИСУНКИ НА СТЕНАХ ПЕЩЕР

Коридор расширился, и Нум очутился на пороге огромного подземного зала.

Сердце мальчика замерло на мгновение, потом бешено заколотилось. Он понял, что находится в Священной пещере мадаев.

Нум застыл на месте, потрясенный до глубины души открывшейся перед ним картиной.

Семь наскальных светильников горели слабым огнем посреди обширного помещения, едва рассеивая глубокий мрак, царивший в подземном зале. Стояла глубокая, ничем не нарушаемая тишина, между тем Священная пещера жила, жила чудесной таинственной жизнью. Вдоль выпуклых гранитных стен вереницы нарисованных животных, казалось, вели нескончаемый загадочный хоровод. Их изображения были так совершенны, движения столь естественны, что Нум затаив дыхание ждал, что они вот-вот отделятся от каменных стен.

Прямо перед ним четыре красавца оленя с могучими ветвистыми рогами переправлялись вплавь через реку, вытянув тонкие шеи и скосив на мальчика влажные беспокойные глаза. За ними виднелись величественные буйволы с маленькими телятами, коренастые дикие лошади с развеваемыми ветром гривами, угрюмые бизоны и гигантские дикие быки с длинными рогами, концы которых терялись во мраке под потолком. И все эти звери двигались, бежали, мчались, прыгали, падали, плыли, сражались друг с другом, убивали и умирали.

Изображения были выполнены желтой охрой, красной глиной, черным углем. Скупые, смелые штрихи подчеркивали мощь мускулатуры, изящество стройных ног, свирепый оскал зубов. Оперенные стрелы, казалось, свистели в воздухе и впивались, дрожа, в трещащую плоть. Дротики торчали из глубоких ран; ловушки и ямы зияли под ногами беглецов.

¹ См.: Богораз В. Г. Жертвы дракона. Л., 1927.

Осторожно ступая, Нум приблизился к стене, украшенной изображением огромного быка. Рисунок не был закончен; завершена была только голова с острыми, изогнутыми вверх рогами, влажной черной мордой и блестящим глазом, обведенным глубокой коричневой тенью. Краски казались еще не просохшими. Нум понял, что этот бык был последним творением Абахо, над которым Мудрый Старец трудился после возвращения мадаев с летней охоты.

Подойдя вплотную к изображению быка, Нум увидел на земле несколько плоских камней с углублением посредине. Углубления были заполнены разными красками: черным костяным углем, желтой и красной охрой, тщательно растертой глиной разных оттенков, сухой бычьей кровью. Рядом лежали тонкие трубчатые кости для распыления краски на большом пространстве, примитивные кисточки из звериного волоса, гладко отполированные дощечки, на которых смешивают краски, острые кремневые осколки, костяные пила и ножи различных размеров.

Нум поднял факел и снова встретился взглядом с большим быком. Огромное животное словно удивлялось неожиданному посетителю и взирало на него с кроткой жалостью.

...Таинственные связи рождались здесь между животным, которое убивают, и человеком, заставляющим свою жертву снова жить на этих стенах могучим волшебством мастерства и вдохновения...

Сеняк Н. Пещеры Красной реки. М., 1972, с. 52—53.

ПЕРВЫЕ РИСУНКИ

Пусть предок жизнью жил	Свирепые противники его.
полузвериной,	Глаз мамонта испуганно косится,
Но мы его наследьем дорожим.	Бежит олень, погоней окрылен,
Он не умел слепить горшка	Упал и, умирая, шевелится,
из глины,	И кровь глотает раненый бизон.
Боялся духов, выдуманных им.	Охотники бесшумно шли по следу,
Но до сих пор в его глухой	И громким криком открывали бой,
пещере	И закрепляли трудную победу
Толпой теней, стремительно	Рисунком легким,
живой,	тонкою резьбой.
Летят по стенам яростные	
звери,	

Верестов В. Жар-птица. Стихи. М., 1958, с. 17.

КОЛДОВСКИЕ ОБРЯДЫ

Сын Леопарда стал вспоминать тот день, когда он совсем случайно забрел в пещеру неведомого ему колдуна. Это было на двенадцатый день пути... Он зашел в

пещеру, которая была поодаль от других. И он увидел старого человека, который, сидя на корточках и бормоча заклинания, растирал в каменной ступе какое-то месиво красного цвета. У ног его лежала только что забитая газель. Старик вырезал куски горячего жира и толлок их в каменной ступе, смешивая с красной землей. Он долго растирал это месиво круглым камнем. А потом взял пучок перьев, окунул их в каменную ступу и стал водить по гладкой поверхности стены. И вдруг из-под рук его выпрыгали настоящие муфлоны и газели. Они были красные, они родились в ступе! Такого еще никогда не видел Сын Леопарда. Он весь затрепетал от восхищения. Но подойти не решился.

Когда же из-под рук старого колдуна вдруг выскочил громадный слон, которого преследовал совсем юный маленький лучник, Сын Леопарда не стерпел, и вопль восторга огласил пещеру. Старик не видел его, юноша стоял в сторонке, скрытый большим камнем. А когда он, пренебрегая опасностью, выскочил из-за укрытия, колдун замаха л руками, закричал и стал угрожать юноше своей дубинкой <...>

— Я мог бы убить тебя, чтобы сохранить тайну моей каменной ступы, но я этого не сделаю, — сказал колдун. — Я даже помогу тебе. Только дай слово, что ты не скажешь об этом никому, даже Старому Леопарду. Когда ты вернешься к своим, ты забудешь обо мне и будешь молчать. Иначе тебе будет плохо.

— Я буду молчать и сделаю все так, как ты велишь. Только помоги мне своим колдовством. Мне не дают покоя антилопы и газели, которые при мне прыгнули на стену пещеры. Расскажи, для чего ты это делаешь? Какая от них польза? Я готов отдать тебе часть добычи, Рваное Ухо, только расскажи.

Юноша сгорал от нетерпения. Никогда еще он не видел ничего подобного, никогда еще не было тайны, которую ему так хотелось бы постичь. Он смотрел, как старик водит уверенной рукой по стене пещеры, и ему казалось, что животные, которые родились сейчас у него на глазах, обладают какой-то волшебной силой. Но какой?

— Когда охотник ищет добычу, — сказал старик, — он должен иметь зоркий глаз. А когда он посылает стрелу в голову быстрой газели, у него должна быть верная рука. Человек должен знать, что он умнее животного, он должен верить в свою победу. А как поверишь, если у тебя нет священных изображений этих животных?

— Этому помогают животные, рожденные в твоей ступе? Не можешь ли ты, Рваное Ухо, сделать кое-что для меня? Если твое колдовство поможет мне завладеть тем большим стадом, которое я выследил у дальнего водопада, я отдам тебе половину добычи. Согласись, сделай это!

Старик не торопился с ответом, а потом сказал нечто такое, что поразило юношу. Он предложил вначале разукрасить тело юноши волшебным узором. Он сказал, что тогда Сын Леопарда

превзойдет отца и не будет ему равных среди всех охотников племени. Он сказал, что никогда не дрогнет рука. И вот тогда Сын Леопарда остался в пещере, а старик трудился много дней. Юноша не знал, что он делает. Он только знал, что должен терпеть и молча переносить ужасную боль, которую старик причинял ему, надрезая кожу на его теле острым камнем. Старик оставлял кровавые следы на груди, на бедрах, на руках. А затем, произнося какие-то заклинания, посыпал надрезы черным пеплом и втирал его в тело. После этого юноша не знал покоя ни днем, ни ночью. Боль была так велика, что нельзя было подняться. Иной раз казалось, что злые духи собрались вокруг и призывают его к себе.

— Если хочешь быть отважным, — говорил старик, — терпи! Разве тело твое не страдало, не плакало, когда тебе делали эти рубцы на лице? А теперь у тебя все тело будет разукрашено. Если присмотреться внимательно, то можно увидеть даже волшебную антилопу на твоей груди. Надо уметь видеть. На бедрах у тебя будет прыгать целое стадо маленьких муфлонов. Только знай: если не пригонишь целое стадо быков и буйволов, я прокляну тебя, не будет тебе удачи.

Сын Леопарда потерял счет дням и ночам, проведенным в пещере старого колдуна. Когда тело его раздулось и нельзя было прикоснуться к тем местам, которые были иссечены острым камнем, он было пожалел о своей доверчивости. Но после того как старик смазал ему раны теплым жиром муфлона, ему стало легче. А потом боль утихла. И настал день, когда можно было покинуть пещеру, пойти к дальним водоемам за добычей.

И тогда старик дал ему своих лучников, которые помогли ему вернуться в степь с большой добычей.

Моисеева К. Волшебная антилопа. —
В кн.: Моисеева К. Дочь Эхнатона. М., 1967,
с. 165—170.

ПЕРВОБЫТНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ

С утра мужчины Ку-Пио-Су начали рыть яму. Копали среди других, более старых могил, на вершине небольшого холма, шагах в двухстах от поселка. Рыли камешными кирками, дубовыми кольями, отгребали песок ладонями рук и кусками твердой коры. Рыхлый песок легко поддавался усилиям землекопов.

К полудню неглубокая яма уже была готова. Дно ее усыпали толстым слоем свежей травы, чтобы мягче было лежать.

Тело Мандру перенесли из хижины и опустили на дно могилы.

Мандру положили на правый бок. Руки, согнутые в локтях, уложены были так, как бы это сделал человек, засыпая на своей постели. Сверху тело было посыпано красной охрой. Красный цвет — цвет крови. Красная охра — символ тепла, жизни, возрождения.

Это сделали для того, чтобы покойник проснулся молодым, сильным и здоровым в том новом мире, куда он переселился.

В этом, собственно, и заключался обряд похорон. Оставалось только как следует снарядить покойника.

«Полной смерти нет,— думали люди поселка Ку-Шю-Су,— покойник только перешел в мир снов. Там есть все, что и в этом мире. Такие же реки, озера и леса. Там плавают рыба, летают птицы, бегают дикие звери. Мандру и там будет вести такую же жизнь, как и здесь.

Там уже ждут его умершие предки, а также сыновья, внуки и правнуки, которые умерли раньше. С ними вместе он построит себе новый дом, сделает новую лодку, будет ловить рыбу и бить лесных зверей».

В могилу опустили то оружие, которое когда-то сделал себе покойник: лук и стрелы, короткое копье, пращу, каменную кирку, долото, костяную иглу и кремневый скребок. Тело закрыли медвежьим мехом, чтобы покойнику было теплее.

Внуки Мандру притащили старое весло, с которым когда-то плавал по озеру сам старик, а также трут и огниво, завернутые в сухую бересту.

Женщины поставили два горшка — один с водой, другой с медом диких пчел. Карась принес на могилу другое, новое весло.

— Возьми, Мандру! — сказал Карась и опустил весло в могилу. — Пусть вспоминает Мандру старого Караса, когда будет ловить рыбу на теплых подземных водах.

В это время неистовый вой огласил озерную гладь. Два сына Пижму тащили к могиле привязанную ремненной петлей собаку. Собака рвалась, каталась по траве, рычала, лаяла и жалобно выла, упираясь изо всех сил.

Это была собака самого Мандру, которая, словно предчувствуя что-то недоброе, ни за что не хотела подойти к могиле хозяина.

Собаку притащили на край могилы. Тут ей на шею накиннули вторую петлю, и два внука Пижму стали тянуть концы их в разные стороны. Собака захрипела, высунула язык, и глаза ее оставались.

Пижму поднял задуманную собаку и сказал:

— Мандру, возьми с собой свою лайку. Она не захотела здесь остаться без тебя.

С этими словами он бросил собаку к ногам покойника.

Покровский С. Поселок на озере.—
В кн.: Покровский С. Охотники на мамонтов. Поселок на озере. М., 1936, с. 154—155.

4. НАЧАЛО СКОТОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

По мере развития человека и человеческих коллективов совершенствовалась и усложнялась техника изготовления орудий труда. Для того чтобы их создать, требовалось больше опыта, терпения

и времени. Археологи, изучая стоянки первобытного человека, нередко находят специальные площадки — своеобразные первобытные мастерские, на которых годами изготавливались орудия труда. Описание подобной мастерской учитель найдет в повести С. Покровского «Поселок на озере». В этом произведении автор изображает жизнь охотников и рыболовов. Однако действие происходит на 10—15 тысяч лет позднее, нежели в повести «Охотники за мамонтами».

Усовершенствованные орудия труда позволяют человеку строить более удобные жилища, создавать простейшие средства переправы через реки и озера. От плота, связанного из двух-трех бревен, люди переходят к выдалбливанию лодок из толстых стволов деревьев. Трудоемкий процесс превращения ствола в лодку подробно изложен в тексте «Лодка-долбленка».

О том, как шаг за шагом человек овладевал водной стихией, рассказывается в книге А. Волкова «След за кормой», которая также в этом случае может быть полезна учителю¹.

Обобщенная картина жизни людей периода неолита дана в тексте «Поселок на озере» из книги Д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика». В этой картине много новых черт: изменился характер жилищ — появились обмазанные глиной хижины, стоящие прямо в воде на сваях; другими стали орудия труда — в жизнь вошли лук и стрелы, топоры, тесла; началось приручение животных.

Рассказывая, как из собирательства возникло земледелие, учитель может зачитать небольшой отрывок из произведения древнеримского философа и поэта Лукреция Кара «О природе вещей». Великий мыслитель древности, которого высоко ценили К. Маркс и В. И. Ленин, пытался дать естественнонаучное объяснение развитию человеческого общества, считая, что только благодаря опыту и наблюдению люди научились добывать огонь, строить жилища, выращивать плоды и злаки.

Большие перемены в жизнь людей неолита внесло производство глиняной посуды. Ранний способ ее изготовления детально описан в повести А. Линевого «Листы каменной книги». Изучение наскальных рисунков, найденных в Карелии, побудило ее автора, советского археолога, создать художественную повесть о древних жителях этого района.

ЛОДКА-ДОЛБЛЕНКА

...Карась вместе с сыновьями начал мастерить долбленку. Это была трудная работа. Дуб — крепкое дерево, и долбить его нелегко.

Прежде всего нужно было отделить для челна прямую и толстую часть ствола.

¹ См.: Волков А. След за кормой. М., 1972.

Как сделать это без металлического топора или пилы?

Люди Ку-Шю-Су умели взяться за дело. Они облупили со ствола еще сырую кору, отмерили длину в двенадцать шагов. Карась задумал сделать ладью длиннее всех самых больших челноков поселка.

У самых корней в начале ствола под лежащим деревом разложили костер из сухих веток. Тут будет корма лодки. Другой костер разложили под тем местом, где будет ее передний конец.

Огонь развели умеренный, чтобы не сжечь все дерево. Он понемногу делал свое дело. Ствол постепенно обугливался и начинал медленно тлеть. Искусство состояло в том, чтобы дерево тлело только в указанных местах. Когда огонь слишком разгорался, дерево обливали водой, чтобы пламя не могло охватить его целиком. Залив огонь, оббивали мотыгами обугленные части и на следующий день принимались снова за ту же работу. Нужна была большая опытность, чтобы пережечь дерево поперек и не спалить его.

Карась хорошо знал свое ремесло.

Не торопясь, но и не теряя времени даром, он принялся делать каменные бойла. Это были тяжелые и прочные орудия, похожие по форме на кирку.

Бойло выбивалось из крепкого и длинного камня. Оно было широкое посередине и заостренное по концам. В средней, толстой части нужно было высверлить отверстие для рукоятки.

Кроме бойл, в мастерской Караса оттачивались прочные каменные долота и тяжелые топоры — словом, все, что было нужно для постройки долбленки.

Прошло все лето и первая половина осени, пока дубовый ствол был наконец окончательно пережжен в двух местах, и громадная колода отделилась от корней и верхней части дерева. Остаток сухого осеннего времени был потрачен на то, чтобы откатить колоду подальше от воды.

Тут начались холодные осенние дожди. Их сменили ранние морозы. Снега завалили колоду, и зимой Карась сделал для лодки только весла.

Весной опять началась упорная работа. Сначала нужно было корявой и толстой колоде придать форму стройного челнока. На это ушло все лето и теплое время осени. На третий год началось самое долбление лодки. Каждый день после рыбной ловли приходили Карась и его сыновья выколупывать по крошкам каменным долотом и киркой древесину колоды. В третье лето она стала похожа на неуклюжее корыто. Борты были еще очень толсты. Это все еще была не лодка, а долбленная тяжелая колода. Ее нужно было сделать легкой и емкой. В четвертое лето началась окончательная отделка. Шаг за шагом стенки становились тоньше. Снимался один слой дерева за другим.

Покровский С. Поселок на озере,
с. 147—148.

ПОСЕЛОК НА ОЗЕРЕ

Но вот путешественники вышли в озеро, и перед ними открылось еще более чудесное зрелище. Справа от устья реки, довольно далеко от берега, виднелось много хижин, крытых тростником и обмазанных глиной. Хижины стояли на широком помосте из древесных стволов. Крепкие сваи, прочно укрепленные в воде, поддерживали помост.

Вода была так прозрачна, что наши путники могли заметить на дне озера, у подножия каждой сваи, громадные кучи галек и гравия.

Тут только они поняли, зачем жители поселка привозили издалека груды щебня и песка.

Прямые стволы деревьев, грубо обтесанные, не могли, конечно, глубоко войти в каменистую почву озера, а «бабы», которыми теперь забивают сваи, тогда еще не были известны. Чтобы прочно укрепить сваи на дне озера, у их основания насыпали громадные кучи камней.

Старейший и трое юношей с изумлением смотрели на эти дома на воде, где отныне им суждено было жить.

— В этих тростниковых пещерах, — сказал Рюг, — можно отдыхать спокойно. Кроме птиц, змей и пожаров, здесь нечего бояться.

Гель и Крек согласились, что здесь жить было гораздо приятнее, чем в пещере...

Дружба между молодежью заключается скоро, и спустя несколько часов братья и озерные мальчики так подружились, словно они с детства знали друг друга.

Гель-рыболов сразу же стал работать вместе с водолазами, — они попеременно поддерживали сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями. Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень долгое время.

Рюг присоединился к тем работникам, которые устанавливали сваи в воде, и очень быстро научился обтесывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший долго осматривал новые орудия. Эти полированные каменные топоры, наконечники копий и стрел были такими острыми, гладкими и красивыми. И конечно, эти орудия были гораздо совершеннее грубо обтесанных, кое-как оббитых орудий жителей пещеры. Старик радовался, что встретил племя, которое умеет строить такие чудесные дома и изготавливать такое прекрасное оружие.

Вечером, когда наши путешественники остались одни в новом жилище, большой и хорошо закрытой хижине, Старейший поделился с мальчиками своими впечатлениями.

— Дети мои, — сказал он, — я рад, что мы встретили людей, которые — я признаюсь в этом без стыда — знают куда больше,

чем старейшины нашей пещеры и чем я сам. Учитесь у них. Вы молоды и скоро научитесь всему, что знают эти люди. Они изобрели много хороших вещей, и живетс я им в этой мирной стране гораздо легче, чем в наших лесах. А мне в мои годы уже трудно переучиваться, хотя мне нравится все, что я вижу здесь.

— Старейший, — сказал Крек, — я видел, как они просверливают в топорах дыру для крепких деревянных рукояток. Для этого пужны костяная палка, песок и вода. На топор они насыпают мелкий песок, поливают его водой, а затем с силой надавливают на него костяной палочкой и начинают ее вращать. Все время они подсыпают песок и подливают воду. Сначала получается маленькая впадина, постепенно она становится все глубже и глубже и, наконец, превращается в дыру. Но как упорно и долго приходится им работать!

Старейший похвалил Крека за наблюдательность.

Первая ночь на озере прошла спокойно. С тех пор как путники оставили родную пещеру, впервые ни грозный рев животных, ни крики ночных птиц не прерывали их сна. Тихий плеск воды о сваи, казалось, убаюкивал их.

На другой день путники проснулись бодрыми и веселыми. Выйдя на мостки, соединявшие деревню с берегом, они увидели, что обитатели хижин давно уже встали и принялись за работу. Женщины жарили рыбу и мясо на очагах. Эти очаги были сложены из плоских камней, скрепленных илом, который под влиянием жара обратился в камень.

Быть может, именно вид этого обожженного ила и внушил позднее первобытным людям мысль лепить из него сосуды напоминающие плетушек из коры и обжигать их на огне.

Старейший объяснил детям, что благодаря камню и илу деревянный помост не может загореться.

— Признаюсь, — сказал он, — я все время боялся, как бы в поселке не вспыхнул пожар и не погубил хижин. Но чудесные очаги из камней и ила отлично предохраняют поселок от пожара.

Внезапно громкие и хриплые звуки прервали этот разговор. Старейший быстро оглянулся: дети из поселка изо всех сил дудели в большие раковины. На их призыв работники, рассеянные по берегу и на пирогах, стали собираться к хижинам. Настал час еды. Через несколько минут все собрались вокруг очага, и среди глубокого молчания вожди начали раздавать пищу.

Некоторое время слышалось только шумное чавканье и изредка — громкая икота.

С наслаждением уплетая маленьких мясистых рыбок с красными точками на спине, Крек вдруг заметил, скорей с изумлением, чем с испугом, неподалеку от очага двух зверьков с острыми ушами и длинным хвостом.

Зверьки сидели неподалеку от людей и жадно смотрели на мясо.

Животные, казалось, готовы были кинуться на людей, но никто

не обращал на них внимания. Это удивило Крека. Он тотчас встал, молча схватил свою палицу и собрался храбро напасть на зверьков. Но вождь племени догадался о намерении мальчика, сделал ему знак положить оружие и снова принятись за еду.

Вождь тут же кинул несколько костей животным, и те жадно накинлись на эту скудную подачку и ворча оспаривали ее друг у друга.

Старейший удивился не меньше Крека, но вождь объяснил им, что эти зверьки давно уже привыкли жить около людей.

Несколько лет тому назад, в холодное зимнее время, зверьки эти вышли из лесу и бродили возле лагеря. Должно быть, их мучил голод. Однажды кто-то бросил в них костью. Но зверьки не испугались, а подошли поближе и принялись глотать ее. Так продолжалось несколько дней подряд.

— Животные, — добавил начальник, — поняли, что их не убьют, что возле людей можно полакомиться костью, и остались здесь жить. Когда охотники преследуют оленя или какую-нибудь другую дичь, они бегут впереди и кружатся около добычи, подгоняя ее к охотникам. Поэтому мы не стали их убивать.

Старейший долго и с восхищением разглядывал зверьков, поддружившихся с человеком. Он и не подозревал, что позже потомки этих зверей утратят дикий нрав и станут нашими верными помощниками и товарищами — собаками...

Д'Эрвилль. Приключения доисторического мальчика, с. 73—78.

НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Первый посева пример и образчик прививки деревьев Был непосредственно дан природою; все создающей: Ягоды, желуди, вниз упавшие наземь с деревьев, Густо роясь у корней, своевременно все вырастали. Это и подало мысль прививать к деревьям отростки, И на полях насаждать молодые отводки растений. Всячески стали затем обрабатывать милое поле И замечали тогда, что на нем от ухода за почвой Диких растений плоды получались нежнее и слаще. День ото дня отходить заставляли леса на высоты И по Долинам места уступать возделанным пашням...

Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1958, с. 202.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ

Каждый год женщинам стойбища приходится лепить горшки. Как ни береги эти хрупкие сосуды, они все равно часто бьются. То обвалятся камни бчага и стоящий

между ними горшок упадет и расколется, то неловкая девчонка, мешая варево, ударит по краю, то дети, расшалившись в тесной землянке, раздавят, разобьют на мелкие куски... Вот почему в этот тихий день у реки собрались женщины и девушки — почти в каждой землянке надо было обновить запас глиняной посуды.

Девушки натаскали кучу желтой глины, а женщины, более опытные в этом деле, уже подсыпали в нее крупного белого песка. На плоских валунах раздробили куски удивительного камня — асбеста, который не разбивается на осколки, а распадается на волокна, как прогнившая древесина. Эти волокна подбавляли в глину, чтобы горшок после обжига сделался прочным и не трескивался на огне. В глину налили воду, и три девушки, разувшись, принялись медленно вымешивать ногами вязкую массу.

Вскоре их шутки и смех поутихли, пот начал катиться по лицам. Месить глину для сосудов — тяжелое и утомительное занятие...

Наконец глина, размятая ногами Мэку, заблестела на солнце, будто ее смазали китовым жиром.

— Можно начинать, — сказала Искра.

Женщины уселись полукругом. Каждая насыпала перед собой кучу песка и положила рядом большой кусок глиняного теста.

Началась лепка сосудов. Только Мэку остался без дела. Но уйти без разрешения самой старшей женщины, которой подчинялась молодежь, он не осмеливался. Стараясь не обращать на себя ничьего внимания, он присел на корточки за спиной матери и через ее плечо стал наблюдать, как делают горшки.

Женщина отделила от куска глины небольшой комок, скатала его шаром и, то нажимая на глину большими пальцами, то оглаживая снаружи ладонями, вылепила остроконечное дно сосуда. Чтобы глина не приставала к пальцам и поверхность горшка была гладкой, она то и дело обмакивала руки в сосуд с водой. Дношечко получилось похожим на острый конец яйца. Женщина поставила его в кучу мелкого песка и принялась наращивать стенки. Раскатав длинную глиняную полоску, мать Мэку стала налеплять ее ребром на край доньшка. Глиняной полосы хватило на полтора круга. Новая полоса была крепко сцеплена с кончиком старой. Еще один оборот, потом еще — стенки сосуда медленно росли, сначала расширяясь, потом чуть суживаясь. Мокрой ладонью мать Мэку беспрерывно проводила по сосуду снаружи и изнутри, сглаживая места соединения глиняных полос.

Юноша, забыв об обидах, с любопытством следил за работой. Прежде он думал, что горшок лепят сразу из целого куска. Ведь детей, чтобы они не мешали матери, прогоняли подальше от места работы.

Когда мать Мэку решила, что стенки достаточно высоки, она слегка отогнула и примяла бортик. Затем взяла острую костяную палочку и начала покрывать горшок узором. Она делала в мягкой

глине три ямочки, потом проводила зубчатую полоску, потом опять три ямочки, потом опять полоску...

Чуть подсушенные ветром горшки уже стояли на раскаленных углях. За кострами внимательно следили — огонь вначале не должен быть слишком сильным, иначе глина оплывет. Хворост подбрасывали постепенно, стараясь, чтобы огонь был ровным и сосуды прокаливались одинаково со всех сторон. После равномерного крепкого обжига сосуд не треснет на огне и не пропустит воду. Это важное дело поручали только пожилым и опытным женщинам. Молодежь притихла, внимательно слушая пояснения старшей, — придет время, и кому-нибудь из них придется учить этому мастерству своих внуков и молодых племянниц...

До самого вечера пылали огни над рекой. Слышалось тихое пение — это старшая из женщин заклинала новые сосуды, чтобы они не были хрупкими, не бились и, главное, чтобы вкусная еда всегда наполняла их до краев.

Линевский А. Листы каменной книги.
М., 1963, с. 61—64.

5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Период разложения первобытнообщинного строя, к сожалению, почти не представлен в художественной литературе, если не считать некоторых произведений, посвященных жизни славянских и германских племен. Однако их использование более уместно в последующие годы обучения.

Художественно-исторический материал, подобранный к данной теме, отражает два сюжета: всевозрастающее усиление власти родо-племенных вождей и усложнение религиозных верований и обрядов.

Первый текст «Набег за добычей» взят из сборника «Сказки и мифы Океании». Полинезийские сказки являются образцом архаического фольклора. Волшебные мотивы в них тесно переплетаются с реалистическими бытовыми и социальными зарисовками, причудливая фантастика сочетается с точным воспроизведением уклада жизни: форм хозяйства, имущественной дифференциации, власти вождей, культурных традиций и т. д. Материал гавайской сказки отчетливо рисует тот уровень общественного развития полинезийцев, который соответствует времени разложения первобытнообщинных отношений. При анализе текста учителю следует обратить внимание на то, что инициаторами грабительских походов выступают вожди, заинтересованные в приумножении богатств, на иерархию вождей, престиж и силу влияния верховного вождя, отличия в убранстве военачальников и простых воинов.

С возникновением неравенства в обществе сложился торжественный ритуал захоронения вождей. Красочная сцена погребения

вождя кочевников-саков, живших на территории Средней Азии в первом тысячелетии до н. э., воссоздается в романе современного узбекского писателя Я. Ильясова «Пятнистая смерть». В романе описывается борьба саков с персидским царем Киром.

С развитием новых форм производства и общественных отношений возникают и новые виды религиозных культов: земледельческие, промысловые, родовые и семейные. Обожещаются те силы природы, от которых зависит благосостояние земледельца и скотовода. Формируется идея божества, которая находит конкретное воплощение в изображениях сверхъестественных существ в виде животных или людей. Усложняются религиозные обряды: возникает поклонение идолам, жертвоприношения им, мистерии.

Эта ступень религиозных верований иллюстрируется текстом «Идол», принадлежащим перу И. И. Скворцова-Степанова. Сопратник В. И. Ленина, И. И. Скворцов-Степанов был видным большевиком-публицистом. В его литературном наследии имеется несколько новелл, объясняющих происхождение религии.

Представление о том, что появление каждой новой святыни связывалось с каким-то «чудом», дает фрагмент из гавайской легенды.

НАБЕГ ЗА ДОБЫЧЕЙ

Когда-то на острове Оаху жил знатный и могущественный вождь по имени Какеи, ловкий и бесстрашный воин. Он в совершенстве владел палицей, копьем и пращей. Вокруг себя Какеи собрал молодых вождей из подвластных ему мест. Это были дерзкие воины, привыкшие наносить и получать удары, побеждать и проигрывать. Сегодня они были богаты, завтра бедны. Такая жизнь была им привычна.

Однажды Какеи собрал этих молодых вождей. Он велел им разойтись по домам и готовиться к походу и битве.

— Нужно построить много новых боевых лодок, — сказал Какеи, — а лучшие из старых починить и заново отделать. Вы должны собрать самых умелых и самых храбрых из своих воинов. Проверьте их оружие и снаряжение. Возможно, поход будет долгим, надо заготовить крепкие плетеные паруса для лодок и побольше припасов.

С великой радостью разошлись по домам молодые вожди выполнять повеление своего предводителя.

Целыми днями воины спорили о том, на кого из многочисленных врагов своего вождя они пойдут. Одни говорили, что Какеи присоединит к своим владениям остров Молокаи, другие думали, что они совершат налет на побережье острова Гавайи. Все надеялись на великие победы и богатую добычу.

Прошло несколько месяцев, и приготовления были закончены. Множество воинов собралось вокруг Какеи. Боевые лодки спусти-

ли на воду, поставили паруса, на вершинах мачт укрепили цветные флажки. Молодые вожди были великоленны. Они украсили головы желтыми и красными военными уборами, надели устрашающие маски. Воины стали рассаживаться в лодки и кричали друзьям, оставшимся на берегу: «Прощайте!»

На рассвете Какеи и его воины высадились на берег и напали на жителей селения Ваимеа. Вождь селения схватил палицу и копьё и с боевым кличем выбежал из дому. Его воины, не совсем проснувшиеся, растерянные, застигнутые врасплох, пытались помочь вождю отразить натиск врага. Битва была недолгой и жестокой, за короткое время полегло много жителей Ваимеа. Нападающие разорили селение и подожгли хижины.

Какеи велел своим воинам собрать на берегу добычу — лодки, женщин с детьми и все захваченное добро — калёбасы¹, циновки, куски тапы², каменные орудия, плащи из перьев. Победители доверху нагроузили все лодки — и свои, и захваченные — и благополучно отплыли обратно, к острову Оаху.

Сказки и мифы Океании. М., 1970, с. 512—513.

ПОХОРОНЫ ВОЖДЯ

...Каждое племя у саков живет обособленной жизнью. Управляется оно Советом предводителей братств, родов и колен. Только если грянет война или другое бедствие их постигнет, объединяются наездники под главенством одного, самого старшего племени. Того, из которого, как ветви от ствола, отросли все остальные племена.

Вождем такого древнего племени, первого в союзе хаумаварка, и был Белый отец.

На краю пустыни, недалеко от кургана, на котором любил сидеть старый вождь, саки вырыли глубокую яму.

Белого отца уложили на шкуру матерой, им же сраженной самки леопарда — хищницы, прозванной Пятнистой смертью. Оба, человек и зверь, пали в жестоком поединке: охотник отточенной бронзой взрезал разбойнице горло — она, издыхая, вырвала сердце охотника.

По правую руку вождя положили копьё и длинный кинжал — акинак, по левую — щит, лук и колчан, набитый стрелами. Путь в царстве теней опасен и труден, старику понадобится оружие.

И еще положили в яму, зарезав, трех любимых коней предводителя — не идти же ему пешком в такую даль. И еще положили теплую одежду, кошму, попону, свернутый шатер, связку волосатых арканов, запас уздечек, седельных подушек и подпруг...

¹ Калёбаса — сосуд, изготавливаемый из оболочки различных тропических плодов.

² Тапа — материя, вырабатываемая из луба разных видов фикуса.

Могилу перекрыли древесными стволами, хворостом, снопами тростника. Затем каждый сак, роя землю мечом, наполнил ею шапку и высыпал прах пустыни на свежую могилу. Каждый сак высыпал на могилу по одной шапке земли, и на краю красного песчаного моря, великой реки, поднялась гора.

Саки установили вокруг кургана сотни трехногих бронзовых котлов с круторогими литыми козлами по краям и запалили костры...

Кровь тысяч жертвенных животных брызнула на вытопанную траву. И когда в котлах сварилось мясо овец и лошадей, старый Дато взошел на курган с огромной чашей кобыльего молока.

По-волчьи, не поворачивая шеи, поглядел Дато направо, поглядел Дато налево, по-волчьи запрокинул голову Дато, и над пустыней, над притихшей чангалой, раскатился душераздирающий вопль.

Не переводя дыхания, на той же высоте звука, Дато перешел к торопливому речитативу: кинув хриплым голосом два десятка отрывистых слов, он закончил вступление к песне глухим рыданием и вылил молоко на еще не обсохшую глину кургана...

...Затем люди приступили к еде и питью.

Так хоронили саки своих вождей.

Ильясов Я. Пятнистая смерть. Ташкент, 1964, с. 48—50.

ИДОЛ

Страхи со всех сторон окружали деревню. Страх таился в чаще лесов, страх подползал в болотных туманах, страх повсюду подкарауливал путника. Страх повсюду стонал, вопил, рычал, щелкал челюстями, ревел, мяукал среди темной тропической ночи, шелестел листьями, завывал сокрушительной бурей, грохотал раскатистым громом, полыхал молниями.

На холме близ деревни, раздвинув хижины и лачуги, возвышалась статуя великого бога Тимбабанту. К ней вели грубо вытесанные ступеньки. Огромная необделанная скала, входящая в землю, служила ей основанием. И все говорили, и все верили, что этот камень-утес принесли сюда с далеких гор исполины и что они же поставили статую великого бога Тимбабанту.

Только жилище жрецов да «дворец» князька племени стояли на склоне холма. А на вершине в гордом, холодном и грозном одиночестве возвышалась статуя бога Тимбабанту.

Не многие ясно его видели, может быть, никто не мог его рассмотреть. Купол-навес не допускал лучей солнца. Занавес, скрывавший страшного бога, отдергивался только на короткое время. И жрецы говорили, что никто из людей не достоин взирать на лик божества: все должны падать ниц, когда отдергивался занавес. И рассказывали жрецы о тех дерзновенных, которые были наказа-

ны смертью за то, что осмелились приблизиться к божеству или взглянуть на его лик...

Только раз в год, в день рождения бога, занавес убирали.

При свете огромного костра, на котором сжигались жертвенные животные, из-за дыма и пламени показывалась статуя Тимбабанту.

Толстые ноги-столбы, громадные руки-бревна открывались из-за огненно-дымной завесы, двигались и колыхались.

Среди черной, жирной, лоснящейся кожи грозно зияла ненасытная пасть, отороченная кроваво-красными губами, и открывала два ряда страшных зубов, способных раздробить всякую кость.

Туловище-бочка, казалось, могло вместить в свою утробу десятки овец.

Коровы и овцы закалывались одна за другой. После удачных походов в жертву приносились знатные пленники. В тяжелые времена закалывались члены собственного племени Тимбабанту.

Пылали жертвенные огни, трещали и шипели тела сжигаемых людей и животных. Тимбабанту пожирал жертву за жертвой и, ненасытный, требовал жертв еще и еще.

Грозный и благоволящий, устрашающий и хранящий, близкий и незримый, существо с человеческими потребностями и слабостями и в то же время таинственное, сверхъестественное, Тимбабанту царствовал и правил повсюду, где жило его племя.

Люди верили, что он умножал стада скота, но он же ниспосылал болезни. Он изгонял злого духа-огня, но он же давал ему волю своим попустительством. Он посылал рыбакам хороший улов, но он же прогонял рыбу от берегов. Он выращивал злаки на полях и плоды на деревьях, но он же посылал всеожигающую засуху и палящие, знойные ветры, засыпающие поля горами песка.

Великий бог Тимбабанту стоял под шатром-куполом близ деревни, но он же гремел в далеком горном водопаде, бушевал в буре, сверкал в молнии, грохотал в громе, шелестел в листьях, испускал грозное рычание пантеры, двигал морскими пучинами...

Великие благодарственные жертвы приносились Тимбабанту после удачных набегов и больших урожаев.

И не меньшие умиловительные жертвы получал Тимбабанту в тяжелые годы, когда жгучий ветер иссушал жатву, когда хижины и лачуги переполнялись больными, когда начинался опустошительный падеж скота.

Жрецы Тимбабанту, призывая чтить благоволящего и мстительного бога, во все времена получали плоды и злаки, мелкий и крупный скот, драгоценные металлы и камни, пленников и богатую долю военной добычи для великого бога Тимбабанту и для себя, его слуг.

Сиворцов-Степанов И. И. Это было... — В кн.: Сиворцов-Степанов И. И. Избранное. М., 1970, с. 183—185.

«ЧУДЕСНОЕ РОЖДЕНИЕ» ИДОЛА

В легенде рассказывается, как слуги одного из вождей преследовали богиню Папу, не зная, кто она. Богиня скрылась от преследователей в хлебном дереве.

Вожди посоветовались между собой и послали несколько человек с топорами — срубить это дерево. И вот один из них ударил топором по дереву. Отлетела щепка, ударила этого человека, и он упал мертвым. То же случилось и со следующими...

Испугались люди и призвали на помощь жреца. И вот пришел жрец Уохи. Он склонился перед деревом и долго молча размышлял. Затем он поднял голову и сказал так:

— Необыкновенная женщина вошла внутрь ствола. Это богиня Папа из Кахики. У нее не одно тело, а множество. Если мы хорошо с ней обойдемся, она не причинит нам зла.

Жрец велел совершить жертвоприношение. С молитвами и заклинаниями люди принесли в жертву Папе черную свинью, черную рыбу и красную рыбу. Затем Уохи сказал тем, кто рубил:

— Натритесь кокосовым маслом и без страха продолжайте работу.

И действительно, в людей летели щепки, на них брызгал сок, но это не причиняло им никакого вреда. Наконец громадное дерево упало. Из этого дерева сделали огромное изображение богини... Эта деревянная богиня была известна повсюду...

Впоследствии Камехамах забрал ее на остров Мауи, чтобы с ее помощью утвердить свою власть над всеми островами. Тем, кто ей поклонялся, святыня помогала мудро и твердо управлять, защищала и охраняла страну.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

1. ПРИРОДА ЕГИПТА И РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

История Древнего Египта, его своеобразная культура привлекали внимание многих писателей. Среди книг, посвященных Древнему Египту, есть и большие исторические произведения, как роман Б. Пруса «Фараон», и детские издания, в том числе выходящие в серии «Школьная библиотека». Учитель может обратиться и к дошедшим до нас произведениям оригинальной древнеегипетской литературы. Поэтому при изучении темы «Древний Египет» учитель будет располагать довольно значительным художественно-историческим материалом почти по всем урокам.

На уроке о природе и древнейшем населении Египта, открывающем тему, можно использовать описание Нила и его долины, имеющееся в романе Г. Эберса «Уарда», а также отрывки «Разливы Нила» и «Шадуфы» из романа Б. Пруса «Фараон».

Георг Эберс — немецкий ученый-египтолог, выдающийся специалист по древнеегипетской письменности и талантливый преподаватель истории. В конце прошлого века он был широко известен как автор многочисленных научных трудов. Однако значительно большую известность он приобрел как автор целой серии исторических романов, главным достоинством которых явилось сочетание научного подхода с художественным домыслом. «Уарда» — лучший роман Г. Эберса. События, воссозданные в романе, относятся ко времени правления фараонов XIX династии (XIV—XIII вв. до н. э.), которые вели грабительские войны, сказочно обогащавшие придворную знать и жречество.

В романе очень ценны умело созданные автором картины быта угнетенного египетского народа, к которому автор относится с глубоким сочувствием.

Роман известного польского писателя Б. Пруса рисует жизнь рабовладельческого Египта в период упадка власти XX династии фараонов (XI в. до н. э.). Действующие лица романа вымышлены, смещены во времени отдельные исторические события, далеко не все согласуется с современными научными данными об этой эпохе, но автору удалось правдиво и убедительно изобразить природу Древнего Египта, социальное неравенство жителей страны, особенности быта богатых и бедных, тяжелый подневольный труд рабов, крестьян и ремесленников, губительное засилье религии и

власти жрецов, разрушительные войны, недовольство народных масс. Автор стоит на стороне страдающего народа, обличая деспотию и эксплуатацию.

Текст «Египетский крестьянин» взят из книги «Ваятель фараона» немецкой писательницы Элизабет Херинг, в которой изображается время правления фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) и его религиозной реформы. При раскопках города Ахетатона, ставшего при Эхнатоне столицей Древнего Египта, было найдено знаменитое изображение царицы Нефертити, созданное придворным скульптором Тутмосом. Талантливый ваятель является главным героем исторического романа.

НИЛ

Около древних... Фив берега Нила раздаются вширь. Горные цепи, как бы сопровождающие справа и слева воды этой могучей реки, приобретают здесь более резкие очертания; одинокие, почти остроконечные вершины, четко рисуясь на голубом фоне неба, высоко вздымаются над пологими склонами многоцветных известковых гор, где нет ни пальм, ни хотя бы невзрачной растительности. Каменные расселины и ущелья врезаются в глубь этих гор, а за ними лежат безжизненные песчаные просторы, грозящие гибелью всему живому, усеянные камнями, где порой попадаются лишь утесы да голые, бесплодные холмы.

К востоку по ту сторону гор эта пустыня тянется вплоть до Красного моря, а на западе она беспредельна, как вечность. Здесь, по верованиям египтян, начиналось царство смерти.

Между этими двумя горными кряжами, которые, словно крепостные стены, отражают яростный натиск песчаных бурь, стремительно налетающих из пустыни, величаво течет полноводный Нил, несущий прохладу и плодородие, породивший многие миллионы живых существ и в то же время служивший им колыбелью. По обоим его берегам широко раскинулись поля, чернеющие плодородной землей, а в водах его снуют всевозможные твари, одетые чешуей или панцирем. На зеркальной глади его плавают цветы лотоса, а в прибрежных зарослях папирусов гнездится бесчисленное множество водяной дичи.

Эберс Г. Уарда. Роман из жизни древнего Египта. М., 1963, с. 15—16.

РАЗЛИВЫ НИЛА

Окончился месяц тот, и начинался месяц паопи, вторая половина июля. Вода Нила из зеленоватой стала белой, потом красной и все прибывала... Самые низменные места были залиты, с более высоких спешно убирали лен, вино-

град и хлопок. Где утром было еще сухо, там к вечеру уже плескались волны.

Казалось, будто в глубине реки бушует грозный невидимый вихор. Вдвигает, словно плугом, широкие валы, заливая пенной борозды, на мгновение разглаживает поверхность вод и тотчас же вновь свивает их в бездонные воронки. Опять вдвигает валы, затем сглаживает, свивает, нагоняет новые горы воды и пены и все вздувает и вздувает бурлящую реку, поглощая новые пространства земли. Достигнув вершины какой-нибудь преграды, река переливается через нее и устремляется в низину, образуя сверкающее озеро там, где еще только что рассыпались в прах сожженные солнцем травы.

Хотя подъем воды достиг едва лишь третьей части наибольшего своего уровня, все побережье было уже затоплено. С каждым часом все новые усадьбы на холмах превращались в острова, и если сперва их отделял от других лишь узкий проток, то понемногу он расширялся, окончательно отрезая жилье от соседей. Люди, выйдя на работу пешком, нередко возвращались домой в лодках.

Лодок и плотов появлялось все больше и больше. С одних ловили сетями рыбу, на других свозили урожай на гумна или мычащий скот в хлева, на третьих отправлялись в гости к знакомым, чтобы с веселым смехом и громкими возгласами объявить им, что Нил прибывает. Иногда лодки, сгрудившиеся в одном месте, как стаи уток, разбегались во все стороны перед широким плотом, несшим из Верхнего Египта вниз огромные каменные глыбы, высеченные в прибрежных каменоломнях.

Воздух был наполнен шумом прибывающей воды, криком всполошенных птиц и веселыми песнями людей. Нил прибывает — будет вдоволь хлеба!

Прус Б. Фарзон. Варшава, 1967, с. 85—86.

ШАДУФЫ

Воды Нила уже начали спадать и становились прозрачными, как хрусталь. Но вся страна еще была похожа на большой залив, густо усеянный островками, где виднелись дома, окруженные садами и огородами, или купы высоких раскидистых деревьев.

Вокруг этих островков торчали журавли с ведрами, при помощи которых обнаженные меднокожие люди в грязных набедренниках и чепцах черпали воду из Нила и передавали ее все выше и выше в расположенные один над другим водоемы.

Один уголок особенно привлекал внимание Рамсеса. Это был крутой холм, на склоне которого работали три журавля — один черпал воду из реки и переливал ее в самый нижний водоем. Другой из нижнего поднимал ее на несколько локтей выше в средний, третий из среднего передавал воду в водоем, расположенный на

самой вершине. А там такие же голые люди черпали воду и поливали огороды или с помощью ручных насосов опрыскивали деревья.

Движения то опускающихся, то поднимающихся вверх журавлей, мелькание ведер, струи, выбрасываемые насосами, были до того ритмичны, что управляющих ими людей можно было приять за автоматы. Никто не обмолвится словом с соседом, не переменит места и только мерно сгибается и разгибается с утра до вечера, из месяца в месяц, и так — с детства до самой смерти.

Там же, с. 115—116.

ЕГИПЕТСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Дом был сложен из высушенного кирпича-сырца. Он был больше крестьянской хижины, но уступал по своим размерам жилищу знатного человека. Руи, его хозяин, обрабатывает землю собственными руками. У него нет других помощников, кроме пяти сыновей, трех дочерей и Тени, жены.

В годы, когда река, широко разливаясь, затопляет поля, дела их обстоят хорошо. Поля дают зерно и лен, огород — лук и бобы, тыкву и латук, смоковница, в тени которой расположен колодец, приносит вкусные плоды. Семена льна они толкут, выжимая из них масло, а полотно, которое умеют ткать Тени и дочери, они обменивают на другие необходимые вещи. Когда же приезжают царские сборщики, Руи выплачивает им налог, которым обложены ячмень, лен и масло. Но то, что дает сад, а также птица, козы и овцы, налогом не облагается.

Но если река не разливается вовремя, поля остаются без влаги, их испекают зной. Ни один зеленый колос не может тогда пробиться. Страну постигает тяжелая пужда.

Хотя в этом году дела сложились не так уж плохо, но вода в реке поднялась недостаточно. И многие акры земли, дававшие богатый урожай, были пусты. Однако Руи был горд тем, что он смог показать сборщикам налогов, приехавшим оценивать урожай, что его поля не остались совсем бесплодными. Он вместе со своими сыновьями выкапывал канавы и орошал землю. День за днем таскали они тяжелые ведра вверх, от берега реки. К вечеру, смертельно усталые, падали они на свои постели, чтобы с восходом солнца снова приняться за работу. И теперь Руи был доволен: этой зимой его детям не придется голодать.

Не каждый так боролся за свою землю, как он. Некоторые стояли с опустившимися руками перед этой пыльной, потрескавшейся землей, не пытались утолить ее жажду. «Если бог не может ее напоить, то что же остается делать нам?» — думали они. Другие же направляли свои силы, подобно Руи, но их земли или лежали выше, или почва была хуже.

Херинг Э. Ваятель фараона. М., 1967, с. 21—22.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВ В ЕГИПТЕ

Центральный вопрос этой темы — появление рабов, эксплуатация их труда, формирование основных антагонистических классов — рабовладельцев и рабов. Подборка текстов, которая приводится в хрестоматии, поможет учителю создать у учащихся яркие представления о том, как обращались в рабов пленники, как использовался их труд, каким было их положение.

Первый текст — «Пленники становятся рабами» — может быть зачитан учителем только частично или послужит материалом для его рассказа. Если учитель решит зачитать фрагменты, то перед учащимися целесообразно поставить примерно такие вопросы: почему рабов клеймили? Как обращались с рабами? Какие факты в приведенном отрывке свидетельствуют о тяжелом положении рабов? Этот текст взят из повести известного советского ученого и писателя И. Е. Ефремова. Повесть знакомит читателя с жизнью греков, египтян и африканских племен в XI—X вв. до н. э. Ее герои — смелые люди, восставшие против рабства.

Второй текст — «Труд рабов» — отрывок из рассказа советского писателя В. Мытипова «Ступени совершенства», в основе которого лежит история создания образа прекрасной Нефертити уже упомянутым скульптором Тутмосом. Текст проникнут сочувствием к тяжелой судьбе невольников, но вместе с тем в нем подчеркивается значение созидательного труда рабов в развитии и процветании Египетского рабовладельческого государства. Отрывок знакомит также с ирригационной системой древних египтян.

ПЛЕННИКИ СТАНОВЯТСЯ РАБАМИ

Воины - погнали пленных вдоль низкой стены. Тропинка становилась все круче и привела к огромному квадрату глухих стен, стоявшему в ложине, между пшеничными полями. По толстым стенам из кирпича в десять локтей высоты свободно расхаживали вооруженные луками воины. На углах возвышались навесы из циновки.

В стене, обращенной к реке, был прорезан вход; больше нигде не было видно ни двери, ни окон — слепая зелено-серая поверхность стен дышала жаром.

Пленных ввели в дверь, сопровождавшие их воины быстро удалились, и Пандион оказался в узком дворике между двух стен. Вторая, внутренняя стена была ниже наружной, с единственной дверью в правой стороне. На свободном пространстве стояли грубые скамейки, а часть двора была занята низким строением с череватым отверстием у входа. Группу пленников теперь окружали воины с более светлым цветом кожи, чем у тех, которые привели их сюда. Они все были высокого роста, с гибким и хорошо разви-

тым телом, многие с синими глазами и рыжеватыми волосами. Пандион не видел раньше такого народа, равно как и чистокровных жителей Айгюптоса¹, и не знал, что это были ливийцы.

Из пристройки появилось двое людей: один нес какой-то предмет из отполированного дерева, другой — серый фаянсовый сосуд. Ливийцы схватили Пандиона и повернули его спиной к пришедшим. Юноша почувствовал легкий укол — к левой лопатке его приложили полированную дощечку, посаженную короткими заостренными пластинками. Затем человек резко ударил рукой по дощечке — брызнула кровь, а Пандион невольно вскрикнул. Тогда ливиец обтер кровь и стал растирать рану тряпкой, намоченной жидкостью из фаянсового сосуда: кровь быстро остановилась, но человек несколько раз обмакивал тряпку и протирал рану. Только сейчас Пандион заметил на левых лопатках окружавших его ливийцев ярко-красный знак — какие-то фигурки в овальной рамке² — и понял, что его заклеямили.

Колодку сняли с рук Пандиона, и он не мог сдержать стонов от боли в затвердевших суставах. С величайшим трудом ему удалось развести руки. Затем Пандион, нагнувшись, прошел через низкую дверь во внутренней стене. Очутившись на пыльном дворе, юноша без сил опустился на землю.

Пандион напился мутной воды из огромного глиняного сосуда, стоявшего у входа, и стал осматривать место, которое, по мнению владычествовавших здесь людей, должно было навсегда стать его домом.

Большой квадрат земли, примерно по две стадин с каждой стороны, был заключен в высокие неприступные стены, охранявшиеся ходившей поверху стражей. Всю правую половину огороженной площадки занимали крошечные глинобитные клетушки, сомкнутые друг с другом боковыми стенами и разделенные узкими продольными проходами. Такие же низенькие домики находились в левом углу. Передний левый угол был огорожен низкой стеной, откуда шел острый аммиачный запах. Близ двери стояли сосуды с водой. Здесь же длинный участок почвы был намазан глиной и чисто выметен — это было место для еды, как узнал Пандион впоследствии.

Вся свободная часть квадрата была выглажена и вытоптана — ни одной травинки не зеленело на ее серой и пыльной поверхности. Воздух был тяжел и душен — жаркий день, казалось, осаждал весь свой зной в квадратное углубление, замкнутое высокими стенами и открытое сверху. Таков был шене — рабочий дом, один из многих сотен ему подобных разбросанных по стране Та-Кем³. Здесь толпились разноплеменные рабы — рабочая сила, основа богатства и красоты Айгюптоса. Шене был пуст и тих — рабы вы-

¹ *Айгюптос* — греческое название Древнего Египта.

² Овальной рамкой окружались иероглифы, составлявшие имя фараона.

³ *Та-Кем* — «Черная земля»; так называли древние египтяне свою страну.

ведены на работу; только несколько больных безучастно лежали в тени стены. Этот рабочий дом был предназначен для вновь поступивших пленников, недавно попавших в страну рабства и еще не обзаведшихся семьями, чтобы умножить число рабочих рук Черной земли.

Теперь Пандион стал мере — наследственным рабом фараона — и попал в число тех восьми тысяч человек, которые обслуживали сады, каналы и строения дворцовых хозяйств.

Другие пленники, проходившие вместе с Пандионом царский осмотр и оставленные у стены дворца, были распределены между сановниками в качестве саху — рабов, пахотных в их пожизненном владении и со смертью владельца переходивших в шене фараона.

В душном воздухе стояло гнетущее молчание, изредка нарушаемое тяжелыми вздохами и стонами пригнанных вместе с Пандионом новых рабов. Клеймо раскаленным углем горело на спине Пандиона.

Ефремов И. Е. На краю Ойкумены. — В кн.: Ефремов И. Е. Великая дуга. М., 1956, с. 186—188.

ТРУД РАБОВ

Тутмос остановился, машинально наблюдая за размеренным и бесконечным раскачиванием шадуфов, поднимавших воду. Они напоминали бесчисленную стаю тощих и бескрылых птиц с длинными прямыми шеями. Они наклонялись и выпрямлялись, снова наклонялись и снова выпрямлялись, наполняя окрестности жалобным тягучим скрипом. Полуголые худые рабы выливали воду из тяжелых бадей и однообразными, заученными движениями с усилием тянули веревку, заставляя шадуф наклоняться.

Рабы — эфиопы, хетты, ливийцы, вавилонцы, плененные сыны неведомых северных стран — все были одинаково черны под жгучими лучами животворного Атона¹.

Невозможно было представить себе огромные расстояния, разделяющие страны, где они когда-то родились и жили. Жестокая судьба свела их всех на берегах великого Хани², где они с утра до вечера заняты тяжелым подневольным трудом во имя процветания благословенной Кеме и ее повелителя — фараона, сына Ра.

Кем они были у себя дома? Может быть, из них кто-нибудь был таким же скульптором, как он? И проникаясь невольным состраданием, Тутмос представил себе их безрадостное и тяжкое существование, безнадежность их стремлений вернуться на родную

¹ Атон — одно из солнечных божеств — божество солнечного диска.

² Хани — древнеегипетское название Нила. Слово «Нил» греческого происхождения.

землю, которую, верно, все они видят в своих снах каждую ночь. Тутмос мысленно увидел глаза, тоскующие и затравленные, которыми они озирают, проснувшись, враждебную и проклятую землю — его родину, единственную и любимую, без которой он не мыслит ни себя, ни своего искусства.

Несправедливо и жестоко превращать свободного от рождения человека в раба. Но разве орошались бы тысячи и тысячи арур¹ плодородной земли, рылись и очищались от ила каналы и наполнялись житницы без труда этих несчастных людей? А грандиозные храмы Уасета, дворцы Ахетатона, пирамиды Меннефера, что наполняют благоговением и гордостью сердце любого истинного сына Кеме? Кто может сказать, скольких жизней безымянных рабов стоило возведение этих каменных громад?

Мытыпов В. Ступени совершенства.
Улан-Удэ, 1969, с. 35—36.

3. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Выразительной иллюстрацией к словам учебника о том, что фараону принадлежала неограниченная власть, что он распоряжался людьми, землей и водой во всем Египте, может служить отрывок из повести И. Е. Ефремова «Путешествие Баурджеда». Действие повести происходит во времена фараона Джедеффа (около 2877—2869 гг. до н. э.). В ней рассказывается о большой морской экспедиции египтян вдоль побережья Африки. В тексте также содержится ряд интересных деталей, рисующих внешний облик фараона и раболепие придворных перед царем.

Трудом десятков тысяч людей создавались во славу фараонов пирамиды. Для их сооружения требовались огромные каменные блоки. О том, как вырубали их из скал и доставляли к реке, где они погружались на барки, повествуется в тексте «Добыча камня для пирамид». Это фрагмент из романа советского писателя П. Г. Аматуни «Если б заговорил сфинкс...». Автор художественно изображает предполагаемую им историю создания сфинкса. Обращаясь к эпохе Древнего царства, он так же, как И. Е. Ефремов, дает исторически правдоподобные зарисовки из жизни египтян середины третьего тысячелетия до нашей эры.

Строительство пирамиды воспроизведено в повести М. В. Езерского «Каменотес Нугри». Советский писатель М. В. Езерский — автор многих художественных произведений исторического жанра. Сюжетом этой повести служит судьба каменотеса Нугри, отправленного на строительство пирамиды и погибшего при попытке ограбления усыпальницы фараона. Автор несколько преувеличивает степень общественной сознательности крестьян и ремеслен-

¹ Арур — мера земли, равная 0,27 га.

ников Древнего Египта в период правления Рамсеса II. Так, например, каменотес Нутри и его товарищи ставят перед собою цель разделить между жителями своей деревни сокровища, которые они собираются вынести из гробницы фараона. В повести уделяется много места сценам нищенской жизни крестьян и ремесленников, их выступлениям и неудачам борьбы. Текст «Строительство пирамиды» целесообразно использовать при работе с учебной картиной «Постройка пирамиды».

ФАРАОН

Пестрые занавеси в оконных проемах колыхались под легким ветерком. По коричневой полированной поверхности деревянных колонн пробегали слабые блики света.

В комнату, тяжело ступая, вошел великий властитель, молодой фараон Джедефра. Следом за ним спешили два человека с золотыми нагрудными знаками. Они с привычной ловкостью распростерлись на полу перед фараоном. Нетерпеливое движение руки Джедефры заставило их встать. Один, высокий и худой, носивший звание хранителя царских сандалий, снял с ног фараона сандалии из позолоченной кожи. Другой, смотритель ларца с притираниями, осторожно освободил Джедефру от тяжелого парика, прикрытого полосатым чехлом и двойной короной — пшентом, снял футляр, заменявший бороду. Фараон с облегчением провел ладонью по гладко выбритой голове.

Вельможи удалились. Джедефра сбросил длинную белую одежду из серебристого льна, выделанного так тонко, что ткань просвечивала. Он остался в короткой рубашке, перетянутой голубым поясом с тяжелыми синими лентами на золотых пряжках.

Фараон устало потянулся. Нелегко было соблюдать каменную неподвижность поз, требуемых ритуалом при публичных появлениях.

Сухое, жесткое лицо Джедефры было хмурым и сосредоточенным. Он медленно подошел к окну, выходившему на запад, и слегка отодвинул плотный занавес.

В прозрачном воздухе под густой синевой чистого неба предстал перед Джедефрой край его страны. Дворец фараона стоял на невысоком холме, близ которого плодородная темная земля Нильской долины резко граничила с красновато-желтой пустыней.

Вдали отчетливо вырисовывались изгибы огромных песчаных бугров. Там пески, поднимающиеся горами до пятисот локтей вышины, пылают под знойным небом, как гигантский костер. Костер, преграждающий живым путь в страну запада, царство ушедших, обиталище мертвых...

От песчаных холмов к долине сбегали голые каменные уступы. На них за белой каменной оградой колыхалась темная зелень высоких пальм.

Джедефра утрюмо усмехнулся. В глубокой тишине доносился лишь плеск воды в ступенчатых бассейнах. Рабы, выстроившись длинной цепочкой, с утра до ночи качали воду из реки, чтобы вокруг пирамиды мог существовать зеленый сад. А некоторым деревьям сада было уже больше двадцати лет...

Но фараон, конечно, не думал об этом. Миллионы роме¹, сотни тысяч рабов, как трудолюбивые муравьи, копошатся у него под ногами, обожествляя все четыре имени царя.

Ефремов И. Е. Путешествие Баурджеда. — В кн.: Ефремов И. Е. Великая дуга. М., 1956, с. 16—18.

ДОБЫЧА КАМНЯ ДЛЯ ПИРАМИД

...На северо-западе виднелась ярко освещенная солнцем каменная гряда холмов. Тысячи людей вырезали там в каменоломнях гигантские плиты, вставляли в пропилены деревянные клинья и поливали водой. Дерево разбухало и с треском отрывало известняковые блоки от массива.

Одни грузчики волокли эти заготовки — весом в десятки тонн — на каменных катках к баржам, чтобы речники доставили их к строительной площадке, а другие вновь тащили их по твердой, но увлажненной дороге, с криками и стонами, в облаке пыли и песка. Камнерезы вновь должны были распилить камень на куски, обтесать и отшлифовать, а рабочие по насыпям поднять их в небо и с точностью до волоска уложить в предназначенные места усыпальницы очередного фараона, пока еще нежащегося в прохладной тени дворцового сада.

И так день за днем, столетие за столетием...

Аматуни П. Г. Если б заговорил сфинкс... М., 1970, с. 31—32.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПИРАМИДЫ

Это была большая, долгая работа. Сотни плотников устанавливали помосты и наклонные плоскости для подъема каменных глыб... По наклонным дорогам шли сотни пар волов. Погонщики погоняли волов криками, бичами и дротиками. Волы ревели от боли. А за погонщиками шли надсмотрщики с бичами и палками, они зорко смотрели за погонщиками и при малейшем упущении били их плетью.

С налитыми кровью глазами, хрипя, задыхаясь, волы медленно тащились. Спина их были смочены потом, точно волы только что вышли из реки, а с морд клочьями падала пена. На полозьях скользила, покачиваясь, огромная скала. Она была обвязана бе-

¹ «Роме» — «люди»; так называли себя древние египтяне.

чевой и опиралась на высокую спинку. Глыба, казалось, сидела в большом кресле. При каждом движении спинка трещала. А рядом со скалой шли люди, помогая волам. За концы бечевы они тянули глыбу. <...>

После обеда сотни полунагих людей рыли четырехугольную яму... Сотни детей, преимущественно мальчиков, спускались вниз и уносили корзины на своих головах. Они шли гуськом к оврагу, чтобы высыпать песок. За целый день работы им платили меньше, чем взрослым.

Десятники с палками и бичами из воловьей шкуры прохаживались, покрикивая, среди детей и землекопов. Нередко провизгивавший крик пролетал над песками, и мальчик падал лицом в раскаленный песок. Но второй удар, более жгучий, подымал его на ноги. Иногда вспыхивали злые голоса, слышались угрожающие крики. Десятники поспешно отступали от возбужденных людей и звали на помощь. Прибегали сотские с бичами и палками. Бичи свистели, палки опускались на спины землекопов.

Езерский М. Каменотес Нутри. Л., 1940, с. 26, 29.

4. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ И БОРЬБА КЛАССОВ В ЕГИПТЕ

При подготовке к этому уроку учитель может использовать два художественных произведения — «Багровый хамсин» Арт. Феличе¹ и «Папирус из города мертвых» Б. Тартаковского. В обеих книгах изображается большое народное восстание в Египте, завершившееся вторжением в страну отсталых кочевников-гиксосов; историки относят его примерно к 1750 г. до н. э. Сведения о восстании содержатся в папирусе «Речение Ипусера», выдержки из которого приводятся в школьном учебнике. В книгах контрастно показаны жизнь и быт знати и беднейшего населения столицы Древнего Египта.

В заглавии первого текста «Возвышай вельмож твоих» повторяется выражение из поучения фараона сыну. Содержание выражения учитель, следуя учебнику, раскроет в начале урока. Удачен в тексте образ преуспевающего вельможи, щедро награждаемого фараоном за верную службу и участие в грабительских походах. Увеличивается в процветающем хозяйстве вельможи число рабов, множатся его богатства.

Положение земледельцев и ремесленников различных профессий — каменщиков, кузнецов, ткачей, красильщиков, сапожников и т. д. — сопоставляется в тексте «Как жили крестьяне и ре-

¹ Арт. Феличе — псевдоним Л. Ямщиковой-Дмитриевой, автора ряда художественно-исторических произведений. Некоторые из них написаны ею совместно с матерью, детской писательницей М. Ямщиковой, выступавшей под псевдонимом Ал. Алтаев.

месленники Египта». В основе текста лежит источник «Поучение Ахтоя».

Художественно детализирует начало восстания бедняков и рабов третий текст. В нем убедительно передан высокий накал классовой ненависти к угнетателям.

ВОЗВЫШАЙ ВЕЛЬМОЖ ТВОИХ

По дороге из города к усадьбе Цветущий Лотос быстро шагали четыре кудрявых негра. Они держали богатые носилки с креслом из черного дерева. В кресле сидел знатный вельможа Ипусер.

За носилками, в ногу с неграми, шли два светлокожих раба. Они прикрывали господина онахалами из страусовых перьев.

Солнце уже клонилось к западу, и вершины каменных усыпальниц фараонов за каналом, на краю пустыни, были ярко освещены.

Из города Хет-ка-Птаха возвращались в свои селения земледельцы, ловцы птиц и рыбаки. Они шли с базара, где обменивали зерно, масло, дичь и рыбу на изделия ремесленников.

При виде богатых носилок бедняки разбегались в стороны и падали ниц.

— Великий начальник Хет-ка-Птаха возвращается в Цветущий Лотос! — возвещали вестники вельможи, бежавшие впереди носилок.

Усадьба Ипусера Цветущий Лотос была известна всем окрестным жителям...

Горделивым взором окинул Ипусер поля, тянущиеся по обе стороны дороги. Все принадлежало ему: и земля, и постройки, и люди.

Справа колосилась пшеница. Шла уборка. Жнецы с бронзовыми серпами рассыпались по полю. На хорошо утрамбованной площадке полевого тока понуро ходили по кругу два быка. Под ноги им бросали колосья, и быки вымочивали спелое зерно. Его ссыпали в высокие сосуды и уносили в амбары.

Ипусер хлопнул в ладоши, и носильщики замерли. Подбежал вестник.

— Призови писца!

Начальники закровов и многочисленных мастерских боялись молодого вельможи больше, чем его отца — старика Тотнахта. Они знали, что за малейшее упущение могут быть наказаны палками. Но сейчас в голосе писца не чувствовалось страха, он звучал радостно.

— Сама богиня плодородия благословила твои поля, о великий господин! Такого урожая еще никто не снимал...

Ипусер оставался бесстрастным. Но в душе был доволен. И снова негры зашлепали босыми ногами по дороге к Цветущему Лотосу.

Позади остались кедровые ворота храма, посвященного Тоту — богу луны и мудрости, покровителю Ипусера. Теперь уже ясно видна была усадьба с ее башнями и аллеей финиковых пальм перед входом.

Опираясь на плечо раба, Ипусер сошел с носилок. В лучах солнца сверкала золотая почетная цепь. Эту награду Ипусер получил после похода к берегам Лазурных Вод¹. Боги благоволили к Ипусеру, и ему удалось перехитрить вожда иясов — племени одного из оазисов Восточной Пустыни. Ипусер выждал, когда большой отряд молодых охотников покинул селение, и напал на оазис ночью.

Иясы ожесточенно дрались, но у пришельцев было численное превосходство. Ипусер возвратился домой, захватив богатые сокровища для царской казны и много пленных.

Тартаковский Б. Папирус из города мертвых. Киев, 1967, с. 3—5.

КАК ЖИЛИ КРЕСТЬЯНЕ И РЕМЕСЛЕННИКИ ЕГИПТА

— Разве я могу смеяться, — отвечала бледная, всегда голодная Хети, — когда мой муж не встает с циновки вот уже «пол-лунного круга»...

— Неужели все еще с тех пор, как он надорвался, таская камни для пирамиды?

— Да обрушатся пески хамсина² на эту проклятую пирамиду, — заплакала Хети, — да ограбят ее разбойники «педжет», да не будет она достроена еще пятьдесят разливов!.. Есть ли на свете человек несчастнее каменщика — строителя царских пирамид?

— А ты думаешь, земледельцу легче? — возразила Бикит. — Брат моего мужа — простой пахарь. Спроси его, что он скажет тебе о своей работе. Он разрыхляет землю рядом с волом, он таскает с утра до поздней ночи воду из каналов и запруд... И все-таки ему не хватает зерна — он голодает... Ведь большую часть урожая он должен отдать сборщикам... Его спина болит от палок, которые он получает за всякий просроченный день... Его отрывают от его собственной работы и гонят на работу для хека³ или просто рпат⁴. А — помилуйте его боги! — попадет он на землю храма, с него сдернут последнюю шкуру... Ступай спроси, что он расскажет тебе о своей жизни!..

— А ты полагаешь, что кузнецу лучше живется?.. — крикнула жена кузнеца. — Его пальцы шероховаты, как крокодилова кожа, и пахнет от него хуже, чем от рыбьей икры... Он работает даже

¹ *Лазурные Воды* — так называли в Древнем Египте Красное море.

² *Хамсин* (самум) — западный ветер — песчаный, раскаленный ураган, свирепствующий в пустыне в определенное время года.

³ *Хека* — правитель города, князь.

⁴ *Рпат* — высший класс населения Египта.

ночью!.. Вместо сна он обжигает себе руки, а дым съедает его глаза!..

— А ткач? — перебила ее жена ткача Хмуну. — Его колени всегда на высоте его сердца; он не дышит чистым воздухом... Если хоть один день он не изготовит положенного количества материи, его привяжут, как лотос на болоте, и измолотят палкой, как ячмень!..

— Пальцы красильщика, — подхватила подошедшая Кема, — издают зловоние, как тухлая рыба; глаза его слипаются от усталости, но руки не должны отдыхать... Вся жизнь его проходит за кройкой и окраской лоскутов; цвет пурпура и вид одежды внушают ему отвращение.

Женщины наперебой кричали о тяжести ремесла своих мужей, о своей бедности и вечном голоде.

— А сапожник? Что он ест?.. Он грызет кожу, чтобы утолить боль в животе... Здоровье его — это здоровье дохлого козла!..

— А гонец, которого посылают в чужие края?.. Он спешит завещать свое имущество детям: ведь его ждут дикие звери и дикие менту¹. Да велико ли его имущество? Две циновки да два горшка под пальмовой крышей — вот и все... А что он находит по возвращении в долину?.. Не успеет он приехать, как его снова отправляют в путь! И так до самой смерти!..

— А цирюльник?.. Он бреет до поздней ночи... Только за едой он и может отдохнуть, облокотившись на стол. Он бежит из дома в дом, с одного конца рынка на другой, как запаленный осел, в поисках работы; руки его давно дрожат от усталости, но ему надо наполнить животы своих детей, и он не смеет присесть: пчела ест мед, который сама собрала!..

Благодарение богам, если их всех еще не отправят на войну или в каменоломни искать камень для пирамиды!..

— Я же говорю, — снова заплакала Хети, — будь она проклята, эта пирамида, рассеи ее дыхание Сета!..

Бикит поставила наполненный кувшин на голову и одной рукой обняла плачущую женщину.

— Полно, Хети, ведь ни слезами, ни проклятиями не поднимешь с циновки твоего мужа!.. Прослушала бы ты, что говорит мой Нугри. Он говорит, что наше счастье в наших руках, но только мы не умеем его взять.

Феличе Арт. (Л. Ямщикова). Багровый хамсин. Роман из жизни древнего Египта. М., 1935, с. 29—31.

ВОССТАНИЕ БЕДНЯКОВ

Еще с утра горожане высыпали на пристань и рыночную площадь. Более шумно, чем обычно, было в квартале кузнецов, стеклодувов, тончаров и ювелиров. Слухи, одни

¹ Менту — разбойничьи кочевые племена с Синайского полуострова.

страшнее других, волновали и возбуждали разгоряченные головы жителей славного Хет-ка-Штаха. <...>

Возле харчевни Саппису кое-кто поднял на столбы помост. На него взобрался молодой воин с копьем.

— Жители славного города Хет-ка-Штаха! — обратился он к толпе. — Враги северных стран угрожают народу Та-Кем. Но разве не угрожает нам рабство здесь — в городе Штаха?..

Гневные слова, брошенные в толпу, вызвали взрыв негодования. И голос воина, хотя он и продолжал говорить, потонул в возбужденных выкриках.

— Вельможи отняли у нас землю...

— Царские писцы лишили нас зерна и скота...

— Вестники фараона хватают наших дочерей...

— ...Долговые расписки приведут нас в шене, и мы станем живыми мертвецами!.. — прорвался сквозь вопли толпы голос воина с помоста.

— Горе... горе!.. — вопили женщины, потрясая поднятыми руками.

Рыбаки с гарпунами в руках и ловцы птиц с луками и колчанами, полными стрел, вызывающе кричали:

— Лучше смерть, чем рабство!

Им вторили ремесленники. Еще с утра они бросили работу в мастерских.

— Отправим в шене надсмотрщиков и дарских писцов!..

Крестьяне, пришедшие на рынок для обмена горсти зерна или кисти винограда, вопили об утерянной земле.

— Где зерно, выращенное нашими руками? — вопрошали они.

— Лучше смерть, чем рабство!.. — доносилось с помоста, еще более возбуждая народ.

И кто-то уже подхватил призыв:

— Во дворец! — и люди кинулись к циновкам кушцов. Мужчины, женщины, подростки хватали с циновок серпы и топоры, плоские камни для растирания зерен, гарпуны для ловли рыб. За несколько минут толпа разгромила ряды оружейников, и вопли кушцов вызывали только насмешки.

— Посмотрим, как сейчас нас встретят провожатые вельмож!..

С помоста соскочил молодой воин. Это был Нуфт. Его тесно окружили товарищи. Вид у Нуфта был решительный, он сурово приказал:

— Во дворец Пиопинахта!..

...Оставив горны и верстаки, чаны со зловонной смесью и веретена, к толпе примыкали гончары, столяры, красильщики, кузнецы и ткачи. Из дымных лачуг выходили женщины и дети. Людской поток с каждой минутой становился еще более мощным, и не было, казалось, силы, которая могла бы ему противостоять. <...>

Как и ожидал Хор-пахт, стены дворца Пиопинахта не устояли перед людским половодьем, и мятежники в несколько минут опро-

кинули стражу и устремились в покой. Немного дольше держались защитники дворца лишь в дворовом флигеле, из узких окон которого маджаи метали дротики и пускали из луков стрелы. Но скоро пала и эта последняя опора.

Тартаковский Б. Папирус из города мертвых, с. 95—98

5. МОГУЩЕСТВО И УПАДОК ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Представления учащихся о функциях Древнеегипетского государства, о власти царя и обязанностях вельмож и чиновников, полученные на предшествующих уроках, в значительной мере обобщает отрывок «Фараон слушает доклад вельможи» из небольшой пьесы поэта Александра Блока «Рамзес». Действие пьесы происходит в XIV в. до н. э. при Рамзесе (Рамсесе) II, фараоне XIX династии. В ряде сцен пьесы рассказывается об ограблении и притеснении народа чиновниками. В тексте показывается, сколь разорительными для народа были налоги и частые войны, изнурявшие страну. Подчеркнут в нем и завоевательный характер внешней политики фараонов. Хорошо было бы заранее подготовить учащихся и разыграть этот текст как живую драматическую сценку.

Египет начала второй половины II тысячелетия до н. э. представлен в художественной литературе довольно широко. Можно, например, назвать романы «Фараон Эхнатон» советского писателя Георгия Гулиа, «Ваятель фараона» и «Служанка фараона» немецкой писательницы Элизабет Херинг, а также детскую повесть «Дочь Эхнатона» К. Моисеевой.

К теме подобран текст из книги Г. Гулиа. Роман «Фараон Эхнатон» посвящен личности фараона Аменхотепа IV, пытавшегося утверждением единобожия сломить могущество жречества. Отменив культ старых богов, он ввел поклонение одному Атону, в честь которого принял новое имя — Эхнатон («Благой для Солнца»). Роман интересен оригинальной разработкой образа фараона, раскрываемого и на фоне общественных проблем, стоящих перед Египтом, и в интимной жизни царского двора.

Текст «Мысли сcribe о силе и слабости державы» передает разговор между фараоном и писцом (scribe) о настоящем и будущем страны и неизбежности социальных потрясений, вызванных жестоким гнетом. Правомерно сомнение в возможности столь свободного общения маленького чиновника с самим «благим богом», но если отвлечься от использованной автором ситуации, то разговор вполне правдоподобен по своей сущности. Сcribe выражает настроения мыслящих и сочувствующих народу людей. При использовании текста учителю необходимо коротким предварительным объяснением подготовить учащихся к пониманию сюжетной ситуации и метафорических оборотов речи.

ФАРАОН СЛУШАЕТ ДОКЛАД ВЕЛЬМОЖИ

Р а м з е с. Пускай Озирис продлит дни слуги нашего Псару. Теперь пускай Псару скажет нам, как он провел время в деревне и как он исполнил поручения своего государя.

П с а р у. О мощно-истинный, как Ра, возлюбленный солнца, повелитель обоих Египтов! С востока на запад и с запада на восток объехал я вверенную мне тобой область; я был у богов южной страны и был у богов северной страны; всюду набирал я здоровых юношей в твоё могущественное войско заранее и всех их запер в тюрьмы и в амбары, пока они еще не успели разбежаться в горы; ибо ты ведаешь, что мирные египтяне не любят войны и страшатся твоего взора.

Р а м з е с. Нам приятно слышать, что Псару сумел предупредить бегство ленивых и трусов. Пусть знают все, что и нам не угодна война, но мы не прекратим ее, доколе не покорим всех подлых врагов из пустыни Сприйской и из пустыни Ливийской, и будем воевать до полной победы. Пусть ответит нам слуга наш Псару, есть ли у него довольно оружия, довольно колесниц и довольно хлеба для войска?

П с а р у. Ты ведаешь, что нет колесниц в мире, равных по прочности и легкости колесницам Египта. Также довольно запасено у меня оружия, и всюду видел я одно — как твои верные сcribes¹ исправно отбирали хлеб у крестьян, так что не осталось во всей стране юга ни одной хижинки, которая смогла бы утаить от тебя хлеб, зерно или муку.

Р а м з е с. Все это хорошо, что сказал нам слуга наш Псару. А кто это стоит позади него — не правда ли, это смотрители житниц и сcribes?

П с а р у. Да, это они, повелитель; они сделали больше, чем было сделано со времени бога Ра; они собрали в одну жатву больше пшеницы, чем собирали в последние тридцать лет.

Б л о к А. Рамзес. Сцены из жизни древнего Египта. — В кн.: Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 4. М.—Л., 1961, с. 258—259.

МЫСЛИ СКРИБА О СИЛЕ И СЛАБОСТИ ДЕРЖАВЫ

Бакурро припадает лбом к прохладному полу, на котором изображение сочной травы; зеленого папируса и мелких птиц.

— Сядь! — фараон указывает на длинную низенькую скамью. — Ты удивлен, Бакурро?

¹ Здесь имеются в виду чиновники.

Теперь Бакурро не боится. Почему-то вдруг осмелел. Способен даже отвечать. И ясно мыслить.

— Нет, твое величество.

Вот он, благой бог. Небольшой. Тщедушный. Можно сказать, двойник Бакурро. Если говорить о плечах, животе и ногах.

— Ты не удивлен, что зван так поздно?

— Нет. Потому что, твое величество, Кеми живет и действует и днем и ночью, требует к себе внимания и днем и ночью.

— Это верно, — проговорил фараон. <...>

— Думал ли ты когда-нибудь о Кеми и его владыке?

— Да, твое величество.

— Что же ты думал?

— Я очень боюсь...

— Говори, говори, — подбадривал фараон писца...

— Твое величество! — чуть не вскричал он, чуть не плача, проговорил он. — Рассуди сам: Кеми охвачено со всех сторон, как обручем винная бочка. Есть такие бочки в Митанни... Они — деревянные. Представь себе: знающий свое дело бондарь изготовил такие прочные и тесные обручи, что каждая составная часть деревянной бочки кричала бы невообразимо, если бы умела кричать.

— Отчего же, Бакурро, кричала бы?

— Оттого, что тесно, оттого, что нельзя вздохнуть посвободнее. Так и Кеми: каждый из его сынов сдавлен со всех сторон, ему заказан путь, обруч не дает ни малейшей возможности сойти с места. Как известно, не все воины выдерживают четкий строй, который требуют военачальники. Что же можно сказать о человеке, о каком-нибудь Псару-землепашце, о каком-нибудь Бакурро-лодочнике? Они едва дышат, твое величество. Власть князей жестока: того не смей, этого не смей! Того не говори, этого не молви! Иди вправо, а не влево! Теперь влево, а не прямо! Скажи мне, твое величество, сколько может этого самого «того нельзя, этого нельзя» выдержать даже такой долготерпеливый человек, как наш?

Царь барабанил пальцами по скамье, на которую опирался рукой. Он желал слушать, а не говорить. Слушать, не прерывая своего собеседника. Кивком головы он подбодрил писца.

— Твое величество, отчего песку так много в пустыне? Откуда взялся песок? Раньше, в прежние времена, там были одни камни: большие, средние, маленькие. Но камни. Однако солнце палило нещадно. С утра и до вечера. Едва успевали остыть за ночь, чтобы снова нагреться на нестерпимом солнцепеке. И когда выяснилось, что испытанию этому не предвидится конца, камни стали лопаться один за другим. Они не выдерживали зноя, твое величество. И на месте одного камня появились тысячи песчинок. Они засыпали все живое — каждую травинку — и отсюда пошла пустыня. Если обруч, о котором я говорил, будет все ту же затягиваться, то что получится?

— Ты хочешь сказать — пустыня?

Писец коротко кивнул. И выражение лица его было такое, точно Кеми на его глазах превратилась в выжженную солнцем пустыню. Очень ему жаль Кеми, где он родился, вырос и будет погребен с почестями или без них...

— Твое величество, люди государства, подобного нашему, не могут долгое время жить, точно воины в казармах где-нибудь в провинции Гошен или на земле Синайской.

— Ты, стало быть, пророчишь нашей стране погибель?

— Да.

— Скорую?

— Этого я не знаю.

Гул на Г. Фараон Эхнатон. М., 1969, с. 470—475.

6. РЕЛИГИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

На этом уроке может быть использован текст «Как хоронили бедных и богатых в Египте» из повести Н. Ланды и С. Фингарет «Из лотоса рождается солнце». Авторы повести рассказывают о борьбе египтян против гиксосов в XVIII в. до н. э. В книге приводится много интересных сведений о быте и труде египтян, их религии, военной организации и походах. Повесть иллюстрирована рисунками, исполненными в манере древнеегипетских художников: в нее включены многие литературные тексты древних папирусов.

Второй текст — «Обращение умирающего к сыну» — по своему содержанию примыкает к первому. Он детализирует представления о том, какое большое значение придавали древние египтяне подготовке к загробной жизни и строгому исполнению ритуала погребения.

Текст взят из несколько необычного философского романа знаменитого немецкого писателя Томаса Манна «Иосиф и его братья», в основу которого положен библейский сюжет. Будучи, как его назвал сам автор, романом-мифом, он изобилует многочисленными историческими сценами, написанными ярко и реалистично. Повествуя о пребывании Иосифа в Египте, писатель дает картины городской и сельской жизни египтян.

Особенно торжественно обставлялись похороны фараона, личность которого обожествлялась. Погребению предшествовала сложная церемония бальзамирования (текст «Бальзамирование»). Описывая ее, Болеслав Прус опирается главным образом на свидетельства Геродота. Сами похороны изображены в четвертом тексте, заимствованном из книги немецкого писателя К. Брукнера «Золотой фараон». Книга объединяет три связанные между собой повести. Попытка ограбления усыпальницы фараона Тутанхамона составляет содержание первой из них. В двух последую-

щих рассказывается история археологических исследований в Египте и поисков Картера и Карнарвона, приведших к сенсационному открытию гробницы Тутанхамона.

КАК ХОРОНИЛИ БОГАТЫХ И БЕДНЫХ В ЕГИПТЕ

Ини пустился в знакомый путь. Он быстро вскарабкался по извилистой тропинке, вьющейся среди скал, и очутился на огромном кладбище. Вид города мертвых не вызывал у мальчика чувства страха — ведь египтяне с детства готовятся к переходу в иной, загробный мир. Еще при жизни он старается построить для себя дом вечности и делает его таким же удобным и красивым, как и земное свое жилище, только более прочным: ведь пребывание на земле кратко, тогда как в стране мертвых Иamenti ему предстоит оставаться вечно.

Путь Ини лежал мимо множества вырубленных в скалах гробниц. По мере приближения к пирамиде фараона их становилось все больше: каждый знатный житель Та-Кемета почитал за особое для себя счастье быть погребенным вблизи фараона — сына Солнца, божественного Гора.

Ини отошел в сторону, пропуская длинную погребальную процессию. Впереди несли черную деревянную фигурку шакала — бога смерти Анубиса. Он провожал душу усопшего в загробный мир. Затем шли носильщики, нагруженные вещами покойного. Судя по богатой мебели, огромному количеству сундуков, ларцов, сосудов и других вещей, хоронили знатного господина. Отдельно везли статую умершего. Плакальщицы голосили так жалобно, что у Ини слезы навернулись на глазах. Белые быки волокли салазки с гробом, жрецы махали кадильницами, пели обрядовые гимны. Друзья и родственники замыкали шествие.

Глядя на это пышное погребение, Ини вспомнил, как в прошлом году, когда он жил еще дома, в деревне, хоронили их соседа. Его тело просто завернули в циновку, и отец Ини с двумя другими земледельцами отнесли его к месту упокоения. Как рассказывал отец, похоронили соседа в общей яме на самом краю города мертвых. На грудь ему повесили дощечку с просьбой к богу Осирису, владыке царства мертвых, дать на том свете бедному крестьянину 1000 быков, 1000 хлебов, 1000 кружек пива.

Ланда Н. и Фигарет С. Из лотоса рождается солнце. Л., 1963, с. 47—48.

ОБРАЩЕНИЕ УМИРАЮЩЕГО К СЫНУ

Понизже наклони голову, сын мой, под мою руку, голову человека больших устремлений под рукой человека скромного. Я завещаю тебе дом, усадьбу и поле... пору-

чаю тебе их тук и богатство, чтобы ты распоряжался их службами, запасами их кладовых, плодами сада, крупным и мелким скотом, а также урожаем на острове, расчетами и всякой торговлей; а еще отдаю под твое начало посев и жатву, кухню и погреб... маслостойные мельницы, виноградные тиски и всю челядь. Надеюсь, я ничего не забыл. А ты, Озарсиф, не забывай меня, когда я сделаюсь богом и уподоблюсь Озирису. Будь моим Гором, который защищает и оправдывает отца, следи за тем, чтоб не стерлась моя надгробная надпись, и поддерживай мою жизнь! Скажи, позаботишься ли ты о том, чтобы Миннебмат, пеленальных дел мастер, и его подмастерья сделали из меня отличную мумию, не черную, а красно-желтую, для чего я уже припас все необходимое, — ты присмотришь за ними, чтоб они ничего не прибрали к рукам, а за солили меня чистым натром и взяли ради вечной моей жизни тонкие бальзамы: стираксу, можжевельник, привозную кедровую смолу, а также мастику из сладких фисташек — и закутали мое тело нежнейшими пеленами? Позаботишься ли ты, сын мой, чтобы вечная моя оболочка была красиво расписана, а изнутри сплошь, без единого пробела, покрыта защитными изречениями? Обещаешь ли ты проследить за тем, чтобы жрец Имхотеп, что служит на западе, в городе мертвых, не раздал своим детям запасов хлеба, пива, масла и ладана, которые я оставил ему для жертвоприношений моему телу, дабы отец твой по праздникам всегда имел вдоволь еды и питья? Как хорошо, что ты самым благоговейным голосом обещаешь мне сделать все это, ибо, хоть смерть и обычное дело, она влечет за собой больше заботы, и человек должен обеспечить себя со всех сторон. И еще поставь в мою усыпальницу небольшую жаровню, чтобы челядь жарила для меня бычки окорока! Прибавь к ним еще гусиное жаркое из алавастра, деревянное изображение кувшина для вина и побольше этих твоих глиняных смокв! Я рад, что ты обещаешь мне это в самых благочестивых и успокоительных выражениях. Поставь на всякий случай возле моего гроба кораблик с гребцами и помести в моем домике нескольких человечков в набедренниках, чтобы они постарались за меня, когда западный бог призвет меня работать на свое плодородное поле, ибо, хотя голова моя и пригодна для обобщающего надзора, сам я не умею орудовать плугом или серпом. О сколько хлопот требует смерть! Не забыл ли я чего-нибудь?

Майн Томас, Иосиф и его братья, кн. 2.
М., 1968, с. 162—163.

БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ

Семьдесят дней лежал покойник в насыщенной содой воде... И все эти дни, утром и вечером, жрица, переодетая Исидой, приходила в голубой зал, рыдала там и рвала

на себе волосы, спрашивая присутствующих, не видел ли кто ее божественного супруга и брата.

— По истечении этого срока траура в зале появился Гор, сын и наследник Осириса, со своей свитой.

— Не поискать ли здесь труп моего отца и брата? — спросил Гор.

При громких и радостных возгласах жрецов, под звуки музыки тело фараона извлекли из укрепляющей ванны.

Затем тело было вложено в каменную трубу, сквозь которую в течение нескольких дней пропускался горячий воздух, и после сушки было отдано бальзамировщикам.

Теперь начались наиболее важные церемонии, которые совершали над покойником высшие жрецы «города мертвых».

Тело фараона, обращенное головой к югу, обмывали снаружи освященной водой, а внутри — пальмовым вином. На полу, посыпанном пеплом, сидели плакальщики, рвали на себе волосы и, раздирая лица, причитали над умершим. Вокруг смертного одра собрались жрецы, переодетые богами: обнаженная Исида в короне фараонов, юноша Гор, Анубис с головой шакала, бог Тот с птичьей головой, держащий в руках таблички, и много других.

Под наблюдением этого высокого собрания бальзамировщики стали наполнять внутренние полости тела сильно пахнущими травами, опилками, а также вливать туда благовонные смолы, сопровождая эти действия молитвами. Вместо его собственных умершему вставили стеклянные глаза в бронзовой оправе. Затем тело посыпали содовым порошком...

Затем жрецы обвивали каждую руку и ногу, каждый палец мумии лентами, на которых были написаны молитвы и заклинания. Ленты эти склеивали обычно смолами и бальзамами. На грудь и шею мумии положили полный манускрипт «Книги мертвых».

П р и с В. Фараон, с. 520—521.

ПОХОРОНЫ ФАРАОНА

Началось время торжественного погребения. Высшие сановники государства тянули саркофаг на санях полозьях. На них лежал гроб, в котором покоилось набальзамированное тело фараона Тутанхамона.

Этот гроб был самым красивым произведением искусства, какое Менафт когда-либо видел. Он был выкован из листового золота толщиной с бычью кожу. Лучшие ювелиры Египта сделали его в форме скульптуры бога Осириса. Он излучал такой блеск, что многие закрывали глаза. Он был уложен в нижнюю половину второго гроба, вырезанного из дуба, позолоченного и, так же как и металлический гроб, сделанного в виде бога Осириса. Теперь там лежал золотой бог во всем своем великолении и ждал, пока жрецы польют его священным маслом. Лик его сиял; блестели драгоцен-

ные камни и цветная эмаль. Сверкало ожерелье из красных и желтых золотых бус и синих камней. Фигуры двух богинь, искусно выкованные из металла, своими крыльями укрывали тело бога-царя, как будто хотели защитить его в вечности.

Очарованный красотой этого произведения искусства, камнерез Менафт был тогда убежден в том, что в золотом гробу действительно покоится бог. А когда после торжественной церемонии крышка второго гроба была закрыта, Менафт понял, что и через тысячелетия ни один мастер не сможет создать ничего подобного.

Позолоченный деревянный гроб тоже был настоящим чудом искусства. Его вложили в третий гроб так точно, что между ними невозможно было даже просунуть палец. И этот третий гроб также воспроизводил фигуру Осириса и был весь покрыт золотом.

Все три вставленные друг в друга гроба были потом помещены в кварцитовый саркофаг, и молодая вдова царя-бога Анхесенамон подошла и попрощалась с покойным.

Она была совсем еще ребенок и плакала павзрыд, как дитя, когда в сопровождении жрецов шла к саркофагу. Долго и пристально смотрела она на большой позолоченный деревянный гроб, в котором покоилось тело ее супруга. Сходство черт лица любимого с очертанием лица Осириса, в виде которого был сделан гроб, смущало ее. При свете многочисленных масляных лампочек металлическая облицовка сверкала, как золотой покров, и Анхесенамон казалось, будто бог дышит. Глаза из черного обсидиана и прозрачного белого алебаstra, казалось, смотрели на богов. А полные губы словно готовились рассказать о тайнах потустороннего мира.

Жрецы бормотали последние заупокойные молитвы. Запах курящегося ладана и благовонных масел и смол наполнял помещение. Пламя масляных ламп колебалось. Тускло блестело золото. Тени метались по стенам. Предостерегающе покашливал верховный жрец. И тогда девочка-царица Анхесенамон пришла в себя. Она бросила робкий взгляд на присутствующих, потом быстро наклонилась над саркофагом. Дрожащей рукой положила она венок из цветов вокруг царских символов — урея и головы коршуна — на лбу Осириса.

Брукнер К. Золотой фараон. М., 1967, с. 38—39.

7. ЗАРОЖДЕНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ И ПИСЬМЕННОСТИ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Особый интерес для учащихся представляют вопросы о необычной для их восприятия письменности Древнего Египта. Характеризуя иероглифическую письменность, учитель прежде всего дает краткие сведения об изготовлении писчего материала — папирусных свитков. Иллюстративным средством в этом случае может стать текст «Заготовка папируса». Затем логичен переход к беседе о возникновении школ, их классовом характере,

о постановке обучения и воспитания детей. Содержанию этой части рассказа учителя отвечает отрывок из произведения М. Матве «День египетского мальчика».

Выдающийся археолог и знаток Древнего Египта Милица Эд-виновна Матве написала для детей небольшую повесть о Египте эпохи Нового царства (XIII в. до н. э.). Автор рассказывает о жизни детей-школьников, о египетской письменности, о тяготах и борьбе угнетенных. В качестве приложения к повести даны переводы древнеегипетских сказок, песен и рассказов с текстов папирусов, прочитанных учеными.

В заключительной части урока учитель, подчеркнув мысль о значении письменности и привилегированном положении людей, владеющих знаниями и письмом, может прочитать отрывок из стихотворения «Прославление писцов» в переводе Анны Ахматовой. В приводимом стихотворении писцы прославляются за то, что сохраняют в веках мысли и знания людей. Аналогичный вывод содержится в соответствующем параграфе учебника.

ЗАГОТОВКА ПАПИРУСА

Достигнув заводи, где папирус был выше человеческого роста, Мериптах притормозил лодку веслом у края заросли и принялся за дело.

Выдергивая из воды упругие трехгранные стебли, он отламывал верхушку с цветком, отрезал корневище и передавал Туанес, которая связывала стебли пучками и укладывала посередине лодки, вдоль обоих бортов, чтобы не нарушить равновесия.

Когда запас стеблей становился угрожающе тяжелым, Мериптах направлял лодку к островку, где была их походная мастерская. Они освобождались от груза и возвращались в заросли...

После трехчасового отдыха в самую жаркую пору Мериптах и Туанес снова принялись за работу.

Особенно ловко работала Туанес. Усевшись на маленькую скамейку, она захватывала пальцами левой ноги нижнюю часть стебля, держа левой рукой его верхний конец, в правую брала острый камень и разрезала стебель вдоль.

Нарезав нужное количество стеблей, Туанес разворачивала их в длинные ленты и осторожно как бы раздавливала их между двух гладких и ровных камней. Потом склеивала из этих лент полосы.

Полоса для письма состояла из двух слоев. Для гибкости и прочности в наружном слое волокна стеблей располагались сверху вниз, а во внутреннем — горизонтально, то есть слева направо. Куски полос шириной менее локтя в свою очередь склеивались крахмалом из кусков до необходимой длины. Изготовленные таким способом полосы подвергались длительной сушке в тени.

Окончив работу, Туанес пошла под навес, где на шестах висели уже готовые полосы, и с удовлетворением осматривала их.

— Смотри, Мериптах, смотри, как я научилась... Особенно вот этот папирус...

— Вижу руку умеющего, Туанес. На такой белой гладкой полосе жаль писать обыденное.

— Пусть она будет моей, Мериптах. Когда-нибудь ты найдешь на ней что-нибудь особенное. Для меня!

— Хорошо, Туанес, я сейчас помечу ее. Спрячу в глиняный футляр...

Аматуни П. Г. Если б заговорил сфинкс..., с. 31—32.

ШКОЛА

Комната, в которую вбежал Сети, большая и светлая. Здесь уже не одна, а целых четыре колонны поддерживают потолок. Пол устлан циновками; на них и сидят, поджав ноги, во время занятий ученики.

В комнате много мальчиков. Они стоят, сидят, перебегают друг к другу, то весело болтая, то торопливо спрашивая о неясном в заданных уроках.

Сети быстро пробирается на свое место — во втором ряду у стенки — и еще издали машет рукой своему соседу и закадычному другу Ини, круглолицему черноголового мальчику. Ини тоже машет ему рукой...

...Сейчас Сети, раскладывая на циновке принесенные с собой вещи, спрашивает Ини, что тот делал вчера вечером. Оказывается, Ини катался с отцом по Нилу и удил рыбу. Ини очень хочется рассказать другу, какую замечательную рыбу ему удалось поймать. Но шум в комнате внезапно стихает, все мальчики вскакивают и сгибаются в низком поклоне: в комнату входит учитель, писец Шедсу.

Это невысокий человек лет сорока пяти, с равнодушным лицом и холодным взглядом серых глаз, которые, кажется, сразу видят все, что происходит в комнате. На голове учителя пышный завитой парик, в одной руке он держит длинный посох, на который опирается при ходьбе, в другой руке — плетъ. За ним раб несет письменный прибор и два ящика с рукописями.

Учитель кивает головой детям и садится в резное кресло черного дерева. Кресло стоит посередине, перед первым рядом учеников. Под ноги учителя раб подвигает низенькую скамеечку и ставит ящики с рукописями.

Старший ученик Яхмес подходит к учителю и, поклонившись, ждет приказаний.

— Сначала будем читать, — говорит учитель. — Яхмес, открой этот ящик и раздай свитки, по одному на двоих.

Яхмес быстро и ловко выполняет приказание. Мальчики получают свитки и садятся парами поближе друг к другу.

Сети и Ини бережно берут доставшуюся им рукопись и осторожно начинают ее разворачивать.

Рукопись написана на папирусе крупным четким почерком...

...Слышится легкий шелест разворачиваемых свитков. Мальчики с интересом всматриваются в новый для них текст. Первые две строки написаны красной краской, дальше — черной. Они хорошо знают, что красным пишутся не только начальные строки рукописи, но и начало каждой ее главы, а иногда и просто новой части рассказа. Это очень помогает при чтении: ведь между словами египтяне не оставляют промежутков, и без таких красных строк было бы трудно находить нужное место в рукописи...

...Ох, как трудно было... запомнить все эти знаки, каждый из которых казался... сначала просто интересной картинкой, а никак не знаком для чтения!

Ведь здесь были разные птицы, звери, рыбы. Были и люди — мужчина, женщина, ребенок с пальцем у рта, воин с луком и стрелой, фараон в короне, боги с жезлами, танцующий человек, бегущий, упавший...

А потом — растения, звезды, вода, земля, постройки, инструменты, корабли, сосуды... Да чего только здесь не было! К тому же один знак изображал целое слово, другой — слог, третий — отдельный звук.

И вместо того чтобы запомнить, как надо читать каждый из этих знаков (а их было свыше семисот!), маленький Сети придумывал про них разные интересные истории и рисовал поэтому знаки не в том порядке, в каком их следовало изобразить, чтобы получилось слово, а так, как придумывался рассказ: за знаком воина он ставил колесницу — это значило, что воин поехал на войну; потом он рисовал бегущего человека — это бежал враг; потом упавшего — это врага убили.

Но учитель никогда не хотел слушать объяснений Сети, а просто бил его плеткой и заставлял снова и снова учить знаки...

Матье М. День египетского мальчика. М., 1956, с. 14—22.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПИСЦОВ

Мудрые писцы

Времен преемников самих богов,

Предрекавшие будущее,

Их имена сохраняются навеки.

Они ушли, завершив свое время.

Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди

И надгробий из бронзы.

Не оставили после себя наследников,

Детей, сохранивших их имена.

Но они оставили свое наследство в писаниях,

В поучениях, сделанных ими.
Писания становились их жрецами.
А палетка для письма — их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,
Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их глава.
Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге возводит дома и пирамиды
в сердцах тех,

Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли.
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Лирика древнего Египта. М., 1965, с. 89—92.

8. ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

При подготовке к уроку и внеклассной работе учитель будет располагать произведениями оригинальной древнеегипетской литературы, представленными дошедшими до нас поучениями, повестями, сказками и песнями¹. В учебнике Ф. П. Коровкина помещены пересказ повести о Синухете и песня крестьян. Один из

¹ См., например: Матве М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956; Рубинштейн Р. И. Мифы древнего Египта. Л., 1959; Фараон Хуфу и чародей. Сказки, повести, поучения древнего Египта. М., 1958.

образов древнеегипетской литературы — извлечение из сказки «Лев и мышь» — вошел в хрестоматию.

В учебнике указывается, что уже в древнюю пору в Египте были распространены поучения. В них содержались суждения религиозного, социального, нравственного и бытового характера. Следует заметить, что их питали, с одной стороны, истоки народной мудрости, с другой — принципы морали, господствующие в классовом обществе. Афоризмы, приведенные в хрестоматии, заимствованы из папирусов различных авторов, которые принадлежали к кругу образованных и состоятельных людей.

Афоризмы разделены на две группы: социальные афоризмы и нравственные поучения. Первые могут быть использованы на уроках при выяснении классовых взаимоотношений в египетском обществе. Вторые отражают общечеловеческие представления о добре и зле, ценности труда и образования и т. д. и поэтому полезны в воспитательных целях.

Исходя из того что подборка к ранее изученной теме «Религия в Древнем Египте» уже включала материал о гробницах, в данной теме дается текст из повести М. Матье «Кари, ученик художника», который содержит дополнительные сведения. В нем приводится описание погребального зала, настенных росписей и саркофага. Книга М. Матье посвящена жизни маленького фиванца Кари, мечтающего стать художником. Действие ее относится ко времени правления XIX династии. Повесть знакомит юного читателя с обликом египетских городов, развитием ремесла, бытом различных ремесленников, в том числе живописцев и скульпторов.

Текст «Роспись стен дворца и храма», взятый из повести Ю. Логвина, расширит знания учащихся о реалистическом содержании древнеегипетской живописи, ее сюжетах, отражающих разные события и бытовой уклад египтян. В книге рассказывается о художнике Овруле и его приключениях в Греции и на Крите, в Киликии и Египте.

Текст «Храм «Дом Сети» дает представление о нескольких сторонах культуры: внешнем облике храмов, жречестве, роли храмов как своеобразных учебных заведений.

Архитектурный ансамбль на правом берегу Нила у Фив, особенности древнеегипетской архитектуры, скульптуры и живописи охарактеризованы в отрывке «Искусство Древнего Египта» из повести И. Е. Ефремова «На краю Ойкумены».

ЛЕВ И МЫШЬ

Случилось так, что попалась под лапу льва мышка, с виду хилая и совсем маленькая. Лев хотел уже ее раздавить, но мышь взмолилась:

— Не дави меня, господин мой! Если ты меня съешь, мною ты все равно не насытишься. Если же ты меня отпустишь, голод

твой не станет сильнее. Но зато, если ты подаришь мне жизнь, я тоже когда-нибудь подарю тебе жизнь. Не причиняй мне зла, не убивай меня, и когда-нибудь я спасу тебя от беды.

Лев посмеялся над мышью и сказал:

— Что же ты можешь сделать? Ведь никто на земле не сможет со мной справиться и причинить мне зло!

Но мышь поклялась ему:

— Клянусь, что избавлю тебя от гибели, когда придет для тебя черный день!

Лев принял все это за шутку, однако подумал: «Если я съем эту мышь, сытым я и вправду не стану!» — И он отпустил ее.

И случилось так, что один охотник, который ловил зверей в западни, выкопал яму как раз на пути льва. Лев провалился в яму и попал в руки охотника. Опутал его охотник сетью и крепко связал сухими ремнями, а сверху перевязал ремнями сыромятными.

И вот связанный лев лежал в горах и горевал. Но судьба пожелала, чтобы шутка мыши стала правдой. Захотела она посмеяться над мадменными словами льва и в седьмом часу ночи привела к нему маленькую мышку. Сказала тут мышка льву:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та самая маленькая мышка, которой ты подарил жизнь. Я пришла, чтобы сегодня отплатить тебе тем же. Попался ты человеку в руки, но я избавлю тебя от гибели. Нужно быть благодарным тем, кто оказал тебе благодеяние.

И вот мышь принялась грызть путы льва. Она перегрызла все сухие ремни и все ремни сыромятные, которыми он был связан, и освободила его от пут. Потом мышка спряталась в гриве льва, и он в тот же час отправился с ней в горы.

Подумай о маленькой мышке, самой слабой из всех жителей гор, и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах!

Сказки и повести древнего Египта. М., 1956, с. 149—150.

РЕЧЕНИЯ ИЗ ПАПИРУСОВ

Социальные афоризмы

Люди — скот бога. Он создал небо и землю по их желанию. Он обуздал жадность воды; он сделал воздух, чтобы жили носы их.

Кто друг царя, тот достоин почитания. Но не будет дано гроба тому, кто является врагом его величества: его труп будет выброшен в воду.

Сгибай толпу, разбей пыль ее.

Простолюдин (бедняк) всегда враг, а в особенности, когда он бывает воином.

Нет писца, который не кормится от вещей дома царя.

Писец никому не подчиняется, ему же подчиняются все.

Плохо тому, кто восстает против начальника. Ты живешь, пока он милостив.

Нравственные поучения

Люби людей, чтобы люди тебя любили.

Лучше делать добро, чем золото.

Не безмолвствуй, когда говорят плохое.

Друзья — это те сокровища, которые украшают человека.

Лучше четвертак, заработанный личным трудом, чем пять тысяч, нажитых нечестно.

Жалок тот, кто жаден из-за своего чрева, кто проводит время в невежестве: брюхо хозяйствует в его доме.

Если умный человек не обучен, то его разум бесполезен.

Пиши целый день пальцами твоими и читай ночью.

Из книги Н. П. Гуля «Дидактическая афористика Древнего Египта», Л., 1941.

В ГРОБНИЦЕ ФАРАОНА

Кончается первая лестница — небольшая площадка, и снова ступени вниз, вниз... Сюда дневной свет уже не достигает, и только слабое пламя светильников озаряет лестницу и стены.

После второй лестницы — ровный коридор и третья лестница. И всюду на стенах росписи, росписи...

И вот наконец и зал, в котором после смерти фараона будет поставлен огромный каменный гроб с его телом. Вернее, несколько гробов, вставленных один в другой для большей сохранности мумии умершего владыки Египта. Кари слышал, что обычно мумию фараона укладывают в гроб из чистого золота, украшенный самоцветами, затем этот гроб вставляют последовательно в два деревянных, обитых листовым золотом и тоже украшенных вставками из самоцветов и ярких стеклянных паст, а потом опускают в каменный гроб с тяжелой массивной крышкой. Кругом расставляют драгоценные светильники, статуи божеств, а кладовые наполняют красивыми ларцами с тонкими одеждами, ценным оружием, ожерельями, браслетами, перстнями. Даже игры положат сюда, даже едой и питьем снабдят царя, для того чтобы обеспечить ему счастливую жизнь в загробном мире. Огромные богатства, прекрасные вещи будут навеки замурованы в этом зале,

вырубленном тяжелым трудом каменотесов, украшенном руками талантливых скульпторов и живописцев.

Отделка погребального зала еще не закончена. Готов только потолок и одна стена.

Потолок должен изображать ночное небо — он поэтому и окрашен в сивий цвет, на котором хорошо выделяются большие золотые звезды. На стене большая фигура сидящего на троне царя загробного мира, бога Осириса, перед которым стоит фараон.

Маттье М. Кари, ученик художника. М., 1963, с. 53—55.

РОСПИСЬ СТЕН ДВОРЦА И ХРАМА

Казначей Благого Бога попросил Нехбеса расписать стены своего нового дворца. Он щедро заплатил за работу, но и рисунки сделал Нехбес чудесные. Он изобразил на них множество событий: как несут награбленное в походах серебро и золото из Сирии и Нубии; как владелец дворца охотится в своем имении; как он рыбачит на озерце, а рядом с ним сидят его жена и красавицы дочки.

Я помогал Нехбесу рисовать небольших зверей и коней, потому что кони у меня выходили удачно...

...Когда во дворце казначея осталась нерасписанной только одна стена, Нехбес со мною и еще пятью слугами поехали на золотые рудники. Три дня туда несут воду в кожаных мешках и везут на ослах пищу для людей и топливо для выплавки золота. Люди там гибнут, как мухи, там полно змей и скорпионов.

Возвратившись, Нехбес нарисовал отряд солдат, который идет через пустыню. Невольники несут продукты и воду, за ними следуют осла с топливом, и снова солдаты, которые сопровождают этот караван. Из-под травяной кисти Нехбеса появлялись рабы-азиаты и надсмотрщики-негры. Шахты с людьми он нарисовал так, словно кто-то разрезал ножом скалу.

Изображенной так пустыни не видел еще никто. Даже жрецы из храма Амона приходили любоваться его работой. Казначей Благого Бога был очень доволен и подарил Нехбесу хорошие краски, масло, а также много золота.

Когда Нехбес завершил роспись дворца, жрецы попросили его украсить храмовый зал.

Нужно было нарисовать, как строят корабли и священную ладью бога Амона.

Я выполнил вместе с Нехбесом то, что не позволялось никому из чужеземцев. Втайне от всех он дал мне папирус и наилучшие краски. На этом папирусе я нарисовал, как мы рубили сосны, как доставляли их к морю. Мои руки и сердце воссоздали киликийцев и финикийян, начальников охраны и капитана. И хотя меня не до-

пускали рисовать в храмы, однажды я все-таки посмотрел на работу Нехбеса. Я увидел, что он совсем не изменил мои рисунки, только увеличил их во много раз¹.

Логвин Ю. Далеким шляхом (на укр. яз.).
Киев, 1969, с. 65—68.

ХРАМ «ДОМ СЕТИ»

Дом Сети занимал первое место среди святынь некрополя. Поэтому Рамсес I приступил к его восстановлению вскоре после того, как ему удалось силой завладеть египетским тронном, а его сын — великий Сети — завершил эти работы. Храм был посвящен культу душ усопших фараонов новой династии и служил местом торжественных празднеств в честь богов подземного царства. На украшение храма, содержание жрецов и научных заведений расходовались каждый год огромные суммы. Эти научные заведения не должны были уступать древнейшим очагам мудрости жрецов в Гелиополе и Мемфисе, более того, они были устроены по их образу и призваны возвысить Фивы — эту новую столицу фараонов в Верхнем Египте — над главными учебными центрами Нижнего Египта.

Среди научных заведений Дома Сети особой славой пользовались школы, и прежде всего высшая школа, где жрецы, врачи, судьи, математики, астрономы, филологи и другие ученые не только могли приобрести знания, но, достигнув высшей образовательной ступени и получив звание писца, находили постоянное пристанище. Живя здесь на всем готовом за счет фараона, избавленные от житейских забот, постоянно общаясь с другими учеными, они имели возможность целиком отдаться научным исследованиям и наблюдениям.

К услугам ученых была богатая библиотека, где хранились тысячи рукописных свитков, а рядом находилась мастерская по изготовлению папируса. Некоторым из ученых было вверено воспитание младших школьников, учившихся в начальных школах, которые тоже находились в ведении Дома Сети. Доступ в эти школы был открыт сыновьям всех свободных граждан. Здесь жили сотни учеников. Правда, родители должны были либо платить за их содержание, либо присылать в школу еду для своих детей.

В отдельном доме помещался пансион храма, где жрецы за большие деньги воспитывали сыновей из самых знатных семейств. Сам Сети I, основавший этот пансион, отдал сюда на воспитание своих сыновей и даже наследника — Рамсеса II...

Юноши, пожелавшие перейти из начальной школы в высшую, должны были сдавать специальный экзамен. Выдержав такой экзамен, юноша имел право выбрать себе наставника из числа из-

¹ Перевод с украинского языка на русский сделан составителями хрестоматии.

вестных ученых, который руководил его научными занятиями и которому он был предан до конца своей жизни. Сдав второй экзамен, он получал степень «писца» и право занять общественную должность.

Наряду с этими школами для будущих ученых существовали также заведения, где учились юноши, пожелавшие посвятить себя архитектуре, ваиянию и живописи. И здесь каждый ученик тоже выбирал себе наставника.

Все учителя принадлежали к касте жрецов храма Сети, насчитывавшей свыше 800 членов и разделенной на пять классов во главе с тремя так называемыми пророками.

Первым пророком был верховный жрец храма Сети, одновременно являвшийся главой нескольких тысяч низших и высших служителей божества, населявших Город Мертвых в Фивах.

Главное здание храма Сети было сложено из массивных известняковых плит. Длинная аллея сфинксов тянулась от самого берега Нила до окружавшей храм стены и заканчивалась первым широким пилоном, который служил входом в большой двор, окаймленный с обеих сторон колоннадой, а дальше виднелись вторые ворота. Пройдя через эти ворота между двумя башнями в форме усеченных пирамид, можно было попасть во внутренний двор, несколько напоминавший первый, окруженный стройной колоннадой, которая была уже частью главного здания храма.

В этот поздний час храм был лишь слабо освещен несколькими фонарями.

Позади храма виднелись высокие постройки из простого нильского кирпича. Но, несмотря на этот дешевый строительный материал, вид у них был очень красивый и нарядный, так как стены были покрыты слоем штукатурки и расписаны яркими узорами вперемежку с иероглифическими надписями.

Внутреннее устройство у всех домов было одинаковое. Посередине каждого дома помещался открытый двор, куда выходили двери комнат жрецов и ученых; по обеим сторонам двора тянулись крытые деревянные галереи, а в центре был бассейн, украшенный декоративными растениями. Комнаты учеников помещались наверху, занятия же обычно проводились прямо в мощеных дворах, застланных циновками.

Эберс Г. Уарда, с. 24—26.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

На правом берегу реки, в пределах столицы Нут-Амон, или просто Нут — «города», как звали ее жители Айгюптоса, раскинулся великолепный сад с правильными рядами высоких пальм, в обоих концах которого громоздилось несколько храмов. Эти сооружения соединялись длинными аллеями из статуй странных животных с берегами реки и священным озером перед храмом... богини Мут.

Звери с львиными телами, высеченные из гранита, высотой в три человеческих роста, с бараньими или человеческими головами производили угнетающее впечатление. Неподвижно застывшие, загадочные, они лежали на своих пьедесталах, теснясь один к другому, и головы их нависали над проходившими, окаймляя широкую аллею, залитую ослепительным солнцем.

Огромные иглы обелисков по пятьдесят локтей высоты, одетые листами ярко-желтого азема — сплава золота и серебра, горели, как раскаленные, пронизывая жесткую темную листву пальм. Каменные плиты, которыми были вымощены аллеи, покрытые серебром, днем слепили изумленные глаза, а ночью при свете звезд и луны казались струями неземной светящейся реки.

Исполинские пилоны, громадные плоскости тяжелых стен, слегка расходящиеся к основанию и имеющие форму трапеций, заграждали вход в храм, возвышаясь на пятьдесят локтей над аллеями сфинксов. Стены пилонов были покрыты огромными скульптурными изображениями богов и фараонов, исчерчены таинственными письменами Та-Кем. Чудовищные двери, обитые бронзовыми листами со сверкающими изображениями из азема, запирали высокие проходы пилонов; их литые бронзовые петли весом в несколько быков поражали своей массивностью.

Внутри храма теснились толстые колонны высотой до пятидесяти локтей, заполняя пространство вверху тяжелыми барельефами. Громадные куски камня в стенах, перекрытиях и колоннах были шлифованы, пригнаны друг к другу с непостижимой точностью.

Рисунки и барельефы, расписанные яркими красками, пестрили стены, колонны и карнизы, повторяясь несколькими ярусами. Солнечные диски, коршуны, звероголовые боги мрачно смотрели из таинственного полумрака, сгущавшегося в глубине храма.

Снаружи сверкали такие же яркие краски, золото и серебро, высились чудовищно тяжелые строения и скульптуры, оглушая, ослепляя и подавляя.

...Повсюду статуи из розового и черного гранита, красного песчаника и желтого известняка — обожествленных владык Та-Кем, сидящих в нечеловечески спокойных и надменных позах. Иногда это были колоссы из целой скалы по сорок локтей высоты, высеченные угловато и грубо, или страшные по своей мрачности, раскрашенные, тщательно отделанные скульптуры, намного превосходящие человеческий рост <...>

Непомерная величина сооружений, колоссальное количество затраченного труда и материала уже сразу подавляли человека. Много раз повторившееся нагромождение одинаковых, однообразных форм создавало впечатление бесконечной протяженности. Одинаковые сфинксы, одинаковые колонны, стены, пилоны — все это с искусно отобранными скупыми деталями, прямоугольное, неподвижное. В темных проходах храмов исполинские однообразные

статуи возвышались по обе стороны коридоров, злоеющие и угрюмые.

Повелевавшие искусством владыки Айгюптоса боялись пространства: отделяясь от природы, они загромождали внутренности храмов каменными массами колонн, толстых стен, каменных балок, иной раз занимавшими больше места, чем пролеты между ними. В глубину храма ряды колонн еще более уплотнялись, залы, недостаточно освещенные, погружались постепенно в полную тьму. Из-за множества узких дверей храм становился таинственно недоступным, а темнота помещений еще более усиливала страх перед богами...

Мастера Та-Кем возвеличивали своих богов и владык, стремясь выразить их силу в колоссальных статуях фараона, в симметричной неподвижности массивных тел.

На стенах сами фараоны изображались в виде больших фигур. У их ног копошились карлики — все остальные люди Черной Земли. Так цари Айгюптоса пользовались любым поводом, чтобы подчеркнуть свое величие. Царям казалось, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, что так возрастает их влияние.

Ефремов И. Е. На краю Ойкумены,
с. 201—202, 204—205.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ
В ДРЕВНОСТИ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВ В МЕЖДУРЕЧЬЕ

По сравнению с Древним Египтом история рабовладельческих стран Передней Азии в художественной литературе представлена слабо. Она отражена лишь в нескольких произведениях.

Изложение материала на уроке обогатит детализированное описание природы Южного Междуречья из повести «След огненной жизни» писательницы Л. Воронковой, которую заинтересовали страницы истории, связанные с личностью персидского царя Кира. При нем все Междуречье вошло в состав огромной Персидской державы.

Говоря о том, как рабовладельцы Южного Междуречья заставляли работать на себя бедняков крестьян и ремесленников; представлявших большинство населения, учителю следует использовать выразительные шумерские пословицы.

Наконец, при подготовке к уроку преподаватель с большой пользой для себя и учащихся может обратиться к содержанию древнеавилонских мифов о сотворении мира и всемирном потопе. Прозаический пересказ мифа о сотворении мира взят для хрестоматии из книги Д. Г. Редера «Мифы и легенды древнего Двуречья».

Древние легенды, в которых отразились представления жителей Междуречья о вселенной и грозных стихиях природы, представляют интерес еще и в том отношении, что они легли в основу более поздних библейских сказаний. Анализ древнеавилонских мифов открывает большие возможности для антирелигиозной работы с учащимися.

ПРИРОДА МЕЖДУРЕЧЬЯ

Уходя от Армении, горный хребет Тавр поднимается все выше и выше. Здесь, в горной стране, возникают могучие реки Тигр и Евфрат. То сближаясь, то отходя друг от друга, мчат они свои глубокие бурные воды через всю равнину Месопотамии до самого Персидского залива.

Горный хребет с вершиной Загрос стоит над обширной равниной Междуречья, отделяя Мидию от Вавилона. Равнина эта жаркая, сухая. Дождей почти нет. Солнце палит свирепо и неотврати-

мо. И если бы не эти две реки — Тигр и Евфрат, широко несущие свои воды, — если бы не эти реки, спасающие равнину разливами и плодородным илом, здесь была бы пустыня, гибель и смерть...

Реки разливались широко, удобряя поля. Вода поднималась на двадцать локтей до уровня высоких берегов и на двадцать локтей сверх берегов. Каналы, которыми была изрезана равнина, наполнялись водой и потом долго светились ярко-синими борами на красной земле. Землю засевали, не давая ей высохнуть. Особой обработки эта земля не требовала, а урожай давала богатый. Древнегреческий географ и историк Страбон рассказывает, что рис там «стоял в воде до четырех локтей высоты с множеством колосьев и зерен».

Сейли пшеницу, ячмень, босмор — хлебный злак, помельче пшеницы, которым вавилоняне очень дорожили. После обмолота они поджаривали зерно, а прежде давали клевту, что не вынесут с тока неподжаренного зерна, — они не хотели вывозить семена босмора в другие страны.

Во время разлива воду накапливали в больших цистернах, специально для этого устроенных. А потом, когда наступала засуха, спускали ее на поля.

Урожай были такие обильные, такие богатые, что хватало зерна и людям, и скоту, и на продажу, и на обмен. Хлеб меняли на металлы, на камень, на дерево, потому что ни металлов, ни камня, ни дерева в Междуречье не было.

В Вавилонии разводили скот — овец, ослов, коров. Стада их бродили по склонам гор, по болотам и низинам, где земля не засеивалась. Пастушья посылка давали стране молоко, масло, творог. Искусные мастера-кожевники выделяли кожи.

По берегам рек селились рыбаки. Улов рыбы был обильным. Рыбу сушили, перемалывали в муку, кормили ею скот, продавали...

Высокий густой тростник, щедро растущий по берегам рек, был незаменим в жизни народа, жившего в Вавилонии. Тростник был и топливом, и подстилкой скоту. Из тростника плели корзины. Делали горшки для варки пиши — плели из тростника и покрывали глиной. Тростником, мелко нарубленным, кормили скот. Даже дома строили из тростниковых вязанок, складывали стены и обмазывали глиной для крепости. Покрывали дома тоже тростником. Или просто строили из тростника шалаши.

Воронкова Л. След огненной жизни.
Мессенские войны. М., 1969, с. 103—104.

ШУМЕРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Бедняку легче умереть, чем жить.
Если у него есть хлеб, то нет соли,
Если у него есть соль, то нет хлеба.
Если есть мясо, то нет ягненка,
Если есть ягненок, то нет мяса.

Бедняк занимает — себе беду наживает.

Только тот настоящий писец,
Чья рука не отстает от уст.

См.: «Неделя», 1965, № 31, с. 10.

ДРЕВНЕБАВИЛОНСКАЯ ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Приняв верховную власть из рук богов, Мардук не стал медлить. Он вооружился мечом и копьем, привесил к поясу лук и колчан, взял в руки огромную сеть и вскочил в колесницу, запряженную четырьмя конями, зубы которых были напоены ядом.

Восемь ветров, дующих в разные стороны, послушно окружили его, и каждое его движение рождало молнии. Увидел его Кингу и устремился, и разбежались в разные стороны чудовища, созданные Тиамат. Но сама Тиамат не испугалась. Яростной бранью встретила она Мардука. Из уст ее вырвались проклятья, и от дикой ненависти тряслись ее недра.

Не смутился смелый Мардук. Он поднял руку и накинуд на Тиамат свою хитросплетенную сеть. Тиамат раскрыла пасть, думая проглотить его вместе с колесницей. Но Мардук ловко отпрянул назад и вогнал в ее глотку восемь ветров, которые в одно мгновение заполнили ее чрево. В ее внутренностях бушевала буря, раздирая на части ее сердце и печень. Она задыхалась и не могла вымолвить ни слова.

Мардук пронзил ее копьем и наступил ногой на ее безжизненное тело. Он вырезал мечом ее сердце, а огромное туловище разрубил пополам, как плоскую рыбу. Одной половиной тела он перекрыв верхние воды и отделил их от нижних вод. Создав сплошную стену, отделяющую небесный мир, он проделал в ней ворота, устроил запоры и поставил стражей, запретив им без своего разрешения выпускать дождевые воды, снег и град на землю...

Из другой половины тела Тиамат создал Мардук землю, имеющую вид полукруглой чаши, и опрокинул ее в нижние воды, заполнявшие царство премудрого Эа. По воле этого бога из недр земли били ключи, а соленая влага, омывавшая земное полушарие, прорывалась местами вперед и образовывала заливы и лагуны. Между небесным сводом и поверхностью земли в бесконечном пространстве, освобожденном от первобытных вод, бушевали по воле Мардука могучие ветры, те самые, что помогли ему разделить на две части тело Тиамат. Небесный свод украсил Мардук двенадцатью великими созвездиями...

...Поверхность земли была сперва пустой и хаотичной. И повелел Мардук прорасти травам на лугах, и насадил он леса по склонам гор и тростники в болотах и лагунах. И населил Мардук горы и долины разными зверями, а праотец Ану пустил с неба пернатых,

и они стали вить гнезда на ветвях деревьев и в расщелинах скал; премудрый же Эа направил по морским волнам и по течению бесчисленных рыб.

Земля оживилась и наполнилась радостным шумом, но Мардуку этого казалось мало. Он задумал великое дело, — захотел он создать существа, напоминающие богов своим обликом и своим разумом. Он зарезал свирепого Кингу, супруга побежденной Тиамат, смешал его кровь с глиной и вылепил первых людей.

Редер Д. Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. М., 1965, с. 36—38.

2. ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА МЕЖДУРЕЧЬЯ И ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

По этой теме учитель располагает двумя художественными произведениями: детской повестью советского историка Р. И. Рубинштейн «Глиняный конверт» и романом словацкой писательницы Маргиты Фигули «Вавилон».

В повести «Глиняный конверт» раскрывается классовая сущность законов Хаммурапи, жестокость захватнических войн, даются яркие картины бедственного состояния крестьян и городской бедноты. Читатель знакомится с городом Вавилоном, его дворцами и храмами, бытом и культурными достижениями вавилонян.

В двухтомном романе М. Фигули перед нами Вавилон накануне его завоевания персами. Это государство, раздираемое внутренними социальными противоречиями, борьбой между могущественным жречеством и последними царями. М. Фигули написала исторический, хотя и не строго документальный роман, основываясь на библейской версии крушения Вавилона как примере справедливого возмездия, постигшего утопающий в роскоши и вознесшийся в гордыне развращенный город. В известной мере книге присущ характер развращенной притчи. Вместе с тем в ней реалистично показано положение различных слоев населения, их отношение к жестокой тирании и надвигающейся персидской опасности. Многие образы романа неоправданно идеализированы, в частности завоеватель Кир и его сподвижники.

Первый текст тематической подборки контрастно рисует вавилонское общество: кипучую хозяйственную жизнь страны и бесправие обнищавших тружеников, утренние часы делового народа и часы пробуждения изнеженной знати, соперничество между вавилонским царем и жречеством Эсагилы.

Текст «Во дворце царя Хаммурапи» содержит описание дворца и времяпрепровождения властителя, который выступает то со своими государственными заботами, то в чисто бытовом плане.

Третий текст желательно использовать в целях закрепления ранее изученного материала о долговом рабстве.

Закрывающий подборку фрагмент «Законы царя Хаммурапи» взят из необычно написанной оригинальной книги А. Свирина «Экспедиция к предкам». Ее герои, группа детей, ведут интересную игру. Они инопланетные гости, которые в сопровождении профессора Академикова совершают воображаемое путешествие в прошлое. Цель путешествия — знакомство с далекой историей человечества. Машина Времени переносит их сначала к неандертальцам, а затем в страны древнего мира — Египет, Вавилон, Индию, Грецию, Китай. Путешественники ведут записи, так называемые «научные тетради». В них в занимательной и популярной форме излагаются современные научные знания о древности. Таким образом, автор удачно соединяет художественное повествование с научно-популярным в одной книге. Многочисленные и разнообразные по манере исполнения иллюстрации хорошо отражают замысел автора.

ВАВИЛОН

За полями голубеет Евфрат и колышутся на волнах финикийские корабли с товарами для вавилонских купцов. За ними с севера на юг медленно плывут плоты кедрового дерева с Ливанских гор. Вдоль берегов трепещут сети рыбаков, и высокие пальмы самовлюбленно глядятся в зеркало вод.

На царской дороге появились караваны... идущие из далеких краев. Верблюды кричат и вытягивают длинные шеи в сторону реки. Проводники не позволяют им останавливаться, потому что до вечера надо успеть в столицу царства — Вавилон.

Все стремятся туда. словно все дороги идут в одном направлении и у всех людей — одна цель.

Нанаи провожает мечтательным взглядом первый, устало бредущий караван. О, ей бы шагать сейчас рядом с верблюдами вместо бронзоволицего араба, закутанного в пестрые одежды. Если бы она могла с этим караваном подойти к городским воротам и со стуком от волнения сердцем остановиться перед одним из торговых домов величайшего города мира!

Она перевела взгляд с удаляющихся караванщиков на другой берег Евфрата, где клубился дым от больших гончарных печей. Целые облака дыма поднимались над окрестностями. До нее доносился стук мельниц и маслобоен, отжимающих кунжутное масло. Мельницы и маслобойни встречались в Вавилонии часто, внушая уверенность, что в стране вдоволь хлеба и масла. Но не всякий, кто считал эту землю своей отчиной, разделял эту уверенность.

Возле царских гончарных мастерских, в деревнях и на пастбищах кишели сотни людей в рубище, с натруженными тяжелой работой руками. Почти все, на чем ни остановишь взгляд, принадлежало владельцам вавилонских дворцов. Им принадлежали и изможденные рабы, и даже их лохмотья, которые не защищали расстрескавшуюся кожу от палящего солнца <...>

Чем выше поднималось солнце, тем больше пешеходов появлялось на улицах. И наконец, наступал час, когда просыпались и избранные жители Вавилона. Откидывались тяжелые занавесы на дверях, впуская в роскошные покои потоки утренней прохлады. В струях проникшего света сверкали стены просторных залов, выложенные плитами из мрамора и алебаstra, металла и дерева, где почивали и благоденствовали их ненасытные, вечно алчущие обитатели...

Над всеми зданиями Вавилона возвышался Храмовый Город, который назывался Эсагилой. Эта часть Вавилона была отделена от прочих кварталов толстой стеной. Среди храмов выделялась Этеменанки, легендарная семиэтажная башня, в которой пребывал божественный Мардук, покровитель столицы мира, названный «Бабилу», то есть «Воротами божьими», потому что именно здесь, у священного Евфрата, боги спускались на землю.

Эсагила расположилась на самом высоком холме Вавилона, уже этим одним словно желая подчеркнуть, что именно она властвует не только над столицей державы, но и над всей Вавилонией, что перед ней должен склониться даже царь, которому по закону принадлежит первое место после богов. Верховный жрец бессмертного Мардука каждый раз во время новогодних празднеств публично провозглашает царя Вавилона священным наместником богов на земле. Но тот же самый верховный жрец люто несправедлив своего повелителя и ведет с ним тайную борьбу не на жизнь, а на смерть.

Фигули М. Вавилон. кн. 1. М., 1968, с. 57—58, 68—69.

ВО ДВОРЦЕ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

В правой части дворца, вокруг открытого дворика, расположены были жилые комнаты повелителя и его семьи. В тени, падающей от высоких стен двухэтажного дома, стояли удобные скамейки: царь любил сидеть на них рано утром и обдумывать все, что предстояло ему сделать днем.

Пока здесь властвовала полная тишина, никто не выходил из царских покоев. Только слуги и рабы уже давно поднялись, и во втором дворе, куда можно было проникнуть через узкий коридор, пылал очаг, в котле кипела вода и был приготовлен большой вертел, на нем поджаривали барашка, которого слуга закалывал тут же. Две рабыни, обливаясь потом, растирали зерна между двумя плоскими камнями. Для царского стола присылалась отборная пшеница, из которой получалась мелкая душистая мука. Уже раскалена была глиняная печь, на стенках которой пеклись румяные лепешки.

Все знали, что господин не любит долго спать и с раннего утра, пока прохладно, принимается за работу. До полудня все дела должны быть окончены; необходимо разобрать жалобы, познакомить-

ся с донесениями, ответить на письма, послать приказы наместникам в другие города. Надо освободить время после дневного отдыха, чтобы спокойно принимать посетителей. Много их приходит во дворец: кто жалуется на несправедливость чиновников, кто на неправильный суд, кто просит помощи или защиты. Во всем надо разобратся...

А когда прибывают чужеземные послы, их принимают в большом зале. Там полы устланы коврами, на стенах узорчатые циновки. В глубине зала на троне восседает сам владыка, за ним стоят рабы и обмахивают его веерами. Вдоль стен тянутся длинные глиняные скамейки, покрытые тканями. Когда Хаммурапи находится в зале, никто не сидит на этих скамьях. И приезжие гости и знатные придворные должны стоять в его присутствии. Но если великий господин устраивает званый обед, то гостей вводят в другую комнату. Там расставлена парадная мебель — легкие плетеные кресла из тростника, скамьи с подлокотниками, на которые так удобно опираться, столы с резными ножками. Слуги обносят гостей сикерой, вкусными жирными блюдами, сладостями...

...Солнце взошло. Хаммурапи вышел из своей опочивальни на галерею, которая шла вокруг всего двора на высоте второго этажа. Он только что встал, искупался в ванне. Придворный цирюльник чисто выбрил ему усы, расчесал пышную бороду и курчавые волосы. Гардеробщик уже стоял, дожидаясь своей очереди. Он надел на великого господина тонкую открытую рубашку с короткими рукавами, ловко обернул стан в длинный прямой кусок ткани, затканый пестрым узором; правое плечо осталось открытым, с левого спускалась на руку пушистая бахрома. Наконец Хаммурапи подали круглую шапку, без которой он никогда не выходил из дому, — она защищала ему голову от палящего солнца, и туалет был закончен. «Царь четырех стран света» медленно спустился по узкой лестнице во дворик. До начала занятий осталось около часа. Можно посидеть на скамейке во дворе. Хорошо в тишине утра обдумать все, что предстоит сделать за день...

Писцы постепенно собирались. Из открытой двери в канцелярию доносились голоса. Хаммурапи поднялся со скамейки и вошел в комнату. Сразу наступила тишина. Авиль-Нинурта, царский секретарь, разложил на столике глиняные таблички. Тут были письма, донесения, жалобы — Авиль-Нинурта все разложил по порядку.

Рубинштейн Р. И. Глиняный конверт.
М., 1969, с. 9—11.

ПРОДАЖА СЫНА В РАБСТВО

Поздно вечером вернулась Синнури из города ни с чем. Белидинам отказался дать ячмень.

— У меня в закромах осталось мало зерна. Все теперь просят хлеба, а за вами и так большой долг. Как будешь отдавать? Муж болен, кто в поле работает, кто соберет урожай?

— А сын Залилум! Он крепкий мальчик, ему уже одиннадцатый год. Мы с ним вместе уберем хлеб и вернем тебе долг! — упрашивала купца бедная женщина.

— Говоришь, сын у тебя крепкий мальчик и умеет работать? Мне как раз нужен такой мальчик в доме. Давай так порешим: я дам тебе одиннадцать сиклей серебра, ты заплатишь из них старый долг и купишь ячмень, кукурузное масло, сушеную рыбу, и еще деньги останутся. А за это ты отдай мне мальчишку.

— Как — отдай?

— Ну, продай!

— Продать сына за одиннадцать сиклей? Как же это можно, господин? — Бедная женщина еле сдерживала рыдания.

— Как знаешь! Мои слуги не плохо живут. Всегда сыт будет, а работа не очень трудная. А когда Убар-Шамаш поправится, отработает одиннадцать сиклей, я верну вам сына.

— Как же так — продать родного сына в рабство?! — не переставала ахать Синнури.

— Ну вот что, мне тут с тобой некогда возиться. Иди домой, поговори с мужем, посоветуйтесь. Но помни: не отдашь сына, ничего тебе в долг не дам. Только смотри, — прибавил купец, — поскорее решай. Если долго будешь думать, я другого мальчишку куплю, тогда твой мне не понадобится.

Горько плакала Синнури, передавая мужу разговор с Белидинамом. Что делать? Неужели придется продать сына, отдать Залилума в чужой дом?

— Для бедняка лучше умереть, чем жить, — вздохнул Убар-Шамаш. — Если у него есть хлеб, у него нет соли; если у него есть соль, у него нет хлеба!

— А у нас с тобой ни хлеба, ни соли! — вздохнула Синнури. — В плохой день родился наш мальчик, если нам приходится его продавать.

Так ничего другого не придумали родители...

— А, надумала! — встретил их купец. — Ну, давай составим табличку о продаже мальчика.

Белидинам позвал писца. Тот достал приготовленную из влажной глины табличку и написал, что Синнури продала Белидинаму своего сына Залилума за одиннадцать сиклей серебра. Вызвали девять свидетелей, записали их имена на табличке, и Залилум стал собственностью купца. И только теперь понял мальчик, что он не просто отдан в услужение, а продан, что он принадлежит хозяину, он — раб. С громким плачем кинулся он на грудь матери.

— Забери меня, уйдем! Я не хочу тут жить!

— Ничего, потерпи, сынок, — утешала его мать. — Отец поправится, мы тогда выкупим тебя, ты опять вернешься домой, — говорила она и сама не верила своим словам.

Разве смогут бедные люди скопить столько денег?

Там же, с. 30—33.

ЗАКОНЫ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

На возвышении, посреди помоста, стоит глашатай. Голова его была увенчана высокой острокопечной шапкой. Сложив рупором ладони у рта, он обращался к толпе:

— Слушайте все!.. Слушайте!.. Доблестный и славный воин по имени Гишкугарри, сын Мутум-эля, объявляет! Сбежал законно добытый им в жестоком бою, принадлежавший ему по праву мальчишка-раб, остроумно названный им Кривоногий Кузнечик, ибо мальчишка воистину колченог, причем левая его — кривая нога примерно на четверть локтя короче правой. Коричневый лоскут на бедрах — его одежда. Тело скрючено, на лице струнья, а речь невнятна!..

И, как повелел великий царь Хаммурапи, чьи слова превосходны, чьи слова бесподобны, чья мощь не имеет равных, — пастырь, названный Энлилем, действующий по внушению царя богов — Мардука, буйный телец, забодавший врагов, озаривший светом страну Шумера и Аккада, владыка небес и земли, приведший ко повновению четыре стороны света, возвеличивший имя Вавилона, наконивший богатство и изобилие... Да воссияет справедливость его, дабы погубить незаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого, дабы защищать вдов и сирот...

Отныне, как сказано в той части законов Хаммурапи, которая касается беглых рабов: «Если человек поможет бежать рабу, который принадлежит другому человеку, этого человека должно убить».

«Если человек укроет в своем доме беглого раба и не выведет его на клич глашатая, этого человека должно убить».

«Если человек поймает в степи беглого раба и присвоит его себе и потом раб будет найден в его руках, этого человека должно убить».

«Если цирюльник снимет с раба клеймо хозяина, этому цирюльнику должно отрезать пальцы»...

Сакри А. Экспедиция к предкам. М., 1970, с. 51—52.

3. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

На этом уроке учащиеся знакомятся с двумя новыми для них странами Передней Азии — Финикией и Персией. О финикийских мореплавателях рассказывается в детской повести В. Яна «Финикийский корабль». Советский писатель Ян (В. Г. Янчевецкий) — автор целого ряда исторических произведений, известность которых вышла далеко за пределы нашей страны. Книга «Финикийский корабль» написана сорок лет назад, в ту пору, когда археологи сделали ряд открытий, проливших свет на историю развития финикийской культуры. Но авторский вымысел в повести не всту-

пает в противоречие с научной основой и сегодня. Центральное место в ней занимают приключения мальчика Элисара, который отправляется на поиски отца, попавшего в рабство. Покровителем и наставником Элисара становится странствующий мудрец, мечтающий найти страну справедливости, страну, в которой «не угнетают слабых». Старец и мальчик плывут на финикийском торговом корабле, и перед ними открывается во всей полноте жизнь многих стран Средиземноморья. Текст «Вдоль финикийского берега» показывает высокое мастерство древних кормчих, которые умело преодолевали рифы и другие препятствия в плавании, а также рисует картину обыденной жизни на корабле.

Образование и возвышение Персидского государства, распространившего в VI в. до н. э. власть на всю территорию Передней Азии, связано с именем царя Кира. Как уже отмечалось, жизни и завоеваниям Кира посвящена повесть Л. Воронковой. В предисловии к книге Л. Воронкова пишет: «След огненной жизни» — так назвала я повесть о царе Кире. Историки по-разному рассказывают о нем. Я придерживаюсь повествования Геродота». Рекомендую книгу учащимся, учитель должен им сказать, что еще в древности Кир стал героем многих легенд и что в геродотовской версии его жизни есть немало легендарных элементов. В хрестоматии приводится текст «Кир в Вавилоне». Захват Вавилона Киrom знаменовал собою превращение Персии в крупнейшую державу древнего мира. В тексте хорошо проведена мысль о том, что Кир в поисках опоры в завоевываемых странах вступал в союз с местным жречеством. Поэтому в Персидской державе сосуществовали различные религиозные культы. Содержание отрывка также расширяет и закрепляет представления учащихся о городе Вавилоне.

ВДОЛЬ ФИНИКИЙСКОГО БЕРЕГА

Наш корабль был хорошо построен: он быстро шел, обгоняя другие крутобокие корабли, легко слушался рулевых весел, плавно поворачиваясь туда, куда нужно было кормчему.

Мы плыли на юг вдоль берега. Останавливались около большого селения Сарепта. Затем миновали богатый город Тир.

— Стены его выше и крепче сидонских, — сказал Бен-Кадех. — В его гавани тоже есть узкий вход, который на ночь загораживается крепкими цепями...

Корабль сделал три остановки: южнее Белого мыса, близ городка Дора и около устья реки Фалик. В небольших гаванях было тихо, и корабль не качало. Путники перебирались на берег, разводили костры и варили еду. Некоторым гребцам тоже разрешали сходить на берег. Они варили в большом котле куски акулы с луком и чесноком и потом относили еду гребцам, которые оставались на корабле. Прикованные к скамьям стучали веслами и требовали,

чтобы их также отпустили на берег. Надсмотрщик издали бранил их и щелкал плетью.

Все корабельщики на ночь вооружались копьями и прицепляли к поясам широкие мечи. Опасались они нападения или бегства гребцов — не знаю, но неподвижные фигуры часовых стояли на страже: один на площадке кормчего, а другой — на носу корабля.

Каждую ночь Софэр привязывал к своей руке конец моего шерстяного пояса. Но раза два, пока Софэр спал, я отвязывал пояс и бегал на берег послушать рассказы путников о приключениях в далеких странах.

Корабль подходил к Яфо. Последние клочья утреннего тумана убегали вдаль и таяли в лучах солнца. Большие валы катились по морю и расшибались в белую пену, ударяясь о темную гряду скалистых рифов.

Как же проскочить через эти рифы, где вода бурлит и пенится, готовая все разбить в щепки?

А за рифами виднелся Яфо — маленький городок, окруженный зубчатой стеной. Его домики, белые и желтые, как будто взгромождались один на другой на склоне желтого каменного холма.

Позади рифов, у самого берега, покачивалось несколько кораблей. Множество бревен лежало на песчаных отмелях, и люди по пояс в воде перетаскивали их на берег...

Узкие лодки с высоко поднятым носом и кормой окружили наш корабль и заплесали над прозрачной бездной моря. Загорелые полуголые лодочники кричали путникам, предлагая свезти их на берег.

Управляющий кораблем, пошатываясь и скривив заспанное лицо, вышел на палубу, одетый в нарядную малиновую одежду с золотой бахромой и украшенный дорогими перстнями и золотыми браслетами на пухлых руках. Он с озабоченным видом приказывал кормчему:

— Подъезжай к самому берегу! Веди корабль осторожно через рифы...

Бен-Кадех грубо оборвал его:

— Ты мешаешь мне! Я сам знаю свое дело. Ведай грузами, а не командуй. Если ты будешь вмешиваться, корабль сядет на камни, как перевернутая черепаха.

Бен-Кадех стоял на площадке, уверенный и спокойный, и все гребцы глядели на него, ожидая движения его руки. Парус был опущен, весла вспенили воду, и корабль понесся на рифы. Когда мы к ним приблизились, могучий вал подхватил корабль и перебросил его через черные камни прямо в тихую бухту. Здесь корабль пристал к отмели, корабельщики прикрепили его канатами к скале и спустили лесенку. Первым сошел управляющий. Когда он ступил на твердую землю, ему подали чашу с вином. Он плеснул вина на землю и выпил остальное. Затем поднял руки кверху, благодаря бога Ваала за то, что он спас его от всех страшных опас-

ностей моря. Он позабыл только поблагодарить кормчего Бен-Кадеха, который построил такой хороший корабль и умел вести его по бурным волнам.

Ян В. Финикийский корабль. — В кн.: Ян В. Финикийский корабль. Спартак. М., 1964, с. 52—54.

КИР В ВАВИЛОНЕ

Кир, окруженный свитой, шел по красивым прямым улицам Вавилона. Все удивляло его. Двухэтажные и трехэтажные дома, теснившиеся по сторонам, — он еще никогда не видел таких домов; тяжелые медные ворота, пламенеющие под солнцем; ворота богини Иштар...

У этих ворот, куда привела его широкая, вымощенная плитами дорога процессий, Кир остановился. Нельзя было пройти мимо их величавой красоты. Ворота были двойные, внутренние в два раза больше наружных. Они светились глубокой лазурью, фантастические существа глядели с их стен на Кира — не то быки, не то носороги и еще кто-то таинственный, соединивший в себе и орла, и змею, и скорпиона «Сирруш»...

Кир увидел, что Вавилон полон храмов. Он захотел узнать, сколько их. Жрецы Вавилона тотчас сообщили ему, что храмов великих богов у них пятьдесят три, да пятьдесят святилищ царя богов Мардука, да триста святилищ земных божеств, да шестьсот святилищ небесных божеств, да сто восемьдесят алтарей Нергал и Адада и двенадцать других алтарей...

«Сколько понадобилось труда, чтобы построить эти храмы! — думал Кир: — Сколько жрецов занято служением богам, а ведь всех их надо кормить. Им всем нужен не только хлеб, но и золото нужно. Но не тронем жрецов. Они сильны. Они сильнее царя. Пусть берегут свои храмы и приносят жертвы своим богам».

Перед храмом божественного владыки Вавилона, владыки богов Бел-Мардука, как называли его жрецы, Кир остановился в изумлении. Этот храм был огромен. Кир пожелал войти — жрецы угодливо открыли украшенные бронзовыми пластинками двери. Прохлада, тишина, дымка ладана...

Здесь, среди мраморных с золотом и лазурным камнем стен, Кир увидел огромную, в шесть метров высотой, статую Бел-Мардука. Мардук сидел в длинном, осыпанном звездами одеянии. На голове его светилась золотая тиара. Отсвет покрытого чистым золотом потолка озарял Мардука, словно сияньем солнца. На шее стало драгоценное ожерелье.

— Почему у владыки богов такие огромные уши? — удивился Кир.

— Жрецы говорят, — ответил переводчик, — что ведь не мозг, а уши являютсяместилищем разума и духа!

Кир, не противореча, кивнул головой.

Вблизи храма Эсагила Кир увидел необыкновенно прекрасную

башню — зиккурат. А так как вавилонский народ особенно чтит этот храм, Кир поставил здесь свою охрану.

Зиккурат в Эсагиле неожиданно напомнил ему далекие Экбатаны. Башня была почти так же раскрашена, как дворец Дейока: нижняя ступень — черная, выше — белая, дальше — фиолетовая. Потом — синяя, красная, серебряная. И самая верхняя — золотая. Значит, Дейок знал об этих вавилонских зиккуратах!

Кир любовался городом: Вавилон правился ему. Правились эти прямые улицы, крепкие высокие жилища горожан, площади с неожиданной зеленью финиковых рощ, золотящиеся гроздьями сладких плодов... Он любовался богатыми дворцами, которые построил Навуходоносор.

Правились Киру и одежда вавилонян — льняная туника, спускающаяся до ног, сверху другая туника, шерстяная. И белый плащ, непринужденно накинутый на плечи... Может быть, такая одежда подошла бы и персам?

Волосы у вавилонян длинные, на голове они носят повязку. Такие волосы будут мешать в походах. Но обычай носить перстень с печатью и палку, украшенную то искусно сделанным яблоком, то розой, то орлом, — это, пожалуй, красиво...

— Этот город будет моей столицей, — решил Кир. — Столицей всего моего царства!

И с этого дня он стал так писать свой титул:

«Я, Кир, царь народов, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь четырех стран света».

Царство его теперь уже простиралось от Средней Азии до Средиземного моря.

Вороноква Л. След огненной жизни.
Мессенские войны, с. 114—118.

4. КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

К этому уроку рекомендуется текст, в котором учитель найдет сведения о том, как обучали мальчиков в вавилонской школе и как использовали глину в качестве материала для письма. «Сыновья школы» назывались ученики, из которых готовились писцы. Текст заимствован из книги Р. И. Рубинштейн «О чем рассказывают памятники древнего Востока». Книга предназначена для учителя истории. Очерки, составляющие ее, основаны на документах. Наряду с научно-популярным изложением автор в ряде случаев прибегает к художественным приемам.

«СЫНОВЬЯ ШКОЛЫ»

Уже солнце высоко поднялось на небе, и его яркие лучи сквозь проемы окон под потолком освещали небольшую комнату, где спал Убарсин. Сегодня его особенно

трудно было разбудить. Мать несколько раз подходила к нему, окликала его, тормошила. Но Убарсин только на секунду открывал глаза, поворачивался спиной к матери и снова засыпал. Наконец, мать потеряла терпение. Она сняла с сына одеяло из легкой полотняной ткани, больно встряхнула его за плечо и сердито прикрикнула:

— Вставай, ленивый мальчик! Ты слишком много спишь и опоздаешь в школу!

Убарсин вскочил и недоумевающе озираясь вокруг, протирая глаза и все еще не проснувшись. Наконец, слова матери дошли до его сознания, и он быстро начал собираться: наскоро ополоснув лицо теплой водой, вытер его куском ткани, служившим полотенцем. Потом сложил свои «книги» и «тетради» — глиняные таблички — и взял свою «каламу».

— Поешь, сынок! — ласково сказала мать, успевшая уже забыть, что она только что сердилась на мальчика, и протянула еще две тонкие лепешки.

— Уже поздно, — сказал на ходу Убарсин и, взяв лепешки, положил их вместе с табличками.

Убарсин вышел из комнаты и через узкую дверь в стене ограды выбежал на улицу. Время было позднее, и он знал, что ему не избежать наказания. Учитель строго следил за тем, чтобы ученики не опаздывали в школу. Убарсин стремительно пролетел по переулку, где стоял их дом, бегом промчался по узким, кривым улицам и выбежал на широкую дорогу, которая вела к дворцу. Там недалеко помещалась школа.

Убарсин подошел к высокой глинобитной стене, сверкавшей на солнце своей белизной. Внутри, во дворе, находилась школа. Оттуда доносился монотонный гуд. Ученики все разом громко читали нараспев.

Убарсин тихо вошел во двор и хотел незаметно проскользнуть в школьную комнату. Но это не удалось. «Старший брат»¹ больно ударил мальчика плеткой по спине и втолкнул его в комнату. Испуганный, с бьющимся сердцем, вошел Убарсин в класс и низко поклонился учителю. На глиняных скамейках по трое и по четверо сидели ученики — «сыновья школы». В глубине класса помещались старшие мальчики, уже почти прошедшие весь курс обучения и скоро заканчивающие школу. Только до обеда они проводили время на запятых, а потом шли в различные учреждения. Там опытные чиновники учили их работать в канцеляриях. По окончании школы мальчики станут писцами и будут самостоятельно выполнять свои обязанности.

Но Убарсину далеко до этого, много лет предстоит ему сидеть на школьной скамье. Опустив голову, он сел на свое место и шепотом спросил соседа:

— Что читают?

¹ Старший брат — помощник учителя

Жгучая боль в руке заставила его замолчать. На этот раз Убарсина ударил тростью сам учитель — «отец школы».

Убарсин еле сдерживал слезы. Как неудачно начался день. Нет, ему положительно не везло сегодня.

— Возьмите глину и сделайте таблички, — приказал «отец школы».

Мальчики взяли маленькие комочки глины, смочили их в воде, которая была в сосудах, стоявших около скамеек. Потом они скатали из нее небольшие шарики, прихлопнули их ладонью и получили плоские таблички не совсем правильной круглой формы.

— Возьмите каламу и приготовьтесь, —скомандовал учитель.

Наступила тишина. Мальчики быстро провели на табличке несколько тонких горизонтальных линий.

— Пишите, — и «отец школы» начал диктовать. Он произносил отдельные слоги, иногда целые слова, ученики оттискивали на глине своими каламу клинописные знаки. Один из «старших братьев» вместе с учителем ходил между скамеек и проверял, правильно ли написаны знаки, хороший ли почерк вырабатывается у ученика.

А в это время старшие отвечали по очереди заданный урок. Они рассказывали что-то интересное. Это был текст, написанный на очень старинной табличке:

«Школьник, куда ты ходишь с ранних лет твоего детства?

— Я хожу в школу.

— Что ты там делаешь в школе?

— Я отвечаю мою табличку, я завтракаю. Потом я готовлю новую табличку и пишу на ней. Я кончаю писать. Потом мне задают устный урок. А после обеда мне задают письменный урок.

— Что ты делаешь после занятий?

— Я иду домой. Я вхожу в комнату. Там уже сидит мой отец. Я показываю ему мои письменные упражнения, я рассказываю ему устные уроки. И мой отец очень доволен».

Убарсин заслушался.

— Счастливый ученик, — подумал он, — все у него хорошо. А я что ни делаю, все плохо.

ИНДИЯ И КИТАЙ
В ДРЕВНОСТИ

1. ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВ В ИНДИИ

Составители хрестоматии предлагают учителю использовать при изучении в V классе темы «Древняя Индия» отрывки из художественно-исторических произведений индийских авторов. Из книг современных индийских писателей, переведенных на русский язык, учитель может использовать романы Р. Рагхава «Гибель великого города» и Яшпала «Дивья» и «Амита».

Р. Рагхава, автор многих исторических очерков и романов, широко используя данные археологических раскопок и прибегая к смелым гипотезам, предпринял попытку воссоздать картины жизни индийского общества эпохи раннего рабовладения.

Гибель великого города Мохенджо-Даро автор объясняет социальными потрясениями: драматическая борьба угнетенного народа, в первую очередь рабов, против тирании аристократов разрушает могущественное в былом государство.

В романе Яшпала «Дивья» нет исторических лиц. Это романтическое произведение о девушке из брахманской семьи, которая отрывается от своей касты, претерпевает множество мучений, попадает в рабство, становится гетерой, преодолевает религиозные и социальные догмы. Обретая чувство человеческого достоинства, девушка начинает понимать необходимость активного протеста против традиционных канонов, стоящих на пути к человеческому счастью. Действие романа происходит в Мадре, одном из индийских государств середины II в. до н. э. Автор пытается воссоздать социальные условия и быт той эпохи. Социальным фоном, на котором разворачивается действие, служит борьба между военной аристократией и торгово-ремесленной массой горожан. Эта борьба находит свое выражение в столкновении брахманизма, освящавшего кастовое деление общества, с буддизмом. Работая над романом, писатель консультировался у индийских историков и совершал специальные поездки к сокровищницам индийского искусства — буддийским храмам и монастырям в Аджанте и Эллоре.

Текст «Вторжение ариев в Индию» из книги Р. Рагхава «Гибель великого города» рисует сражение между дравидскими ариями и захват пришельцами дравидского города.

Отрывок «Рабыня ищет спасение в смерти» из романа Яшпала «Дивья» показывает, что положение рабов в Индии было таким же тяжелым, как и в других рабовладельческих государствах древности. Сцена, изображающая попытку самоубийства рабыни, очень ярка и выразительна.

ВТОРЖЕНИЕ АРИЕВ В ИНДИЮ

Еще никогда Кикат не подвергался такому ужасному нападению... Никто из дравидов не понимал ни слова из наречия чужеземцев. Никто не видел раньше таких странных, длинноруких и высоколобых людей. Наверное, это было племя горных охотников.

При свете дня защитники крепости увидели, что чужеземцы немногочисленны. Слабость противника вернула мужество дравидам. Угрозы и ругательства зазвучали со стен, и сам правитель Киката радостно вскрикнул, увидев, как мало вражеских воинов. Заскрипели ворота. Чужеземцы подняли луки. Из крепости с боевым кличем бросилось на врага доблестное войско черных дравидов — лучших воинов правителя Киката.

Горные люди обратились в бегство. Казалось, они потеряли мужество. Как черный сокол, напав на утку, терзает ее на куски, так и войско дравидов накинuloсь на белокожих, избивая и рассеивая их. Но вдруг из-за укрытия вылетел отряд иноземцев верхом на лошадях. Всадники с победным кличем врзались в строй дравидов и расчленили его. Они набрасывались на отдельные группы дравидских воинов и уничтожали их. Чужеземцы уклонялись от единоборства, они лишены были чести и достоинства.

Но дравиды сражались с невиданным упорством. И хотя они давно забыли о кровавых битвах, потому что жили с соседями в мире и состязались с ними лишь в танцах, их оружие разило без промаха, сея смерть во вражеских рядах. Старейший жрец вышел из крепости вместе с войском и подбадривал воинов криками: «Хвала почитателям великого бога! Хвала, хвала!»

Дравидам удалось опять собраться в единый отряд. Ярость удваивала их силы. Слыша предсмертные крики своих собратьев, они становились крепче камня, мечи их со свистом резали воздух. Белокожие варвары едва сдерживали их натиск. Но вдруг на поле боя зазвучала боевая раковина. Ее тревожное пение привело к роковой ошибке. Дравиды решили, что правитель Киката убит, и, бросив оружие, отступили. Но в раковину дул один из белокожих всадников, прося о помощи. Лошади варваров выдохлись, с их морд падала пена.

С радостными криками ворвались в крепость пришельцы. Они разбили священный барабан дравидов, а правителя взяли в плен.

Рагхава Р. Гибель великого города. М., 1983, с. 167—170.

РАБЫНЯ ИЩЕТ СПАСЕНИЕ В СМЕРТИ

Изнемогая от усталости, с трудом неся плачущего ребенка, Дара вошла в толпу и попыталась пробраться к воротам.

Вдруг она услышала за спиной крик:

— Держите, держите! Здесь беглая рабыня!

Дара узнала голос своего хозяина-жреца. Люди оборачивались и тоже кричали: «Держите! Держите!» Сзади, справа, слева от нее — всюду были преследователи. Только вперед, к реке путь был свободен, и, прижимая к груди Шакула, она бросилась в эту сторону. Крики погони приближались. Предпочитая смерть рабству у жреца, она кинулась с высокого берега в реку...

Спасаясь от нестерпимого зноя, зная и богатые горожане Матхурангури, покинув душевные покои дворцов, катались в лодках по реке.

Ближе всех к месту, где бросилась в воду Дара, находилась лодка первой красавицы Шурасены, танцовщицы деви Ратнапрабхи... По велению госпожи слуги быстро спасли тонущую женщину. Ребенок все еще обнимал ручонками шею матери. Движимая жалостью, Ратнапрабха взяла из рук несчастной маленькое тельце. Шакул был мертв. С тяжелым вздохом передав его служанке, Ратнапрабха, не жалея своих дорогих шелковых одежд, приняла мокрую, покрытую тинной голову Дары к себе на колени. Слуга и рабыня, стараясь привести женщину в чувство, обмахивали ее опахалом. Вокруг собралось множество лодок. На берегу и на лодках слышались крики и шум.

Вскоре благодаря заботам деви Раднапрабхи и ее слуг Дара пришла в себя. Едва открыв глаза, она спросила прерывающимся голосом:

— Мое дитя... Где мой Шакул?

Ласково положив руку на голову беглянки, Ратнапрабха ответила:

— Он в безопасности, успокойся, милая.

Удивленная этим неожиданным сочувствием, Дара не спускала глаз со своей спасительницы. Затем она огляделась по сторонам. Уж не снова ли она во дворце прадедушки? Или, может быть, это сон?

Но вот до ее слуха донесся голос жреца Чакрадхара, надрывавшегося на берегу:

— Эта беглая рабыня — моя собственность! Верните ее мне! Я накажу ее. Она воровка. Я купил ее за пятьдесят золотых у работорговца Бхухдара!

Дара, дрожа от страха, схватила Ратнапрабху за руку и взмолилась:

— О благородная госпожа! Спаси меня от этого палача-жреца! Он убьет моего сына и меня вместе с ним!..

Жрец Чакрадхар продолжал бесноваться на берегу, требуя вернуть ему беглую рабыню. Вдруг, заглушая крики и шум, воздух прорезал звук рога. Воцарилось молчание. И в этой тишине раздался голос:

— Дорогу всеми почитаемому Защитнику подданных, Хранителю веры, доблестному властителю Рави Шарме!

Лодки расступились перед большой ладьей, крытой золотым балдахином, с шестнадцатью гребцами на борту. Люди на берегу и на лодках склонились в знак почтения, раздались приветственные крики. Под золотым балдахином, опираясь на белую подушку, сидел Рави Шарма. Он приветливо улыбнулся Ратнапрабхе. На носу лодки, верховного правителя стоял глашатай в красном тюрбане. Он вновь объявил:

— Всеми почитаемый Защитник подданных, Хранитель веры, могущественный владыка, доблестный Рави Шарма, услышав о смущении подданных, сообразовал пожаловать сюда. Пусть каждый, кто страдает или обижен, без страха обратится к верховному судье — верховному правителю — такова воля Защитника подданных и Хранителя веры!

Стоявший на берегу жрец Чакрадхар, сложив руки и склонив голову, заговорил:

— Я брахман, возносящий жертвы, служитель Варуны, призывая в свидетели великого Индру, клянусь перед лицом Защитника подданных и Хранителя веры, что в лодке деви Ратнапрабхи находится моя рабыня, родом из Кашмира, по имени Дара. Она пренебрегла своим долгом и воровски убежала из моего дома. О божественный, вели вернуть мне мою рабыню!

Тогда, склонив голову, заговорила Ратнапрабха:

— Я первая танцовщица страны Шурасены, Ратнапрабха, прошу Защитника подданных и Хранителя веры позволить мне выкупить эту несчастную рабыню.

Взглянув на Ратнапрабху, правитель сказал:

— Деви, нельзя купить то, что не продается. Перед законом все равны, будь то богатый или бедный.

Воздев руки к небу, жрец Чакрадхар воскликнул:

— Пусть вечно здравствует всеми почитаемый Защитник подданных и Хранитель веры! Эта рабыня — кормилица сына бедного брахмана, служителя Варуны! О воплощение веры, защитник дважды рожденных, даруй жизнь сыну брахмана!

Опять почтительно сложив руки, заговорила Ратнапрабха:

— О всеми почитаемый Защитник подданных и Хранитель веры, я готова внести необходимую плату, чтобы брахман мог купить новую кормилицу.

Правитель ответил:

— Суд не следует прихотям людей. Его цель — соблюдать закон. Рабыня совершает преступление, покидая своего господина.

Он уплатил за нее пятьдесят золотых. Убежав из сего дома, она тем самым обокрала его. Раб принадлежит хозяину. Она хотела покончить с собой, значит, пыталась лишить своего господина части его собственности.

— Истинная правда, о Воплощение веры и Защитник справедливости! — вскричал опять жрец, воздев к небу руки. — Пусть вечно здравствует всеми почитаемый!

— Рабыня, — обратился правитель к Даре, — ты совершила преступление.

— О Воплощение веры, — ответила Дара, уронив голову на борт лодки, — прикажи казнить меня вместе с моим сыном. Рабыня будет только благодарна.

Правитель покачал головой:

— Нет, наказание не налагается по воле преступника. Ты и твой сын — собственность брахмана. Рабы не могут распоряжаться собой.

Яшпал. Дивья. М., 1959, с. 115—118.

2. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ИНДИЙЦЕВ

Некоторые особенности жизни индийцев в древности, их нравы, поверья и религиозные представления отразились в произведениях народного творчества: мифах, преданиях о подвигах богатырей, сказках, баснях и афористических речениях. Еще в I тысячелетии до н. э. многочисленные фольклорные, а наряду с ними религиозно-философские сюжеты вошли в оригинальное эпическое сочинение, необычайно широко известное в Индии и далеко за ее пределами, — поэму «Махабхарата». В основе ее лежит красочный рассказ о борьбе за престол пяти братьев Пандавов, потомков легендарного царя Бхараты. Полная драматических событий междоусобица завершилась рядом больших сражений, участие в которых принимали соседние с индийцами народы. Поэма состоит из 18 книг и содержит 87 тыс. двустиший. Мотивы «Махабхараты» и до настоящего времени широко используются в индийском изобразительном искусстве, литературе, хореографии, театре.

Наиболее яркие эпизоды из поэмы легли в основу книги «Махабхарата, или Сказание о великой битве» писательницы Н. Гусевой. Вольное переложение в стихах небольшой части поэмы сделал писатель С. Липкин. Его книга «Сожжение змей»¹ написана в содружестве с переводчиком В. Кальняновым.

В хрестоматии дается текст «Рассказ о потопе» из книги Н. Гусевой. Он интересен тем, что показывает примитивное религиозное

¹ См.: Сожжение змей. Сказание из индийского эпоса «Махабхарата». М., 1958.

мышление древних жителей Индии и перекликается с вавилонским сказанием об Утнапиштиме и библейской версией всемирного потопа, в основе которой лежит шумерийская легенда.

Древнеиндийские афоризмы получили широкое распространение и встречаются в клинописной вавилонской записи, текстах египетских папирусов и в древнегреческой поэзии. В Индии придавалось первостепенное значение нравственному воспитанию молодежи. Индийским афоризмам, как правило, свойственна морально-этическая направленность. Они не утратили воспитательного значения и в наши дни.

РАССКАЗ О ПОТОПЕ

Когда-то, в очень давние времена, жил на этой земле величайший из людей, по имени Ману. Всю свою жизнь он стремился к тому, чтобы дела его принесли благие плоды для человеческого рода. Желая добиться милости всемогущих богов и попросить у них какой-нибудь бесценный дар для жителей земли, он отказался ото всех радостей земной жизни. Десять тысяч лет он простоял на берегу реки на одной ноге с поднятыми к небу руками, не принимая еды и питья. Единственной его мольбой было: «О боги, дайте совершить подвиг, который нужен людям».

И вот к берегу подплыла маленькая рыбка, блестящая, как молодой месяц, и обратилась к Ману:

— Спаси меня, лучший среди смертных. За мной охотится много больших рыб, и я не вижу путей к избавлению от них. Пожалей меня, слабосильную, молю. Я отблагодарю тебя в трудный час.

Ману, с сердцем, исполненным жалости, сразу же извлек эту рыбку из реки и пустил ее в глиняный сосуд с водой. Он кормил ее и заботился о ней, как о ребенке. По прошествии времени рыба выросла и сосуд стал ей тесен.

— О великий, — обратилась она к Ману, — мне здесь тесно и плохо. Найди для меня лучшее жилище.

Тогда Ману извлек ее, отливающую золотым блеском, и перенес в пруд. Но вскоре и пруд стал тесен для этой необыкновенной рыбы, и она попросила Ману перенести ее в воды Ганги. Но и в этой несравненной реке она скоро перестала помещаться и снова звала к Ману:

— О ты, не имеющий грехов и свободный от всяких желаний, я не могу больше жить в этой реке. Перенеси меня в океан.

Когда Ману выполнил ее просьбу, она сказала ему:

— Теперь слушай со вниманием мои слова. Ты был терпелив и добр ко мне, и за это я открою тебе тайну будущего. Скоро весь этот мир постигнет ужасное бедствие. Вся вода небес обрушится на горы и долины, переполнит реки, океаны и погребет под собой

все живое. Поэтому ты должен заранее построить огромный и прочный корабль и взять на него семена всех растений, всех животных, всех зверей — от слона до букашки, от тигра до мыши, взять по паре, чтобы могла вновь возродиться жизнь на земле. И, когда вода начнет низвергаться на землю, взойди сам на этот корабль и жди меня. Я приплыву к тебе в назначенный час, приняв образ большой рогатой рыбы. Так ты меня узнаешь.

Проговорив это, рыба скрылась в волнах. А Ману сделал все, как она ему велела. И, когда небо смешалось с землей, и в ревущей воде стало гибнуть все живое, он взошел на свой корабль. Тотчас к нему подплыла рыба с рогами на голове. Ману набросил веревку на ее рога, и она повлекла за собой корабль со всеми, кто был на нем, по кипящей пучине.

Много лет она плыла все вперед и вперед, и нигде не было видно ни одного островка земли. Наконец вдали показалась из-под воды вершина горы. Это была высочайшая вершина Гималаев. Ману привязал свой корабль к скале и отпустил рыбу.

— Сойдите все на землю, — сказала рыба, — и положите начало новой жизни. А меня больше не увидите, прощайте.

И бездонная пучина поглотила эту чудесную рыбу.

Когда вода спала, от живых существ и от семян, которые сохранил Ману, вновь расцвела жизнь на всей земле...

Махабхарата. М., 1964, с. 117—119.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ АФОРИЗМЫ

Человек должен трудиться — плохо ему, когда он бездействует.

Высшим благом среди всех зовут знание: его не отнять, оно неоценимо, оно никогда не иссякнет.

Нельзя одной рукой хлопать в ладоши, нельзя добиться успеха без усердия.

Все стремятся к счастью и страшатся несчастья. Поэтому, если хочешь счастья для себя, то заботься о счастье другого и сам будешь счастлив.

Дела должны вести нас к счастью. Но где нет справедливости, нет счастья. Поступай же справедливо.

Думай при каждом пробуждении: «Какое добро совершить мне сегодня? Зайдет солнце и унесет с собой часть моей жизни».

Ничто так не ободряет человека, как доброе слово.

Побеждай гнев мягостью, зло — добром, жадность — щедростью, ложь — правдой.

Нет добродетели выше правдивости, нет порока хуже лжи.

Женщина сияет — весь дом сияет, женщина мрачна — весь дом погружен во мрак.

Из книги «Древнеиндийские афоризмы»,
Сост., пер. и предисл. А. Я. Сыркина. М.,
1966.

3. ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

При изучении темы «Древний Китай» учащимся можно рекомендовать книгу О. Гурьян «Повесть о Великой стене». Советская писательница Ольга Гурьян — автор нескольких художественных произведений, посвященных Китаю и Японии в период древности и средневековья. Действие данной повести происходит в Китае III в. до н. э. В основу книги положены древнекитайские народные легенды и исторические предания. В книге правдиво изображена тяжелая жизнь народа. Значительное место в повести отводится возвышению княжества Цинь и строительству Великой стены.

Древнему Китаю посвящены также два рассказа «Великая стена» и «Бумажный князь Цай» из книги В. Истрина «Ветка ивы». Автор книги задался целью изобразить в целой серии художественных рассказов наиболее значительные события из истории и культурной жизни Китая.

Богатый материал к урокам учитель найдет и в произведениях древнекитайской литературы.

Строительство Великой стены — одна из центральных тем древнекитайского фольклора. В основу поэтической новеллы А. Исаакяна «Песня о Великой Китайской стене», фрагмент из которой приводится в хрестоматии, легли китайские народные предания и песни.

О труде китайского крестьянина и его постоянных тревогах за существование семьи повествует отрывок из уже упомянутой книги О. Гурьян «Повесть о Великой стене».

В стихотворении крупнейшего древнекитайского поэта Цао Чжи «Посвящая Дин И» (текст «Знатный сановник бедных людей сторонится»), включенном в хрестоматию, осуждается социальный эгоизм правящих классов. Цао Чжи (192—232 гг. н. э.) — сын императора Цао Цао. После смерти отца он преследовался сначала своим старшим братом, а затем племянником. Скитальческая жизнь сделала для Цао Чжи понятными переживания простых людей. Поэт возмущался насилиями и несправедливостями, чинимыми двором и чиновниками над народом. Эти чувства и нашли выражение в его поэзии.

СТРОИТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ

Зодчие и каменщики страны обаяны были по указу императора в десять лет возвести бесконечно длинную стену, своим очертанием напоминавшую дракона. Национальная эмблема Китая — дракон — должна была возникнуть на гребнях гор, посреди ущелий и пустыни. Эта стена должна была тянуться и извиваться, как извивается, вытягиваясь, дракон, и своими несчетными извивами обнять все китайские просторы так, чтобы ни пяди земли не оставалось вне гигантских объятий.

...Каждого десятого китайца по велению императора посылали строить стену.

Три миллиона человек расположились вдоль рубежа, три миллиона человек десять долгих лет беспрестанно владели ярмо подневольной и изнуряющей работы.

И весь Китай по императорскому указу десять лет доставлял пищу каменщикам и все необходимое для еозидания гигантского дракона...

Угрожая суровой карой, грозный император предписал зодчим так плотно пригонять камни в стенах, чтобы даже иголку нельзя было продеть между двух камней.

И сколько каменщиков, сколько работников было повешено на кручах скал, когда императорским надсмотрщикам казалось, что строгий приказ исполнен неточно!

Три миллиона юношей, молодых и пожилых мужчин, селян и горожан с раннего утра и до глубокого вечера неослабно трудились под жгучим солнечным зноем и под пронизывающим ветром холодных северных равнин.

Пили студеную, пополам с песком, воду и ели сухой рис. Спали голодные на грязных циновках, и душили их кошмары.

Работали под бичом неумолимых надсмотрщиков. Копали глубокие рвы, таскали на спине огромные тяжелые камни и, сгибаясь под непосильной ношей, стонали от побоев. Сколько, сколько этих несчастных погибло под безжалостными ударами бича!

Измученные, истощенные, гибли они без конца под обвалами в каменоломнях, оступались со стен, разбивая черепа свои о камни. Тела этих бесчисленных жертв закладывали во рвы и ниши.

Пять сотен тысяч несчастных похоронено в основании и в глубине стены, и Шанг-Шенг справедливо был назван «длиннейшим кладбищем в мире».

Беглецы погибали в бесплодных горьких пустынях, их безымянные останки расклеивали вечно голодные стервятники, их натруженные кости засыпали злобные ветры пустыни.

Три миллиона тружеников на своих страданиях, на своей крови и костях воздвигли исполинскую Шанг-Шенг, упершуюся в несокрушимые каменные гряды. Это укрепление было длиною в три

тысячи километров и одиннадцати метров в высоту, с двойными и тройными стенами, с бесчисленными воротами, с рядами железных засовов, со множеством башен и бойниц.

Исаакян А. Песня о Великой Китайской стене. — В кн.: Исаакян А. Избр. соч. в 2-х т., т. 2. М., 1956, с. 133—135.

ЖИЗНЬ И ТРУД КИТАЙСКИХ КРЕСТЬЯН

Эта зима... была не очень плохая. Можно даже сказать, что она была довольно хорошая. Никто не замерз от холода, и никому не пришлось увидеть на своем пути оледенелое тело странника, застигнутого метелью. Также никто не умер с голоду. А ведь всем известно, бывают такие зимы, когда крестьянин, размешав пригоршню земли с теплой водой, кормит этой похлебкой своих детей, чтобы хоть чем-нибудь наполнить кишки и утихомирить грызущий их голод. Это случалось нередко — недаром вошло в поговорку: «Земляная каша, из пыли суп»...

К тому времени, когда наступили сильные морозы и зима, мрачная черепаха, казалось, спрятав под ледяной щит ноги и голову, никогда уже не сдвинется с места, многие хозяйки увидели, что начинает просвечивать дно сосудов, в которых они хранили бобы и зерно. И даже в тех домах, где с осени висели на балке два-три сушеных курчонка или даже свиной окорок, теперь приходилось подсчитывать число едоков и раздумывать о том, чем набить их рты.

Но наконец подул южный ветер, и теплые дожди, словно десять тысяч сверкающих стрел, вонзились в лед и снег и пробili их насквозь, так что стали снег и лед походить на пчелиные соты. Дожди их размыли, солнце прибрало, и прилетела с востока весна — лазурный дракон.

Живые соки поднялись по стволам ив, почки лопнули, и ветви оделись прозрачной зеленой дымкой. По южным склонам холмов на сучьях, где еще не было ни одного листа, распустили розовые лепестки цветы сливы. Заквакали лягушки, запорхали мотыльки. Дикie гуси полетели на север, ласточки вернулись из южных стран. По обочинам дорог дети собирали съедобные травы, и хотя пищу варили в доме, но ели ее в поле, потому что настала весна и люди пахали свои поля. Еще солнце не восходило, а деревню, словно туман, заволакивал дым очагов. В каждом дворе женщины, присев на корточки за печкой, совали в топку сухие листья, прошлогодние былинки, кусочки хвороста, скупо поддерживали огонь. Вода-закипала в котле, и мужчины, стоя, жадно и поспешно пили кипяток. Потом выходили изo всех ворот, неся на плече деревянную с железным наконечником соху. К ручке был привязан горшочек с едой — жидкой кашей, вареном из трав.

У некоторых были буйволы, но большей частью отец запрягал в соху сыновей, а сам, налегая на деревянный крюк, изo всех сил

помогал им. И хотя они изнемогали от страшного труда, вся земля была вспахана вовремя. Потом землю дробили камнями, растирали ее ладонями, так что она лежала пышная, легкая, высоко взбитая. Канавки перемежались с валиками, и в канавки сажали зерно, бережно, руками, каждое отдельно. На каждом поле из года в год чередовали пять злаков — коноплю на масло и ткани, просо, высокий гаолян, ячмень и бобы...

Гурьян О. Повесть о Великой стене. М., 1959, с. 117—119.

ЗНАТНЫЙ САНОВНИК БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ СТОРОНИТСЯ

Ранняя осень,
Пора холодов осенних,
Никнут деревья,
Роняют листву устало.
Иней застывший
Лежит на белых ступенях,
Мечется ветер
За окнами светлого зала.
Черные тучи
Никак не уйдут за кряжи.
Долгие ливни —
На них я взираю с болью.

Просо ложится —
Воды непосильна тяжесть!
Нынче крестьянам
Не снять урожая в поле.
Знатный сановник
Бедных людей сторонится,
Редкое чудо —
Милость богатого мужа;
Ходит зимою
В шубе на белой лисице —
Где уж тут вспомнить
Тех, кто дрожит от стужи.

Пао Чжи. Посвящаю Дня И. — В кн.:
Пао Чжи. Семь печалей. Стихотворения. М.,
1973, с. 98—99.

4. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

При изучении культуры Древнего Китая учитель знакомит учащихся с возникновением китайской письменности и изобретением бумаги.

Китайскую письменность по праву можно считать одной из самых древнейших. Но с момента своего возникновения она была очень сложна. Так, в III в. до н. э. в системе письма насчитывалось более трех тысяч иероглифов, обозначающих то слоги, то слова, то целые словосочетания. И все же элементарная грамотность находила распространение даже в среде крестьян и ремесленников. Знания в народе нередко распространяли учителя-подвижники. О создании школы для сельской детворы одним из таких учителей рассказывает О. Гурьян в книге «Повесть о Великой стене». При чтении фрагмента или его части учителю следует обратить внимание учащихся на близость китайских иероглифов к пиктографии и на своеобразие принадлежностей и материалов для

письма. Можно отметить также, как на основе народной мудрости отрабатывались в школе правила поведения.

Отрывок «Изготовление бумаги» из книги писателя В. Истрина «Ветка ивы» содержит интересный материал о технике производства бумаги в древности.

В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Ю Ши начал учить детей шести искусствам — лю и, — будто всех их готовил в сановники и советники. Эти шесть искусств — музыка, правила поведения, стрельба из лука, управление лошадьми, чистописание и математика. Их знание является законом для каждого образованного человека, но едва ли кому-нибудь пришло бы в голову учить им деревенских ребятишек. Однако Ю Ши, сам в детстве ходивший в соломенной накидке и водивший буйвола на водопой, всех мальчишек считал племянниками и не скупился, делаясь с ними своими знаниями.

Когда Хо Чжи, неся в руке узелок, вошел в пещеру, его чуть не оглушила пронзительная песня. Ребята, старательно открывая рты, все разом нараспев выкрикивали правила поведения:

Ли жу сун,
Цзо жу чжун,
Во жу гун,
Цзоу жу фын!

Ю Ши объяснял им мудрое значение этих слов:

— Ли жу сун — стоять подобно сосне. Честный человек стоит прямо, высоко подняв голову. Лишь тот, кто боится смотреть людям в глаза, стоит, согнув спину, опустив голову, прикрыв лицо.

Дети вытянулись, подняли носы вверх, выпрямили спины стройно и гордо.

— Цзо жу чжун — сидеть подобно колоколу. Не развалюсь, не откинувшись лениво и праздно, подобно бездельникам, а расправив плечи, выставив грудь, выпрямив шею.

Все сидели, напряженно застыв, не смея вертеться и ерзать, дразня соседей.

— Во жу гун — лежать подобно луку, изогнувшись дугой. Непристойно вытягиваться подобно мертвому телу. И во сне сохраняйте движение жизни, чтобы, если понадобится, мгновенно вскочить, как стрела, сорвавшаяся с тетивы. — Тут Ю Ши поднял руку, останавливая тех, кто слишком рьяно выгибался, подражая натянутому луку. — Цзоу жу фын — идти подобно ветру, стремительно и изящно.

Среди шума, будто в самом деле взыв ветер, Хо Чжи подошел к учителю, став на колени, поклонился ему в ноги и протянул связку сушеного мяса, нарезанного узкими полосками.

— Это почтительный дар, — проговорил он, в точности повторяя слова, которым несколько дней учила его Хо Нюй. — Моя мать

посылает это и говорит, что ее сын глуп и непонятлив. Она умоляет знаменитого учителя, чтобы поучил меня мудрости.— Он еще раз поклонился, а затем встал, скромно спрятав руки в рукава.

Учитель пристально посмотрел на него...

Потом он указал Хо Чжи его место и продолжал урок.

— Сегодня пришел к нам новый ученик,— говорил он.— Его фамилия Хо, что значит «огонь». Научим его писать это слово. Смотрите, я рисую огонь. С двух сторон вздымаются ввысь языки пламени. Кверху взлетают искры. Это огонь — хо!

Дети принялись писать этот знак кистью, кто на узких деревянных дощечках, кто на кусках коры шелковицы. При этом все вместе кричали нараспев:

— Хо! Хо!

Мальчик, сидевший рядом с Хо Чжи, посмотрел на неуверенное движение его кисти и сказал:

— Искра взлетает кверху, таково же движение кисти. Возьми ножик, соскобли свою ошибку.

А учитель продолжал их учить новым словам и знакам. Когда же они устали, он сказал:

— Пойдите подкрепитесь едой, отдохните и поиграйте, чтобы затем с новыми силами проучиться до вечера!

Гурьян О. Повесть о Великой стене,
с. 86—88.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ БУМАГИ

В мерцающем свете факелов справа от Цай Луня высились большие деревянные чаны. В них намочили нарезанные тонкими лентами кора тутового дерева, стволы молодого бамбука и остатки рыболовных сетей.

Прямо перед Цай Лунем два огромных гунна разбивали тутовую кору и бамбук деревянными молотами и растирали их на волокна в каменной ступе тяжелым каменным пестиком.

Справа виднелся широкий бассейн. Растертое волокно размачивалось здесь в воде, смешанной с клеем. У бассейна работал Манису. Размешав массу веслом, он зачерпывал ее четырехугольной сеткой из шелковых нитей, натянутых на деревянной раме. Держа сетку обеими руками, Манису тряс ее в воздухе, пока вода сбегала с краев сетки и сквозь нее. Затем ловким движением он опрокидывал сетку над гладкой доской, чтобы мокрый бумажный лист перешел на эту доску.

Помощник Манису прессовал полученные листы другой, такой же гладкой, доской. Потом, подцепляя листы медной иглой, он развешивал их у высокой каменной печи для просушки.

Подойдя к печи, Цай Лунь взял один из готовых листов. Он долго разглядывал и ощупывал его.

Истрин В. Бумажный князь Цай.— В кн.:
Истрин В. Ветка ивы. Рассказы о Китае. М.,
1957, с. 28.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

1. МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Греческая мифология отличается особым богатством образов и красок, необыкновенной силой художественного воображения, бесконечным разнообразием тем и сюжетов. Мифы легли в основу великих творений Гомера, драматического и пластического искусства Древней Греции. Вплоть до наших дней они остаются неисчерпаемым источником мысли и сюжетов для художников, писателей, поэтов, музыкантов, актеров, архитекторов и ваятелей. С греческой мифологией связаны тысячи словарных понятий, афоризмов и речевых оборотов, прочно вошедших в язык каждого культурного человека. Вот почему учителю необходимо донести до учащихся красоту мифов, воздействовать с их помощью на мысли, воображение и чувства детей.

Систематический пересказ мифов дается в книге Н. А. Куна «Легенды и мифы древней Греции». Мифы в этой книге расположены по циклам: «Боги и герои», «Герои», «Аргонавты», «Троянский цикл», «Одиссея» и т. д. Широкий охват всех основных мифических сюжетов, их тематическая подборка отнюдь не единственное достоинство книги. Она красочно написана и богато иллюстрирована.

Переложение основных греческих и римских мифов предпринял и польский писатель Ян Парандовский. Свою книгу «Мифология» он предназначил детям. Автор сохранил яркость образов, соединив ее с простотой и изяществом пересказа.

В V классе дается лишь небольшая часть древнегреческих мифов. В первую очередь дети знакомятся с мифами о человеке, который все мог и все умел, — о могучем Геракле. Проникаясь любовью к людям, он бесстрашно борется за освобождение их от грозных сил природы, обожествляемых в мифе. Атлетическая сила, трудолюбие, мужество, воинская отвага находят свое воплощение в образе Геракла.

Цикл сказаний о Геракле в художественном пересказе для детей содержится в книге писательницы В. Смирновой «Герои Эллады».

Излагая учащимся мифы о Геракле, учитель может по собственному выбору использовать любую из названных книг. В хрестоматийную подборку по теме вошел рассказ о шестом подвиге Геракла.

Навсегда вошел в сокровищницу народного творчества древнегреческий миф о походе аргонавтов за золотым руном. В основу мифа легли приукрашенные вымыслом воспоминания о многих опасных плаваниях греческих мореходов, первооткрывателей новых путей, о подлинных военно-торговых экспедициях к Кавказскому побережью Черного моря, к богатой металлами Колхиде. Подробный и интересный пересказ мифа об аргонавтах содержится в книге «Золотое руно» В. и Л. Успенских. Взятый из нее отрывок «Отплытие аргонавтов» рассказывает о том, как начался мифический поход искателей золотого руна.

Остросюжетное предание об искателях золотого руна не раз привлекало внимание античных поэтов. В хрестоматию включен фрагмент из большой поэмы «Аргонавтика» эллинистического поэта Аполлония Родосского. В нем рисуется эпизод похищения золотого руна Язоном с помощью чародейства влюбленной в героя дочери колхидского царя прекрасной Медеи.

При достатке времени учитель может значительно расширить знакомство учащихся с мифами, в которых эллины проявили замечательное чувство прекрасного, поэтически выразили свои раздумья, мечты и желания. Занимательны и доступны детям мифы о Персее, Орфее, Тесее. Желательно знакомство с прекрасным мифом о Дедале и Икаре, в котором нашла выражение вековая мечта человека о покорении воздушной стихии. Небольшой отрывок «Дедал и Икар» взят из книги «Мифы Эллады». Материалом для книги послужили поэмы Гомера в переводе В. А. Жуковского и работа немецких писателей Штоля и Шваба «Мифы классической древности». В книге представлены в вольном изложении все наиболее интересные для учащихся древнегреческие предания.

ГЕРАКЛ ОЧИЩАЕТ АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

Несказанно богат был царь Элиды Авгий. Бесчисленные стада его быков и овец и табуны коней паслись в плодородной долине реки Алфея. Триста коней с ногами белыми, как снег, было у него, двести — красных, как медь; двенадцать коней были все белые, как лебеди, а у одного из них блесла во лбу звезда.

Так много было у Авгия скота, что слуги не успевали чистить хлева и конюшни, и за много лет в них накопилось навоза до самых крыш.

Царь Еврисфей, желая удружить Авгию и унижить Геракла, послал Геракла чистить Авгиевы конюшни.

Геракл явился в Элиду и сказал Авгию:

— Если ты отдашь мне десятую часть своих коней, я очищу конюшни в один день.

Авгий засмеялся: он думал, что их вовсе нельзя очистить. Поэтому царь сказал Гераклу:

— Я отдам тебе десятую часть моих коней, если ты в один день очистишь мои конюшни.

Тогда Геракл потребовал, чтобы ему дали лопату, и Авгий, усмехаясь, велел принести ее герою.

— Долго же тебе придется работать этой лопатой! — сказал он.

— Один только день, — сказал Геракл и пошел на берег Алфея.

Полдня он усердно работал лопатой. Земля взлетала из-под нее и ложилась высоким валом. Геракл запрудил русло реки и отвел ее прямо в царские конюшни. Воды Алфея стремительно потекли через них, унося с собой навоз, стойла, кормушки, даже ветхие стены.

Опершись на лопату, Геракл смотрел, как проворно работала река, и только иногда приходил ей на помощь. К заходу солнца конюшни были очищены.

— Не взыщи, царь, — сказал Геракл, — я очистил твои конюшни не только от навоза, но и от всего, что было ветхо и давно сгнило. Я сделал больше, чем обещал. Теперь ты отдай мне обещанное.

Но жадный Авгий заспорил, стал браниться и отказался отдать Гераклу коней. Тогда Геракл пришел в ярость, вступил в бой с Авгием и убил его в поединке.

Смирнова В. Герои Эллады. Из мифов древней Греции. М., 1955, с. 132—134.

ОТПЛЫТИЕ АРГОНАВТОВ

Стремительно, как чудная морская птица, двинулся «Арго» вперед, унося на своей спине отважных моряков-аргонавтов.

Все дальше и дальше скользит он по утреннему морю. Все выше и выше по прибрежным холмам карабкаются те, кто пришел проводить смелых.

С острой скалы смотрит на море старый Эсон, и утренний ветер треплет его мокрую от слез бороду.

А там, в безбрежном просторе моря, навстречу заре несется «Арго». Вот видно — подняли аргонавты на нем четверугольный парус. Вот выглянуло из-за морских волн солнце, и черной точкой на его пылающем диске означился этот парус в последний раз.

— Так и всегда! — сказал Эсон, протянув в ту сторону дрожащую, слабую руку. — Так сотни и тысячи лет будут уплывать смелые, сильные, молодые люди в неведомые страны. Так и всегда будут рваться за ними сердца их близких, полные гордости и тревоги за них... И всегда, во веки веков, все они, уплывающие и остающиеся, будут в час разлуки на морском берегу вспоминать это утро, этот тонущий в заре парус, парус аргонавтов!

Он не договорил и остановился. Он замолк потому, что в этот миг случилось что-то странное.

Внезапно со стороны моря пахнул легкий порыв ветра, и тотчас же на его крыльях издали донеслись неслыханные звуки. Нежное, как дуновение ветерка, мощное, словно шум морского прибоя, более сладостное, чем аромат цветов, пение зазвучало вокруг. Трудно было понять, откуда доносится дивная музыка. Одним казалось — это гребни волн превратились в певучие струны. Другим мерещилось, что столь сладко звучат натянутые над горой золотые лучи солнца, сияющие меж густолиственных древесных ветвей. Все замерли, все застыли. Даже самые старые горы как бы прислушались к неземным звукам.

Потом все смолкло. А когда все смолкло, старец Эсон положил руку на плечо мальчика-слуги.

— Подними голову, отрок! — торжественно сказал он. — Подними лик свой, оглянись и запомни все, что видишь вокруг. И не забывай этого утра до самой своей смерти. Ибо в это утро ты слышал то, что судьба позволяет слышать немногим. Ты слышал пение великого Орфея!

И в самом деле, то звучал голос божественного певца. Потому что, едва первый луч солнца коснулся синих риз морской богини Амфитриды, Орфей там, на носу корабля, положил пальцы на струны золотой кифары...

Сладко нам вечное море ударами весел тревожить,
Хоть нелегко покидать близких на милой земле!
Манит отважного призрак далекой, неведомой славы,
Только несмелого мир тайнами смерти страшит.
Ройте ж могучими веслами спину гладь, аргonautы!
Множество гордых восслед вашим путем поплывет:
Люди в туманную даль никогда не устанут пускаться,
Как за руном золотым, за золотом мечтой!

Успенские В. и Л. Золотое руно. Мифы древней Греции. М.—Л., 1941, с. 21—23.

ПОИЩЕНИЕ ЗОЛОТОГО РУНА

...Медею с Язоном одних отпустили герои.
Вместе они по тропинке в священную рощу вступили
В поисках дуба-гиганта, на коем руно золотое
Было повешено, с виду как облако, что при восходе
Солнца в его огневидных лучах отливает румянцем.
Рядом с тем дубом высоко вздымал огромную шею
Змей острозубый, очей бессонных взор устремляя
На подходивших к нему и страшно цуя. Разносился
Звук по берегам многоводной реки и по роще огромной...
Дева под взглядом его подошла и голосом сладким
Стала Сон призывать, высочайшего Бога, на помощь,
Чтобы он змея смирил; призвала и богиню ночную,
Недр царицу земных, дабы способ дала подступиться.
Следом шел Эзонид, преисполненный жуткого страха.

Песню чаруемый змей стал меж тем извитый в пружину
Длинный хребет распускать, выпрямляя бесчетные кольца,
Сходно с тем, как волна в утихающем море спадает
Черная, шум издавая глухой. Чудовище все же,
Страшную голову вверх поднимая, было готово
Их обоих схватить несущими гибель зубами.
Но Медея, сломив можижувельника ветвь и обмазав
Зельем могучим ее, разведенным в питье, с наговором
Ею чудовища глаз коснулась. Разлился повсюду
Запах от зелья и сон навел; опустилась на землю
Змея грозного пасть; разошлись бесконечные кольца;
Вдаль протянулся хвост по всему многодревнему лесу.
Вмиг золотое руно сорвал с высокого дуба,
Деве послушен, Язон. А она с ним рядом стояла,
Голову чудища зельем своим натирая, покуда
Вновь на корабль возвратиться ее Язон не побудил...

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. — В кн.: Александрийская поэзия. М., 1972, с. 255—256.

ДЕДАЛ И ИКАР

И вот Дедал твердо решил покинуть остров Крит, но осуществить это было почти невозможно. И подумал тогда Дедал: «Если морские пути для меня закрыты, мне остается одно лишь свободное небо. Всем может завладеть злой и жадный Минос, но только не небом!» — И он стал размышлять о том, как бы подняться ему на воздух и овладеть свободной стихией.

Долго раздумывал Дедал, и, внимательно наблюдая полет птиц, он начал наконец искусно прилаживать птичьи перья одно к одному, начиная от самого небольшого до самого длинного, и связывал их посредине льняными нитками, а внизу скреплял их воском; так он сделал их похожими на настоящие большие крылья; затем он придал им небольшой изгиб, какой бывает при размахе у птиц.

Маленький сын Дедала Икар внимательно следил за работой отца и стал ему помогать. Когда крылья были готовы, Дедал надел их на себя и, взмахнув ими, как птица, поднялся на воздух. Стал Икар просить отца сделать и ему такие же крылья и взять вместе с собой в полет. Сделал Дедал небольшие крылья Икару и перед отлетом стал его наставлять.

— Сын мой, держись, летя, середины; если ты опустишься слишком низко, волны морские могут намочить тебе крылья, и утонешь ты в море, а если подынешься высоко, жаркое солнце может их опалить и растает воск, скрепляющий крылья. Держи путь свой между морем и солнцем, лети вслед за мной.

Сделав крылья Икару, он вскоре научил его подниматься над землей.

В день, когда решено было вылететь с острова Крит, Дедал рано-рано на заре прикренил крылья Икару, обнял его, поцеловал и взлетел на воздух; следом за ним полетел Икар.

Как птица, вылетевшая впервые со своим птенцом из гнезда, оглядывается назад, ободряет его и указывает, как легче лететь, так и Дедал оглядывался боязливо на своего сына Икара. В изумлении смотрели на них рыбаки, тащившие на морском берегу невод, пастухи и земледельцы, шедшие за плугом, думали, не боги ли это летят над полями. И было уже под Дедалом и Икаром открытое море, остались за ними справа острова Самос, Патмос и Делос, а слева — Лебин и Калимна, и были уже видны вдали берега Эллады. Не мало людей дивилось, глядя на смелых воздухоплателей. Стал Икар лететь смелей и, забыв про совет отца, поднялся высоко к небу, чтобы освежить свою грудь в холодном эфире. Но горячее солнце растопило воск, скреплявший перья на крыльях, они распались и повисли на плечах у Икара.

Напрасно несчастный юноша протягивал руки к отцу, воздух уже его не держал, и вот Икар падает в море; в испуге он только успел крикнуть имя отца и утонул в бушующих волнах. Оглянувшись Дедал, услыша крик сына, но напрасно искал он его.

— Икар, где ты? — долго кричал Дедал.

Но плавали только перья на волнах морских...

Мифы Эллады. Киев, 1941, с. 23.

2. ПОЭМЫ ГОМЕРА «ИЛИАДА» И «ОДИССЕЯ»

Подобно мифам, поэмы «Илиада» и «Одиссея» насыщены элементами сказочности и фантастики. Долгое время ученые не признавали исторической ценности поэм, считая их содержание вымышленным от начала до конца. Однако археологические раскопки Шлимана и Эванса, совершенные в конце XIX в., резко изменили отношение к древнегреческому эпосу. Раскопки подтвердили реальность многих событий и сведений, передаваемых поэмами. Поэмы стали источником по истории Греции как додорийской, позднелладской эпохи (XVI—XII вв. до н. э.), так и XI—IX вв. до н. э. В истории Древней Греции этот последний период условно продолжает называться гомеровским.

Учитель может воспользоваться различными изданиями поэм Гомера в переводе Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского, В. В. Вересаева, а также прозаическим пересказом поэм для детей в книге «Троянская война и ее герои. Приключения Одиссея». Методические рекомендации имеются в пособии Г. И. Годера «Изучение истории древнего мира в V классе».

В хрестоматии дается подборка текстов, рассказывающих о событиях Троянской войны и возвращении Одиссея на родину. Текст «Перед отплытием к Трое» — небольшая зарисовка выступления в

поход отрядов басилевса острова Итаки хитроумного Одиссея. Она дает представление о вооружении войска и далеко зашедшем выделении вождей из среды соплеменников.

Красочный рассказ учителя о приключениях Одиссея обогатят тексты: прозаический — «В бухте лестригонов» и поэтический — «Между Скиллой и Харибдой».

Характеризуя поэмы как шедевры мировой литературы, нужно отметить, что уже в Древней Греции поэты преклонялись перед творческим гением Гомера. Одно из двух посвященных ему коротких стихотворных произведений желательно зачитать в заключенные уроки.

ПЕРЕД ОТПЛЫТИЕМ К ТРОЕ

Двенадцать кораблей готовилось к отплытию из гавани Итаки — двенадцать стройных, чернобоких судов с красными носами. На судах могло поместиться шестьсот воинов в полном вооружении...

Войско итакийцев собиралось к своим кораблям. Не только Итака, но и подвластные Итаке острова прислали своих лучших воинов, по пятьдесят на каждый корабль. Это были могучие метатели копий, опытные стрелки из лука, неутомимые гребцы. Отряд за отрядом спускался по каменистой дороге и строился на побережье гавани. Блистали медные шлемы и латы; медные жала копий сияли над рядами; колыхались круглые щиты в руках воинов, всюду звенела и гремела губительная медь. Следом за войском с топотом и криком валили пестрые толпы горожан.

Скорее все узкое побережье гавани было заполнено народом. Позже всех на повороте дороги показались военачальники. Впереди шел Одиссей, в тяжелой броне, с боевым копьем в руках. Над его высоким шлемом сиял изогнутый гребень; густой конский хвост спускался с гребня ему на спину. С плеч вождя ниспадала тонкая пурпурная мантия, сотканная руками Пенелопы. Мантия скреплялась золотой пряжкой, на пряжке поджарый охотничий пес вцепился зубами в плечо настигнутой лани; казалось, чеканная лань трепещет и бьется, как живая. Неразлучный товарищ царя, горбун Эврибат, шел сзади и нес блистающий на солнце узорчатый щит повелителя.

Вожда итакийцев сопровождали военачальники кораблей, тоже в высоких, гривистых шлемах, в длинных мантиях поверх медных лат, с кожаными и медными щитами.

Троянская война и ее герои. Приключения Одиссея. Л., 1967, с. 58—59.

В БУХТЕ ЛЕСТРИГОНОВ

На седьмые сутки тягостного плаванья скитальцы снова завидели землю. Берега ее были угрюмы и неприступны. В одном лишь месте открылась бухта, правда

удобная, но мрачная, как врата-Аида. Справа и слева из воды поднимались отвесные скалы, и лишь в глубине виднелся плоский берег. Корабли стали у берега один возле другого в тесный ряд. У самого входа в гавань из воды торчала одинокая скала. Одиссей решил, что с нее удобно будет осмотреть окрестность. По приказанию вождя гребцы подвели корабль вплотную к каменной стене и привязали судно канатом к ребристому выступу.

Одиссей взобрался на вершину скалы и осмотрелся. На пустом берегу он увидел бесконечное нагромождение голых утесов да широкую дорогу, которая начиналась от самой бухты, извивалась и пропадала среди скал. Но нигде не было заметно ни жилья, ни людей.

Одиссей выбрал среди своих товарищей двух отважных воинов и решил отправить их вместе с глашатаем Эврибатом разведать, куда ведет пустынная дорога.

— Будьте осторожны, — сказал он Эврибату, — избегайте городов и селений. Лучшие всего притаитесь где-нибудь в роще, возле источника. Подождите, пока придут за водой к источнику женщины. У них узнайте, какой народ обитает в этой угрюмой стране.

С тревогой смотрел Одиссей вслед уходящим товарищам. Он остался на утесе и не сводил глаз с пустынной дороги.

Прошло немного времени. Вдруг Одиссей увидел на дороге своих посланников; они бежали так, как будто за ними гналась сама смерть. Эврибата не было с ними. До ушей Одиссея донесся их вопль:

— Лестригоны, лестригоны! Спасайтесь!

Тут Одиссею почудилось, будто далекие утесы сдвинулись с места и несутся к берегу страшными прыжками. Но тотчас же он понял, что это показалась из-за скал толпа чудовищных великанов. Они были похожи на живые горы; Полифем показался бы маленьким рядом с ними.

Одиссей быстро соскользнул с утеса на корабль. Великаны достигли берега.

Герой оцепенел от ужаса: он увидел, как великаны напали на корабли, стоявшие у берега, и принялись крошить их в щепки острыми камнями. Итакийцы с воплями прыгали с кораблей в воду и пытались спастись, но великаны ловили их, безжалостно убивали и тут же нанизывали на жерди, как рыб.

Жалкая гибель товарищей заставила Одиссея опомниться. Он перерубил мечом натянутый канат и окликнул своих спутников. Гребцы схватились за весла. Корабль быстро выскользнул из бухты.

Спутники Одиссея отвели корабль подальше от берега и долго ждали товарищей. Ни один корабль больше не показался из ущелья. Одиссей понял, что спасся только он и его гребцы.

Троийская война и ее герои. Приключения Одиссея, с. 192—193.

¹ Лестригоны — сказочное племя великанов-людоедов.

МЕЖДУ СКИЛЛОМ И ХАРИБДОМ

В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем влетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны спшибались, а в недре утробы открыто кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очей свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своею головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.

Гомер. Одиссея. М., 1958, с. 201.

БЕССМЕРТНЫЙ ГОМЕР

Троя

Путник, ты зришь Илион, гремевший некогда славой,
Некогда гордый венцом башен высоких своих, —
Ныне ж пожрал меня пепел времен; но в песнях Гомера
Все я стою невредим с медным оплотом ворот.
Мне не страшны, для меня не губительны копы ахивяп:
Ведь у Эллады детей вечно я буду в устах.

Эвен Асколонский

На «Илиаду» Гомера

Все еще слышим мы плач Андрوماхи, падение Трои,
До оснований своих в прах повергаемой, зрим;
Видим Аянта в бою и влекомый конями чрез поле
Под городскою стеной Гектора связанный труп —
Видим все это, внимая Гомеру, чьи песни не только
Родина славит, но чтут страны обеих земель¹.

Алфей

Античная лирика. М., 1968, с. 201, 291.

¹ Страны обеих земель — то есть Европы и Азии.

3. РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

На этом уроке учитель вновь обратится к книгам Н. Куна и Я. Парандовского. Из них подобраны тексты «В царстве Посейдона» и «Гефест». Заключает подборку о древнегреческом пантеоне богов текст «На Олимпе», в котором рассказывается о «громовержце» Зевсе, управляющем не только людьми и природой, но и самими богами.

При знакомстве с греческой религией излагается миф о Прометее, образ которого для людей всего мира стал символом бесстрашия и непреклонной воли в борьбе за правду и знания во имя общечеловеческого счастья. Согласно легенде, Прометей сделал людей разумными, научил жить и зажег их сердца неутолимимым огнем познания. Миф о Прометее лег в основу знаменитой древнегреческой трагедии Эсхила «Прометей прикованный».

Хрестоматийный текст знакомит учащихся с преданием о том, как жестоко наказал Зевс человеколюбца Прометея за похищение огня, который он добыл для людей. Гефест стал исполнителем воли несправедливого бога-громовержца.

В ЦАРСТВЕ ПОСЕЙДОНА

Глубоко в пучине моря стоит чудесный дворец великого брата громовержца Зевса, колебателя земли Посейдона. Властвует над морями Посейдон, и волны моря послушны малейшему движению его руки, вооруженной грозным трезубцем...

Когда он на своей колеснице, запряженной дивными конями, мчится по морю, тогда расступаются вечно шумящие волны и дают дорогу повелителю Посейдону. Равный красотой самому Зевсу, быстро несется он по безбрежному морю, а вокруг него играют дельфины, рыбы выплывают из морской глубины и теснятся вокруг его колесницы. Когда же взмахнет Посейдон своим грозным трезубцем, тогда, словно горы, вздымаются морские волны, покрытые белыми гребнями пены, и бушует на море свирепая буря. Бьются тогда с шумом морские валы о прибрежные скалы и колеблют землю. Но простирает Посейдон свой трезубец над волнами, и они успокаиваются. Стихает буря, снова спокойное море, ровно, как зеркало, и чуть слышно плещется у берега — синее, беспредельное.

Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М., 1957, с. 25.

ГЕФЕСТ

Гефест — самый трудолюбивый из богов. Лишь изредка можно встретить его на приемах у Зевса, и все привыкли считать его отшельником. Однако он не совсем оди-

пок. В своей чудесной кузнице на острове Лемносе или внутри Этны среди верных циклопов божественный механик работает днем и ночью, словно отдых ему не нужен, и только в разгаре тяжелой работы он чувствует себя хорошо. Он кует молнии для Зевса, чинит колесницу Солнца. Кому понадобится щит, кому меч, кому прекрасный золотой панцирь — все идут к Гефесту и знают, что хромой кузнец им не откажет. Когда у него выдается свободное время, он сооружает жезл для какого-нибудь царя или забавляется изготовлением украшений, которых богиням Олимпа всегда не хватает.

Все выходящее из его рук удивительно красиво и совершенно. Иногда же он изготавливает вещи просто волшебные: золотых рабынь, которые двигаются, как живые; кресла, которые сами передвигаются по залу совета богов, стул... О, это было ужасно! Два циклопа появились у ворот Олимпа и сказали, что принесли подарок от своего хозяина для царицы неба. Это был стул. Прекрасный стул. Весь в золоте и драгоценных камнях. Очень удобный. Гера приказала поставить его в своей комнате и села на него. И тотчас какие-то оковы обхватили ее так крепко, что богиня не могла пошевелиться. Кто знает, что бы произошло дальше, если бы не удалось упросить каверзного механика прийти самому и освободить Геру из этого смешного плена.

И снова Гефест возвратился в свою кузницу. В гигантской печи пылает вечный огонь, раздуваемый надсадным дыханием могучих мехов. В чудовищных, закопченных тиглях плавятся различные металлы: золото, железо, медь, плывет сверкающим потоком серебро. Гигантские клещи кусают раскаленные глыбы, по которым молоты ударяют так, что дрожит земля. Грохот наполняет кузницу, а Гефест, хромая и отирая пот, прохаживается около работников и отдает им приказания.

Парандовский Ян. Мифология. Верования и легенды греков и римлян. М., 1971, с. 79—80.

НА ОЛИМПЕ

Высоко на светлом Олимпе царит Зевс, окруженный сонмом богов. Здесь и супруга его Гера, и влатокудрый Аполлон с сестрой своей Артемидой, и златая Афродита, и могучая дочь Зевса Афина, и много других богов. Три прекрасные Оры охраняют вход на высокий Олимп и поднимают закрывающее врата густое облако... Высоко над Олимпом широко раскинулось голубое, бездонное небо, и льется с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далекую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем. Правда, и боги знают печали, но они скоро проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах... Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием власти и могущества дышит мужественное, божественно прекрасное лицо Зевса...

Пируют боги... Подносят им амброзию и нектар — пищу и напиток богов. Прекрасные хариты¹ и музы улаживают их пением и танцами... На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу мира и людей.

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей; счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть — все в его руках. Два больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом — зла. Зевс черпает в них добро и зло и посылает людям, Горе... тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет... свои густые брови, черные тучи тогда заволокут небо. Разгневается великий Зевс, и страшно подымутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; вамахнет он своей десницей — удары грома раскатятся по всему небу, сверкнет пламенем молния, и сотрясется высокий Олимп.

К у н Н. А. Легенды и мифы древней Греции. с. 21—22.

ЗЕВС КАРАЕТ ПРОМЕТЕЯ

Далеко за скалами виднеются снежные вершины кавказских гор, подернутые легкой дымкой. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные вершины. Все больше закрывают тучи небо. Еще мрачнее становится кругом. Безотрадная, суровая местность. Никогда не ступала здесь нога человека. Сюда, на край земли, привели слуги Зевса скованного титана Прометея, чтобы приковать его несокрушимыми цепями к вершине скалы. Слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг. Печальный, низко склонив голову, идет за ними бог Гефест со своим тяжелым молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен своими руками приковать друга своего Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетет Гефеста, но не смеет он ослушаться громовержца Зевса. Он знает, как неумолимо карает Зевс за неповиновение...

Наконец, все окончено. Все сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило острие...

Прометей хранит гордое молчание. За все время, пока приковывал его Гефест к скале, он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него, — ничем не выдал он своих страданий.

¹ У римлян — грации.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними ушел и печальный Гефест. Один остался Прометей; слышать его могли теперь лишь море да мрачные тучи. <...>

В горе Мосхе, на Лемносе, из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил их счету, чтению и письму. Он познакомил их с металлами, научил добывать их в недрах земли и обрабатывать. Прометей смирил дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли люди мользоваться силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряг коня в колесницу и сделал его послушным человеку. Мудрый титан построил первый корабль, оснастил его и выпустил на нем льняной парус, чтобы быстро нес человека корабль по безбрежному морю. Раньше люди не знали лекарств, не умели лечить болезни, но Прометей открыл им силу лекарств. Он научил их всему, что облегчает горести жизни и делает ее счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовержец.

Там же, с. 90—93.

4. ОБРАЗОВАНИЕ АФИНСКОГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

В конце VIII—начале VII в. до н. э. в условиях быстрого развития земледелия, ремесел и торговли резко означились социальные противоречия в древнегреческом обществе. Вопрос о том, как может избежать разорения крестьянин, волновал многих мыслящих людей Греции. Поэт Гесиод, будучи сам земледельцем, склонен был думать, что спасительным средством является хорошо организованный и ревностный труд. В поэме «Труды и дни» (в кн.: Вересаев В. В. Соч. в 4-х т., т. 3; см. «Работы и дни») Гесиод славит труд как основу благополучия, подчеркивая его облагораживающее для человека значение: «Труд не позорен нисколько; позорна одна только праздность». В поэме содержится подробное описание всего цикла сельскохозяйственных работ, дается крестьянину множество советов, должных, по мысли автора, помочь лучшему ведению хозяйства. Гесиод осознает классовое неравенство, негодует против произвола аристократов, но не считает возможным бороться против сильной знати, надеясь на то, что несправедливость должна быть уничтожена волею богов, а также воспитанием в человеке любви к труду и правде. Еще при жизни автора поэма «Труды и дни» имела огромный успех: ее разучивали школьники, ею руководствовались земледельцы, ее использовали в целях воспитания у молодежи твердых нравственных устоев и морали.

Хрестоматийный отрывок «Советы Гесиода землепашцу» может быть использован учителем при изучении материала о сельском хозяйстве Атики (урок «Образование Афинского рабовладельческого государства»).

Современный узбекский писатель Я. Ильясов, написавший несколько интересных исторических произведений, является автором романа «Согдиана». Роман «Согдиана», посвященный походам Александра Македонского, изображает Грецию более позднего времени, но вошедший в хрестоматию отрывок целесообразно использовать при характеристике развития ремесла и торговли в Афинах в VIII—VII вв. до н. э.

На уроке по теме «Победа демоса и укрепление государства в Афинах» учитель ведет рассказ об ожесточенной борьбе демоса с аристократией и реформах Солона. Уместно включить в беседу чтение отрывка «Солон», взятого из книги «Знаменитые греки», представляющей собой вольную литературную обработку жизнеописаний Плутарха. Необходимо особо подчеркнуть, что реформы Солона не примирили демос с аристократами, не отменили рабства, но важнейшим результатом их явилось категорическое запрещение обращать в рабов должников из свободного населения Афин. Свободные граждане Афин, несмотря на имущественное неравенство, пользовались общими политическими правами.

СОВЕТЫ ГЕСИОДА ЗЕМЛЕПАШЦУ

Строго следи, чтобы вовремя крик журавлиный услышать,
Из облаков с поднебесных высот ежегодно звучащий;
Знак он для сева дает, провозвестником служит дождливой
Зимней погоды и сердце кусает мужам безвольным...
Только что время для смертных придет приниматься
за вспашку,
Ревностно все за работу берись, — батраки и хозяин.
Влажная ль почва, сухая ль, — пашь, передышки не зная,
С ранней вставая зарею, чтоб пышная выросла нива.
Вспашешь весною, а летом вздохнешь, — и обманут не будешь.
Передовиц, засевай, пока еще борозды рыхлы.
Пар вздвоенный детей от беды защитит и утешит.
Жарко подземному Зевсу молись и Деметре пречистой,
Чтоб полновесными вышли священные зерна Деметры.
В самом начале посева молись им, как только за ручку
Плужную взявшись рукой, острием батога прикоснешься
К спинкам волов, на ярмо налегающих. Сзади с мотыгой
Мальчик-невольник пускай затруднение птицам готовит,
Семя земель засыпая. Для смертных порядок и точность
В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок.
Склонятся так до земли наливные колосья на ниве, —
Только бы добрый конец пожелал даровать Олимпиец!
От паутины очисти сосуды. И будешь, надеюсь,
Всею душой веселиться, припасы из них доставая.

Гесиод. Работы и дни. — В кн.: Вересаев В. В. Соч. в 4-х т., т. 3. М., 1948, с. 333.

В КВАРТАЛАХ ГРЕЧЕСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Вот и второй мост — через Иллис, что огибает Афины с востока и впадает в Кефис на западе, в оливковой роще. С толпой замерзших селян и купцов Феаген миновал городские ворота и направился к Агоре. По какой идти стороне? По правой, где дворцы, театры, ипподромы, кварталы домов с колоннадой, внутренним двором и садом, или по левой, где ютятся ремесленники? Феаген вспомнил удар бича и свернул налево.

В поздρι Феагена полез стелющийся дым бесчисленных мастерских — приземистых, покосившихся лачуг, опирающихся друг на друга с обеих сторон, в кривых, грязных улицах; его слух раздрали стук, звон и скрежет, доносившиеся из лавок плотников, гончаров, кузнецов, башмачников, кожевников, ткачей, чеканщиков, канатчиков, медников и портных. Тут пахло всем, чем только может пахнуть бедняцкая часть города: дохлой рыбой, замоченной кожей, сырой глиной, козьей шерстью, чадом расплавленной меди, прелым навозом, и лишь запах свежеспеченного хлеба не витал меж убогих хижин из трухлявого дерева, битого кирпича и перегнившего тростника, хижин, где в тесных комнатах с земляным полом обитали люди ремесла.

Через открытые двери мастерских Феаген видел полуголых рабов или свободных наемных рабочих, склонившихся возле гончарного круга или ударяющих о наковальню тяжелой кувалдой. Надсмотрщик подгонял замешкавшихся толстой палкой...

Ильясов Я. Согдиана. Ташкент, 1959, с. 17—18.

СОЛОН

Как рассказывали, Солон... знаменитый афинский законодатель и поэт, происходил из знатного рода: одним из его предков был афинский царь Кодр.

Отец законодателя был человеком небогатым.

О детстве и юности Солона мы ничего не знаем. Известно лишь, что после смерти отца он остался почти без средств. Помощь чужих людей юноша стыдился принять и потому решил попытаться счастья за морем. Он отправлял в заморские страны на кораблях афинские товары и привозил товары чужих стран.

В те времена в Афинах торговлей с заморскими странами занимались только немногие смельчаки... Путешествия за море были делом опасным, но зато одна удачная поездка могла дать большую прибыль. К человеку, побывавшему в чужих краях, который приобрел знания и жизненный опыт, сограждане относились с уважением.

Однако Солон ездил за море не только ради наживы, а и для того, чтобы поучиться мудрости, познакомиться с разнообразными обычаями людей, повидать свет...

Хотя Солон сам разбогател (так как его поездки были удачны), он считал, что доблесть и доброе имя выше богатства:

«Много людей худых богатеют, а добрые — бедны.

Но у худых ни за что не променяем своей

Доблести мы на богатство: она ведь при нас неизменно...»

Вернувшись из путешествия на родину, Солон застал там острую борьбу партий. Простой народ не имел земли и находился в кабале у кучки знатных... Солон сразу же стал на сторону народа и вскоре приобрел его уважение; простые люди видели в нем своего защитника.

Знаменитые греки. Жизнеописание Плутарха. Л., 1961, с. 31—32.

5. СПАРТАНСКОЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В VIII—VI ВВ. ДО Н. Э.

При изучении данной темы необходимо избежать возможную идеализацию жизни спартанцев. Знакомство с классами и классовой борьбой, военной организацией и внутренней жизнью Спарты должно в конечном итоге вызвать у учащихся неприязнь к жестокости и насилию, искреннее сочувствие к угнетенным.

О жестоком отношении спартанцев к илотам рассказывается в отрывке «Криптия» из книги А. И. Немировского «Белая лань». Используя этот текст, учитель рассказывает учащимся о криптии — обычае избияния илотов спартанцами в целях устрашения.

Книга «Белая лань» написана историком и писателем А. И. Немировским, автором учебника по истории древнего мира для школ рабочей молодежи. Его художественно-исторические произведения предназначены для детей. В совершенстве владея историческими фактами, А. И. Немировский обладает способностью художественного проникновения в эпоху и события, о которых пишет. В книге «Белая лань» представлено 16 рассказов, связанных с историей Древней Греции и Древнего Рима. Сюжетами для них послужили отдельные факты и предания, извлеченные автором из исторических источников. Воображение писателя превратило эти крупницы сообщений из прошлого в подкупающие жизненной правдой литературные эскизы. Все рассказы посвящены теме высокой гуманности и благородства человека.

О завоевании спартанцами Мессении рассказывается в повести Л. Воронковой «Мессенские войны». Автор основывается на труде античного писателя Павсания «Описание Эллады». Этот труд представляет своего рода путеводитель по древнегреческим памятникам культуры, в котором Павсаний сообщает ряд важных истори-

ческих сведений. В повести Л. Воронковой значительное место уделено, естественно, и Спарте. В двух текстах из нее — «Песни Тиртея» и «Обычные дни Спарты» — учитель найдет материал для всесторонней характеристики Спартанского рабовладельческого государства. Рассказ о Тиртее особенно уместен в связи с приводимым в учебнике отрывком из его стихотворения. Текст «Обычные дни Спарты», дающий обобщенную картину жизни спартанцев, желательно зачитать в конце урока.

КРИПТИЯ

Забившись в угол, под рогожи, Прокл видел, как вывели из дома отца. Отец не кричал, не сопротивлялся, он шел, наклонив голову, как бык, которого ведут на убой. Конечно, он мог бы дорого отдать свою жизнь, убить двух или трех юнцов, но тогда остальные подожгли бы хижину.

Прокл затрясся в рыданиях. Он знал, что отец больше никогда не вернется, как не возвращались те, кого уводили спартиаты. Тела уведенных находили в роще за деревней или на берегу реки. Их хоронили молча, словно это были какие-нибудь преступники. На похоронах не было никого, кроме родных. Вообще люди в деревне сторонились друг друга и, словно по молчаливому уговору, никогда не вспоминали о тех, кого уже нет.

Так уж повелось, что весной спартиаты приходили в деревню и убивали, кого им вздумается. Впрочем, они никогда не трогали женщин и стариков. И на детей они не обращали никакого внимания. Они выбирали лишь молодых и сильных мужчин, тех, которые могли дать им отпор. Для юных спартиатов это была игра. Целыми сутками они лежали на огородах, в стогах сена. Как волчата, притаившись, они высматривали добычу. Ночью они подкрадывались к хижине жертвы, убивали ее на месте или уводили за собой. Эта игра называлась криптией.

Давно уже Прокл задумывался над тем, почему спартиатам нужно относить сыр, мед, мешки пшеницы или бобов, почему они нападают на сельчан и убивают их. Никто не смог или не захотел ответить на эти мучившие мальчика вопросы. «Так уж повелось, — обычно говорили старики. — Наши отцы и наши деды платили спартиатам дань. Спартиаты всегда убивали, кого им вздумается».

Даже мысли об иной жизни считались преступлением. Отец рассказывал, что однажды спартиаты обратились к сельчанам и предложили всем желающим получить свободу внести небольшой выкуп — три овцы. Нашлось немало таких, кто пожелал освободиться. Спартиаты собрали у них овец, надели выкупившимся в знак освобождения на головы венки и увели с собой. Больше их никто не видел.

Немировский А. Илоты. — В кн.: Немировский А. Белая лань. Воронеж, 1964, с. 71—72.

ПЕСНИ ТИРТЕЯ

Тиртей оказался талантливым поэтом, он писал песни и сам пел их. Сначала Тиртей пел свои песни в доме спартанского царя и в домах знатных спартанцев во время вечерних бесед, после позднего обеда. Потом стал петь для всех, кто приходил его послушать.

Он сочинял элегии, солдатские песни. Он сочинял песни для празднеств, и спартанцы охотно пели их во время процессий. Особенно нравились им солдатские песни.

«Песни спартанцев пробуждали мужество, — рассказывает древний писатель Плутарх, — звали к борьбе, прославляли счастливую участь погибших за родину и срамили трусов».

...Сладко ведь жизнь потерять среди воинов, доблестно павших, — храброму мужу в бою ради отчины своей!..

Солдатские песни Тиртея назывались «Эмбатериями». Спартанцы пели их перед сражением под звуки флейт. И слова этих песен были именно теми, «возбуждающими мужество и зовущими к борьбе», которые так нужны в этот час солдатам. Он сочинял песни хвалебные при победах. При неудачах запевал песню, подбадривающую, поднимающую дух. И пожалуй, ни один государственный вельможа не помог бы Спарте своими советами так, как помогал песнями хромой учитель Тиртей. Тиртей всей силой таланта служил Спарте. И не только о сегодняшних делах и победах Спарты пел Тиртей. Но вспоминал и ее славное прошлое, о том, как воевала Спарта и как побеждала. Сложил он хвалебную песню и о том, как Спарта победила и унизила Мессению.

...Как ослы, согнувшиеся под великим бременем,
Несут они господам от тяжкой нужды половину
Всего, что дает земля.

Спартанцы любили, когда их восхваляли, и любили восхвалять себя сами. Прислушайтесь — у них праздник, у них поют три хора. Поют старики, мужчины и мальчики. Прислушайтесь!

Ст а р и к и. Когда-то были мы могучи и сильны.

М у ж ч и н ы. А мы сильны теперь: не веришь — испытай.

М а л ь ч и к и. Но скоро станем мы еще сильнее вас!

Воронок Л. След огненной жизни.
Мессенские войны. М., 1969, с. 198—199.

ОБЫЧНЫЕ ДНИ СПАРТЫ

Полководец дал знак, и фаланги¹ двинулись в Мессению. Шли молча, ни возгласа, ни бряцания меча, только мерное шарканье грубых сандалий, шум от тяжелой поступи, какой ходит горе, разрушение и смерть.

¹ Фаланга — непрерывное, плотно сомкнутое построение войска во много шеренг.

До утра было недалеко. Но еще мерцали и переливались теплые южные звезды, еще лунно светились мокрые от росы травы и деревья, и отсвет сверкающего неба лежал на черепице храмов и на гребне каменной городской стены. Ни сторожей, ни охраны. Городок спал беззаботно и беззащитно, раскинув по холму свои крутые узкие улицы, полные мирной тишины.

И никто не слышал, как вошли в город враги. Внезапно в Амфее, где только что бродили веселые нимфы и добрые сны, послышались крики ужаса и отчаяния. Стоны и плач сразу заполнили весь город. Спартанцы умело и расторопно работали мечами и копьями. Они врываются в незапертые дома, убивали сонных людей прямо в постелях. Тех, кто успел вырваться и выбежать из дому, убивали на улицах.

Люди толпами бежали в храмы, под защиту богов. Боги были сильны в Элладе: нельзя было убивать человека, припавшего к жертвеннику или к ногам божества. Нельзя было оскорбить бога и тем нарушить непреложный закон эллинской земли.

Но для спартанцев теперь уже не было никаких законов, кроме закона силы и жестокости. Они ворвались в храмы, как в простые дома, и перебили всех, кто надеялся найти там защиту. К утру в городе ни одного мессенца не осталось в живых. Боги их не защитили. Очень немногим удалось бежать из Амфеи.

Там же, с. 150—151.

6. ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ В ГРЕЦИИ И НА БЕРЕГАХ СРЕДИЗЕМНОГО И ЧЕРНОГО МОРЕЙ

Древние греки были искусными мореплавателями. Предприимчивые купцы заплывали в Черное и Азовское моря. На берегах Италии, Сицилии, Крыма, Кавказа возникали греческие колонии. О причинах, которыми была вызвана колонизация, и о процессе освоения переселенцами новых мест рассказывается в тексте из романа Я. Ильёсова «Стрела и солнце». Я. Ильёсов, пытаясь в художественных образах восстановить события двухтысячелетней давности, изображает в романе борьбу между могущественным Боспорским царством и рабовладельческой республикой Херсонес.

Сложные политические и экономические взаимоотношения народов Северного Причерноморья и древнегреческих колоний показаны в романе В. Полупуднева «У Понта Эвксинского»¹. Действие в нем происходит на рубеже II—I вв. до н. э. В первом томе воссозданы события, связанные с конфликтом между Скифским государством и Херсонесом. Во втором рассказывается о восстании боспорских рабов во главе с Савмаком и участии в борьбе скиф-

¹ Историческая трилогия В. Полупуднева, начатая двумя томами «У Понта Эвксинского», завершается романом «Митридат» (М., 1973).

ского населения, угнетаемого греками-колонистами. Автору удалось избежать часто встречающейся в исторических повестях и романах идеализации действующих лиц: его герои — люди своего времени, с племенными, религиозными и социальными предрасудками.

В хрестоматию включен отрывок из романа В. Полупуднева, живо и динамично рисующий причерноморский город Пантикапей, ставший торговым, ремесленным и культурным центром Боспорского царства. Жизнь и облик Пантикапея во многом повторяют те черты, которые были присущи городам самой Греции.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Пока людей в общинах было немного, они еще могли добывать пищу и кое-как уживались между собой.

Но потом, когда народ расплодился и в тяжелой борьбе за место под солнцем разделился на богатых и бедных, грекам стало тесно на их жарком полуострове.

Росла ненависть у бедных.

Накапливалась злоба у богатых.

Споры. Раздоры. Усобицы. По улицам и площадям, взметая пыль, бегали толпы вооруженных мужчин. Богатые преследовали бедных. Бедные избивали богатых.

Побежденные искали спасения в иных краях. Тысячи семейств покидали дома и устремлялись к морю. Под заунывный плач ребятишек и грустные переливы флейт изгнанники погружали скорб в трюмы легких кораблей и отплывали от родных берегов, чтобы никогда к ним больше не вернуться. Скрипели уключины, хлопала паруса. Бородатые, загорелые до черноты кормчие наваливались на рулевые весла. Над водой далеко разносилась песня надежды.

На доброе счастье!

В бухтах, удобных для стоянки галер, переселенцы высаживались, ломали известняк, обносили прочной стеной лагерь, разбитый на ближайшем холме, затем, горячо помолившись Зевсу, принимались пахать деревянным плугом непривычную на цвет, удивительно жирную землю.

С утесистых вершин с опаской следили за чужаками одетые в шкуры зверей молчаливые туземцы. Эллы приближались к ним, вскинув над головой оливковую ветвь, знак мира, и меняли свои изделия на зерно, скот, кожу и шерсть. Когда удавалось, захватывали силой не только товар, но и самих владельцев товара.

Так появились у Черного моря греческие города.

Так возник Пантикапей.

Слово «Пантикапей» означает на местном языке «путь рыбы»: действительно, рядом (по-гречески «Боспор», отсюда и название государства) сельди больше, чем лягушек в болоте...

Пантикапей богател. Он подчинил другие поселения греков на Скалистом полуострове¹, а также на азиатской стороне пролива и превратился в столицу нового царства — Боспора.

Пантикапей — торговый посредник между Страной мрака и солнечной Грецией. Узел купеческих дорог, ворота, пропускающие мощный поток рабов, скота, зерна, рыбы, меди, воска. Зимой и летом бурлил этот поток. Двигались из степей караваны. Отбывали на юг тяжело нагруженные суда. И в руках боспорских царей оседало, подобно речному илу, чистое золото.

Ильясов Я. Стрела и солнце. Ташкент, 1964, с. 13—15.

ПАНТИКАПЕЙ

Между двумя морями у пролива стоит город роскоши и рабства, ненависти и красоты — Пантикапей. Западные ветры приносят ему ароматы полей и степной долины, а порой и зеленых кузнециков, что пытаются прятать по плитам мощеных улиц.

Мать морей Темарунда, а по-гречески Меотиды, дышит сырým рыбным духом, а Скифское море, или Черный Понт, обдает шквалами горьких брызг...

Выше всего, на холме, горделиво стоит акрополь, чопорный и величественный с его храмами, дворцами, колоннадами, великолепными статуями и грозными башнями укреплений. Это Олимп Боспорского царства, на котором живут его земные и небесные боги. Издали, со стороны моря, он напоминает золотую корону на необъятной голове сказочного великана. Акрополь является одновременно и притаенным царством, ибо в нем заседает царь со своими советниками, в его храме горит вечный огонь, привезенный из Милета первыми греками-поселенцами.

Ниже акрополя террасами спускаются дома и укрепленные дворы богатых, средних и просто свободных граждан греческого происхождения, эллинизированных скифов, имеющих свой двор и хоть маленькие доходы.

Еще ниже начинается царство глинобитных лачуг и кривых, пыльных улиц, даже шалашей и юрт, населенных трудовым людом. Здесь располагаются постоянные дворы, загоны для скота, горшечные мастерские, тянутся ряды кузниц и шорных палаток, работают портные и сапожники, мнут кожи кожемяки, трудятся ваятели над кусками гранита и мрамора, надсадно ухают изможденные рабы, вращая день и ночь ручные жернова на мельницах. Все, что производят тысячи искусных рук в полутемных и пыльных мастерских, непрерывным потоком извергается на рыночную площадь, где изо дня в день идет шумный, многолюдный торг. Покупатели стараются перекричать продавцов, но их голоса тонут в реве стад,

¹ Ныне Керченский.

ржании лошадей, блеянии отар в загонах степных кушцов. Скрипят колеса деревенских возов. Надсмотрщики, щелкая бичами, сопровождают партии рабов, связанных попарно и предназначенных для продажи за море...

Недалеко от рыночной площади расположен портовый район с гаванью и доками на тридцать кораблей. Здесь опять много домов и людей, обширные склады, щепные дворы, харчевни для заморских гостей. Кто побывал в Пантикапее, тот никогда не забудет его шумного порта с сотнями кораблей и рыбачьих ладей, острого запаха копченей и соленой рыбы, тяжелого зловония рыбозасолочных сараев, где, словно в аду, от зари до зари копошится легион худых и мрачных рабов, охраняемых целыми отрядами надсмотрщиков и воинов...

...Много великолепия и благочиния в пантикапейских храмах. Красивы и мрачны покои царского жилища. По-эллиски опрятны и уютны дворик частных домов. Много общественных многоколонных зданий. Непрístupны стены города для врагов.

Да, немало интересного и своеобразного в облике богатой древней столицы Боспора, государства жестоких хозяев и обездоленных рабов!

Полупуднев В. У Понта Эвксинского,
т. 2. М., 1966, с. 193—198.

7. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Дополнительный материал по этой теме содержится в книге рассказов из истории греко-персидских войн «За что Ксеркс высек море». Отобрав из труда Геродота наиболее яркие эпизоды войны, Р. И. Рубинштейн сделала их доступными для юного читателя. В хрестоматийном тексте изображен героический бой отряда спартанцев, погибших при защите Фермопильского ущелья.

Одним из решающих сражений между греками и персами была морская битва при Саламине. Стратегический замысел разгрома персов принадлежал талантливому афинскому государственному деятелю и полководцу Фемистоклу. Он является главным действующим лицом исторической повести Л. Воронковой «Герой Саламина». Жизнь Фемистокла и связанные с нею события воспроизведены в повести на основе сочинений Геродота, Фукидида, Плутарха. Повесть богато насыщена разнообразными сведениями о жизни и культуре жителей Эллады. Жестокий бой в узком проливе описан в отрывке из повести, приводимом в хрестоматии.

Греко-персидские войны явились большим испытанием для греческих государств. Ценою гибели многих сынов Эллады полисы отстояли свою свободу. Благодарная память о павших в боях нашла выражение в скорбных и чеканных стихах надгробий и памятников. В подборке текстов приводятся лучшие из них под общим заглавием «Надписи в честь героев». Их автором является древнегреческий поэт Симонид Кеосский (556—467 гг. до н. э.).

У ФЕРМОПИЛ

Ксеркс хлопнул три раза в ладоши и велел вошедшему слуге позвать Гидарна.

— Собери отряд из самых лучших воинов. Вот этот грек будет твоим проводником. Он укажет путь, как обойти Фермопилы.

И с приближением ночи, когда настал час зажигать огни, большой отряд под предводительством Гидарна покинул лагерь. Проводник шел впереди.

Отряд переправился через реку и подошел к узкой тропе. Она вела на гору сквозь покрывавший ее склоны лес. Всю ночь двигались воины, взбираясь все выше и выше, и заря встретила их уже на вершине. Там на южном склоне была греческая застава, охранявшая тропу. За частыми деревьями им не были видны персы, но хорошо были слышны их шаги по шуршащей прошлогодней листве. Раздалась команда. Греки схватили оружие и выбежали навстречу персам. Завязался бой.

Персы отбили атаку и начали спускаться с горы. Проводник шел впереди, указывая дорогу.

Прибывавшие к Леониду воины с заставы сообщили, что персы обходят гору. Грек-предатель открыл им тропу и ведет вниз. Леонид понял, что бесполезно всему войску оставаться в Фермопилах. Большая часть греков должна была отступить. Отряд спартанцев во главе с Леонидом остался на месте. Не ушли также и отряды, над которыми был начальником Демофил. Он сказал, что не покинет Леонида в опасности. Они должны были задержать наступление персов и прикрыть отход остальных войск.

Пока Гидарн обходил гору, Ксеркс снова повел свои войска на приступ Фермопильского ущелья.

Греки, защищавшие ущелье, знали, что им не выйти оттуда живыми. Но они были полны решимости прикрыть отход своих отрядов и дрались отчаянно, не жадая своих жизней.

Тучи стрел посылали персы на горстку смельчаков, засевших в ущелье, даже солнце померкло от их множества и ясный день потемнел. Но стрелы отскакивали от панцирей тяжеловооруженных воинов. Яростным натиском обрушились спартанцы на персов. Мечами и копьями разили они врагов, не давая им опомниться, и теснили их из ущелья. Но Ксеркс поставил позади своего войска целый отряд стражников с бичами, и они избивали каждого, кто бежал с поля брани. И на место одного убитого перса становилось десять других.

Но вот переломались копья у спартанцев, и они пошли драться врукопашную. В смертельной схватке персы и греки поражали друг друга мечами. Но чаще ловкие и тренированные спартанцы побеждали своих противников. Трудно было устоять перед таким многочисленным противником. Вот, сраженный, упал Леонид.

Гибель вождя еще больше ожесточила спартанцев, и они продолжали храбро наступать. Сломались в бою мечи. Один за дру-

гим падают отважные воины, их становится все меньше и меньше. Нет копий и мечей — дерутся руками и зубами.

Много сотен персидских воинов пало в этот день. Среди них были и знатные военачальники, принадлежавшие к богатым персидским родам. Погибли и царские родичи, убиты два брата Ксеркса.

Но вот наконец показались отряды Гидарна, которые проводник-предатель привел в тыл спартанцев. И кончилось сражение.

Оставшиеся в живых похоронили убитых в братской могиле и поставили над ней камень. Ксеркс торжествовал победу. Путь на Атику в Афины наконец был открыт. Но он хорошо понимал, что на самом деле только предательству он обязан своим торжеством.

Рубинштейн Р. За что Ксеркс выскочил на море. Рассказы из истории греко-персидских войн. М., 1967, с. 107—108.

НАЧАЛО САЛАМИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Фемистокл стоял на палубе своего большого корабля. Он медлил, выжидал, не спуская зорких глаз с персидских кораблей. Но, когда увидел, что персы подошли к проливу, дал команду вступать в бой. Эллинские триеры, дружно взмахнув веслами, ринулись навстречу врагу. И тут же персидские корабли, словно хищные птицы, поджидавшие добычу, напали на них со всех сторон.

Эллины дрогнули, гибель казалась неизбежной. Был страшный момент, когда весла поднялись, чтобы грести к берегу, бежать...

Но тут одна из афинских триер вдруг вырвалась из строя и дерзко напала на вражеский корабль. Корабли столкнулись, триера врезалась железным носом в борт персидского корабля и не могла освободиться. Афиняне, увидев это, бросились на помощь своей триере. Персы, рванувшись им навстречу, влетели в пролив.

Начался бой.

Узкий Саламинский пролив помогал эллинам. Их легкие корабли двигались свободно, увертывались, отходили, нападали... А персидским кораблям было тесно, они сталкивались с треском и грохотом, мешали друг другу, то садились на мель, то налетали на подводные скалы. Сражалась только малая часть флота, все персидские корабли не могли войти в пролив и бесполезно стояли в открытом море.

Персы бились отважно, они знали, что сам царь смотрит на них. Но сражались они беспорядочно, суматошно, с оглушающим криком, тогда как эллины действовали продуманно и умело. Не так давно они стали моряками, но морские битвы у Артемисия многому научили их.

Один за другим рушились, разваливались, уходили под воду тяжелые персидские корабли. Треск разбиваемых судов, проклятия

военачальников, голоса гибнущих людей, умоляющих о пощаде,— все сливалось в протяжный и страшный гул.

Фемистокл в азарте битвы не видел, как стрелы и копья летят в него с высоких вражеских кораблей. Но он видел, он чувствовал, что эллины побеждают, и радость опаляла сердце. Однако доверять ли неверному счастью сражений?

Но вот уже расстроенная финикийская флотилия, ворвавшись в пролив, пытается пробиться к ионийской эскадре, а эллинские корабли бьют финикийян в проливе, разбивают, топят... А вот эллинская триера гонится за большим персидским кораблем, а тот, убегая, по пути топит свой же корабль.

— Смотри, Фемистокл, это бежит царица Артемизия!

— Смотри, она утопила калинийский корабль! Топит своих союзников!

Афиняне, разъяренные битвой, преследовали и топили вражеские корабли, которые бестолково бросались то в одну сторону, то в другую, пытаясь отбиваться. Спасшись от ярости афинян, они устремлялись к Фалерской гавани под защиту своих сухопутных войск. Но тут их перехватывали эгинцы и жестоко расправлялись с ними.

Персы наконец начали понимать, что эллины намеренно заманили их в эти узкие проливы и что персидские военачальники сделали крупную ошибку. В открытом море они были бы непобедимы, а здесь им просто не дают перевести дыхание.

Персы пришли в отчаяние. И как только начало меркнуть солнце и вечерние тени легли на воду, персидский флот всей массой своих кораблей обратился в бегство.

Воронкова Л. Герой Саламина. М., 1975, с. 80—82.

НАДПИСИ В ЧЕСТЬ ГЕРОЕВ

Фермопильские надписи

Некогда против трехсот мириад здесь сражались четыре
Тысячи ратных мужей Пелопоннесской земли.

Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемон,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

Коринфянам, павшим на Саламине

Странник, мы жили когда-то в обильном водою Коринфе,
Ныне же нас Саламин, остров Аянта, хранит;
Здесь победили мы персов, мидян и суда финикийцев
И от неволи спасли земли Эллады святой.

Симонид Кеосский

Античная лирика. М., 1968, с. 178—179.

8. РАБСТВО В ГРЕЦИИ В V В. ДО Н. Э.

После греко-персидских войн резко усилилось поступление рабов в греческие государства, особенно в Афины. Рабы находят широкое применение в различных отраслях хозяйства.

Труд рабов, занятых в ремесленном производстве, их голодное и бесправное существование убедительно рисует отрывок «В гончарной мастерской» из повести Ю. Логвина «Далекими дорогами».

Рабов не считали за людей. Даже образованные рабовладельцы, отдававшие свое время наукам и искусству, проявляли к рабам презрение и жестокость. Сильное эмоциональное воздействие может оказать на учащихся сюжетный текст «Гибель раба-натурщика», представляющий сокращенный и адаптированный вариант новеллы А. Немировского из сборника исторических рассказов «Белые, голубые и собака Никс». Текст требует некоторых пояснений в связи с тем, что учащиеся мало представляют труд художника, в частности использование им живой природы.

Исторические источники редко доносят до нас сообщения о возмущениях и восстаниях рабов. Однако даже скудные сведения в сочинениях античных авторов позволяют говорить о нарастании недовольства и сопротивления рабов. Отрывок из романа Я. Иль-ясова «Стрела и солнце» повествует о том, как боролись рабы в Греции.

В ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Дом и мастерская гончара стояли под кручей. Двор был широкий, огороженный плетнем из камыша и колючего терна, чтобы свиньи и собаки не разбили посуду, которая просыхала на солнце. В ручье, около двора, гончар выдолбил печь.

Когда мы зашли в его дом, он снял с себя белый плащ, облачился в тряпье, подвязал волосы и бороду ремешками и приказал мне приступить к работе.

Он разжег огонь в печи, в которую уже были заложены большие амфоры. Я подносил терновые ветки и дубовые поленья из кучи нарубленных дров, а мой хозяин старательно подкладывал их в топку. Скоро печь уже пылала сильным огнем. Он гудел в сонной тишине летней ночи, а из трубы летели в небо красные искры.

Амфоры от огня сначала покраснели, а затем стали белеть.

Как только они стали совсем белыми, будто прозрачными, гончар крикнул жене, чтобы она вынесла нам поесть.

...И вновь встал за работу. Я подносил из поленицы топливо, он его подбрасывал в печь. Лишь далеко за полночь, когда уже гудело не только пламя, но и моя голова, словно пустой котел, хозяин разбудил невольника и сына, чтобы они наблюдали за печью до утра, а мы с хозяином отправились спать.

Худая смуглая хозяйка зажгла глиняный светильник и, открутив ремешок на засове, провела меня в боковую комнатку.

Тут можно было задохнуться, пахло чесноком и кисловатостью невыделанных шкур. На шкурах, посреди пола, спали четыре человека. Совсем голые, грязные, с коротко остриженными волосами на голове и бороде, они застыли в неудобных позах и тяжело дышали, раскрыв заправшие рты.

Это были рабы моего хозяина.

Хозяйка показала тот угол, где лежала только солома даже без дрянной шкуры. Но и на этой трухлявой соломе, не взирая на духоту и смрад, я быстро заснул.

Однако спал я недолго. Пробудился потому, что кто-то толкал меня под ребро ногою.

— Проспись.

Надо мною стояла жена гончара и подталкивала меня босой ногой. Руки у нее были заняты: она сучила нитку, и веретено тихо шелестело под ее пальцами...

Мои соседи рабы, обернув бедра грязным тряпьем, сидели на шкурах, давились сухими маслинами и грызли чеснок. Я мгновенно поднялся, схватил из глубокой миски горсть маслин и головку чеснока. Маслины были пересохшими, а чеснок полусгнившим. Но что я мог сделать? Чеснок вызвал жажду, и я выпил полный кувшин воды.

Не успели мы позавтракать, как хозяйка принесла кирки, мешки и веревки.

— Быстрее отправляйтесь копать глину! Иначе хозяин лишит вас обеда!

Рабы взяли кайла и мешки, и мы все, дрожа от утренней прохлады, побежали почти вприпрыжку к глиняному раскопу¹.

Логвин Ю. Далеким шляхом (на укр. яз.).
Киев, 1969, с. 28—29.

ГИБЕЛЬ РАБА-НАТУРЩИКА

Фокион увидел его сразу, как только вступил в портик, где много лет обучал афинских мальчиков. Человек лежал на полу, у самой кафедры, лицом вверх. Это был дряхлый старик с изможденным лицом. Редкие седые волосы слиплись от пота. Хитон, покрывавший тощее тело, весь в дырах. Приглядевшись, Фокион различил рубцы от бичей и ожоги на руках и ногах незнакомца. Конечно, это раб, бежавший от жестокого господина. Наверно, он надеялся найти защиту в храме Тесея², но силы изменили ему, и он заполз в портик. Хорошо, что еще

¹ Перевод с украинского языка на русский сделан составителями хрестоматии.

² В Афинах некоторые храмы, в частности храм Тесея, служили убежищем, где раб мог скрыться от преследования.

ранний час и нет учеников. Надо будет дать этому несчастному воды и указать дорогу к храму.

Фокион наклонился к рабу, чтобы помочь ему подняться.

— Чей ты? — спросил он.

— Паррасий, — прохрипел старик, — художник Паррасий. Вот, вот... — Он показывал на следы от ожогов и рубцы.

«Так вот оно что... — подумал Фокион. — Значит, это Паррасий пытал старика. Но зачем?»

Фокион усадил раба спиной к кафедре и взял с полу амфору. Вода — в бассейне против портика. И Фокион сделал знак, что скоро придет.

Когда он вернулся, раб лежал на спине с запрокинутой головой. Сердце не билось.

«Отмучился», — подумал учитель и тотчас же отправился за людьми. Труп надо вынести из портика — скоро придут ученики...

Пестрый портик был полон людей. Прикрепленная к колоннам картина еще закрыта полотном. Все ждали художника. Свое новое творение покажет народу сам прославленный Паррасий. А вот и он, как всегда, роскошно одетый, в щегольских сандалиях с серебряными пряжками, с золотым венком на голове. У художника красивое, выхоленное лицо, самоуверенный взгляд.

Медленно и торжественно приподнял Паррасий полотно. Показались обнаженные ноги, мощное туловище Прометея и изможденное лицо — лицо страдальца. Высокий лоб испещрен морщинами, губы сжаты.

Фокион вздрогнул. На него смотрел тот самый раб, который умер у его кафедры. В глазах у Прометея были ужас, боль и еще что-то, чему Фокион не мог сразу дать название.

Теперь учитель понял, почему художник пытал своего раба. Паррасий стремился передать страдания Прометея. Варвар был его натурщиком...

Все молчали. И тогда в тишине прозвучали слова Фокиона:

— Идемте, дети! Эта картина не может ничему вас научить. Она написана кровью и окроплена слезами неповинного человека. Художник Паррасий пытал его, чтобы правднее передать муки...

— Не обращайтесь внимания на этого глупца! — воскликнул Паррасий, обернувшись к толпе, обступившей его картину. — Это был раб и варвар. Вы слышите, граждане, — раб и варвар!

Немировский А. Художник. — В кн.:
Немировский А. Белые голубые и собачья
Янис. М., 1966, с. 38—42.

БОРЬБА РАБОВ В ГРЕЦИИ

Поначалу рабов было немного. Ненависть к расчетливому хозяину, старавшемуся выжать из них как можно больше, потратив на них как можно меньше, невольники, разбросанные по разным усадьбам и мастерским, выражали пока еще робко. Уклонялись, если случалась возможность, от тяжелой

работы. Тайком ломали станки, кузнечные меха, плуги и бороны. Наиболее смелые сбивали ночью колодки, бежали, спасаясь от собак и сторожей, в темноту. Скрывались в тихих ущельях, выбирали главаря и чинили разбой на суше и на море, подстерегая купцов то под каменистыми мостами, то за глухим мысом, притаившись в легких челноках.

Но жизнь — ведь она не стоит на месте! Чем дальше, тем гуще население. Гуще население — шире потребность в еде, нитях, одежде, обуви, утвари. От года к году росли усадьбы и мастерские. Больше усадеб и мастерских — больше нужды в рабах. И все больше скапливалось у богатых эллинов «говорящего скота». И пришел час, когда рабы превратились из силы созидательной в разрушительную.

Ильясов Я. Стрела и солнце, с. 15.

9. МОГУЩЕСТВО И БОГАТСТВО АФИН В СЕРЕДИНЕ V В. ДО Н. Э. АФИНСКАЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Процветание Афин в значительной мере основывалось на развитии торговли. Афинская морская торговля сосредоточивается в порту Пирей. Художественная характеристика Пирея представлена в книге А. Усовой «Маленький гончар из Афин». Автор изображает Афины V в. до н. э., т. е. в период наивысшего расцвета и могущества. Герои повести — ремесленники. Знакомая с жизнью одного из них, маленького гончара-художника Архила, читатель побывает в гончарной мастерской, шумном торговом Пирее, на народном собрании и олимпийских играх. Рассказ о важных политических событиях той поры позволил автору ввести в число действующих лиц Перикла, Фидия и других выдающихся деятелей Древней Греции. Взятый из этой книги текст «Пирей» поможет расширить представления учащихся об афинской морской торговле.

Интересные подробности об организации и проведении народного собрания (эклесии) в Афинах содержится в зарисовке из книги Ф. Арского «Перикл». Собрание обсуждает предложение Перикла о вознаграждении лиц, занимающих выборные должности. Этот закон укреплял власть демоса, так как позволял его представителям принимать участие в управлении государством, обеспечивая их материально. Книга Ф. Арского издана в серии «Жизнь замечательных людей» и представляет собою беллетризованную биографию Перикла. Периклу посвящен также роман советского писателя Г. Гулиа «Человек из Афин». В романе получили отражение последние годы жизни Перикла, когда он, будучи временно отстраненным от государственных дел, вел частную жизнь. Однако автор все время обращается и к прошлой жизни Перикла, которая как бы составляет второй план романа.

ПИРЕЙ

После победы афинян над персами, в тот раз, когда миновала опасность нового вторжения врага, граждане Афин взялись за восстановление своего города. Прежде всего решено было укрепить надежно его стены, а для этого нужно было связать Афины с Пиреем и создать защиту Афин от врата с моря. Много людей потребовалось тогда для работы на постройке этих стен! На помощь строителям сюда пришли старики, женщины и подростки из города. Они подтаскивали кирпичи, дробили камень, замешивали растворы извести для фундамента стен.

Каждый делал то, что было в силах делать. Стены росли на глазах у всех, на мощном фундаменте из кирпичей, с окнами между зубцами стенок, к которым прикрепляли бронзовые ставки. На повозках строителям стен подвозили каменные плиты для прохода.

Пять лет шла работа над «длинными стенами» афинского порта. Это строительство было завершено уже при Перикле...

Благодаря тому что Афины после войны с персами сделались хозяевами моря и стали могучей морской державой, они вели торговлю со многими государствами, городами, островами и странами Востока. Множество кораблей приходило в торговый порт Пирей. Они привозили афинянам товары, которые трудно было достать в другом месте: зерно и папирус из Египта, слоновую кость из Африки, драгоценные ковры и ароматические масла из Аравии и Персии, зерно, пшеницу и плоды из Финикии, медь и бронзу с островов Эгейского моря, соленую рыбу и строительный лес из колоний. Но одним из главных товаров, который привозили торговцы на кораблях в Афины, были рабы.

На пристани Пирея выставлялись образцы всех привозимых в Афины товаров для осмотра покупателями. Тут же толпились и многочисленные менялы и ростовщики, дававшие торговцам деньги в залог под их товары...

Особые камни у причалов с надписью указывали место торговым кораблям для причала. Для хранения товаров имелись склады, находившиеся немного поодаль от торговой площадки порта, неподалеку от харчевен и гостиниц для приезжающих.

Одного не хватало в Пирее — пресной питьевой воды, и ею бойко торговали мальчишки-подростки, дети бедняков из Афин.

В порту длинной вереницей тянулись грузчики, разгружавшие трюмы кораблей. Они несли на плечах и на голове корзины и тюки с товарами на склады. Загорелые худые лица их были покрыты потом. От привычки носить на спине грузы они шли согнувшись, даже возвращаясь обратно от складов к причалам...

Со связанными за спиной руками уныло и безучастно стояли невольники на помосте на виду у покупателей.

Все шло как обычно. Ранним утром глашатаи разбрелись по улицам, созывая граждан на Пникс. Их звчные голоса разносились над городом, пробуждая спящих и заставляя торопиться всех, кто не успел управиться с делами. (Как и других чиновников, глашатаев избирали, проверяя их достоинства, главным из которых был мощный и благозвучный голос. Тем, кто выдерживал испытание, вручали лавровый или масличный жезл с изображением двух обвивавших его змей. Еще со времен Гомера глашатаи и вестники пользовались неприкосновенностью: их не имели права оскорбить ни сограждане, ни иноземцы, а насилие над ними считалось тяжким преступлением, требовавшим отщепеня.)

Закрывались лавки и мастерские, запирались городские ворота. Стражники — скифские стрелки, — подгоняя опаздывающих, оцепляли улицы красными канатами, чтобы никто не поворачивал обратно. 6 лексархов с 30 помощниками наводили порядок среди собравшихся: они не пускали на Пникс тех, кому не разрешалось посещать эkkлeсию, задерживали всякого, кто пытался уйти до окончания заседания, штрафовали нарушителей спокойствия.

Наконец, поднялся эпислат и, перекрывая шум голосов, потребовал тишины. Жрец принес в жертву поросят, обнес жертвенное мясо вокруг толпы и произнес молитву. Он говорил тихо, но его слова были слышны всем. Он произносил заклятье против тех, кто будет своими речами вредить народу и государству.

Последние дни Перикл проводил на агоре. Там уже узнали о его выступлении в Совете, и с тех пор только и разговоров было, что о его проекте, который предстояло теперь обсудить в Народном собрании. Одним он казался заманчивым, другим — опасным, третьи упрекали вождя демократов за то, что он делает лишь робкий шаг и останавливается на полпути. Но это был первый шаг, и Перикл знал ему цену. Он знал, что последующие будут легче, главное — начать. И он начал...

— Совет и народ решили... Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга, предложил...

Он предложил вознаградить членов Совета пятисот за их труд и платить по одной драхме в день! Служить за плату! Это казалось кощунством. Издавна афиняне, с уважением относившиеся к труду землепашца или ремесленника, презирали тех, кто нанимается работать за деньги. Они издевались над учителями и философами, бравшими плату с учеников, свысока глядели на художников, скульпторов и архитекторов, получавших жалованье от государства. Уважающий себя свободный афинский гражданин, конечно, должен служить отечеству, не жалея сил, но бескорыстно! Иначе он превратится в обычного слугу, наемного рабочего, поденщика.

Один за другим поднимались на трибуну ораторы. Надев на голову венки, они как бы переставали быть частными гражданами и превращались в должностных лиц, исполняющих общественные обязанности перед народом. Любой мог выступить перед демосом, не опасаясь каких-либо последствий. Не разрешалось лишь рассуждать о вещах, не относящихся к делу, и дважды повторять одно и то же.

Арский Ф. Н. Перикл. М., 1971, с. 131—132.

10. ПИСЬМЕННОСТЬ И ШКОЛА. ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Содержание этого урока может быть особо красочным и занимательным. Вместе с тем учитель располагает большой возможностью использовать материал в целях воспитательного воздействия на учащихся, особенно в той части, где говорится об отношении греков к физическому совершенствованию человека.

Сведения о греческой письменности и классовом характере школы дополнит отрывок «Раб-педагог». Он взят из повести Е. Озерской «Олимпийские игры, или Рассказ об афинском мальчике, который побывал на олимпийских играх, о том, что он там увидел и какие необыкновенные события из-за этого произошли». В книге, в частности, хорошо показано воспитание греческих мальчиков. Художник Киселев украсил эту книгу многочисленными цветными иллюстрациями.

Материал об олимпийских играх вызывает особый интерес учащихся. Картину состязаний в беге рисует текст из книги Я. Видькина «История Лима Великолепного» (в первом издании хрестоматии был использован отрывок из повести А. Усовой «Маленький гончар из Афин»). Рассказывая об этом виде состязаний, учитель может отметить, что каждая олимпиада — четырехлетие в греческом летосчислении — называлась по имени победителя в беге.

Кулачный бой представлен фрагментом из романа У. Пенфилда «Факел». Героем романа, написанного выдающимся канадским врачом-неврологом, является «отец медицины» Гиппократ.

Бег тяжеловооруженных воинов, которому посвящен текст «Выступают гошлиты», был заключительным этапом состязаний на олимпийских играх. Он проходил в конце четвертого дня игр. В пятый день торжественно чествовали победителей-олимпийцев.

Олимпийщики приобретали в греческих городах необычайную известность и славу. Имена победителей и их отцов, а также названия городов, где они родились, трижды объявляли глашатаи. На головы победителей возлагались венки из ветвей оливы, срезанных золотым ножом. Сам атлет и его семья получали большие

привилегии. При возвращении в родной город олимпийщик входил в него обычно не через ворота, а через специально проделанный проем в крепостной стене. В знак особого почета на площадях и в храмах устанавливались статуи атлетов.

РАБ-ПЕДАГОГ

Раб отодвинул заменяющую дверь занавеску. Сбросив ему на руки свой плащ-гиматий, в комнату величаво вошел Арифрон.

— Знаешь, — сказал он жене, — я купил педагога¹ для Лина. Его зовут Гефестом.

— Почему так рано, муж мой? Мальчик еще мал. Разве нельзя оставить его пока с сестрами в гинекее?

— Только женщинам пристало спокойно жить на женской половине дома. Мужчина же должен учиться всему, чтобы стать государственным мужем.

Когда Арифрон с женой вошли в кухню, им навстречу поднялся коренастый широкоплечий человек, одетый в короткий шерстяной хитон.

Эригона взяла из рук повара корзиночку, наполненную сушеными фигами, и высыпала их на опущенную голову Гефеста, чтобы приобщить нового раба к домашним порядкам и сделать покупку прибыльной и полезной на благо дома.

— Продавец говорил, что ты уж был педагогом, — сказал Арифрон.

— Да господин. Я вырастил молодого Клеофонта.

— Ну, скажи мне, что должен делать педагог?

— Сопровождать молодого хозяина, куда бы он ни шел — в школу, в палестру², носить за ним книги, таблицы, музыкальные инструменты. На улице надо следить, чтобы мальчик ни с кем не говорил, чтобы он шел, опустив глаза и уступая дорогу взрослым.

— Так, хорошо. А известны ли тебе правила хороших манер?

— Мальчик не должен первым заговаривать со старшими или громко смеяться. Нехорошо класть ногу на ногу, опираться на руки подбородком. Если необходимо почесаться, надо делать это незаметно. Надо встать, если в комнату входят старшие.

— Знаешь ли ты, как должно вести себя за столом?

— Да, господин. Мальчику полагается ничего не брать самому, нельзя также ни о чем просить. Хлеб следует брать левой рукой, всякую другую еду — правой. Соленья берут одним пальцем, рыбу, мясо и хлеб — двумя...

¹ Греческий педагог — не учитель, а что-то вроде дядьки, который повсюду сопровождал молодого хозяина и следил за его поведением.

² Палестра — площадка для спортивных упражнений.

— Ну, что ж, пожалуй, он достаточно обучен, не так ли, Эригона?

— Да, муж мой. Я надеюсь, он не будет очень суров с Лином.

— Если Лин слишком избаловался за семь лет, которые он провел с женщинами в гинекее, ему придется попробовать розги, — засмеялся Арифрон.

Озерецкая Е. Л. Олимпийские игры...
Л., 1972, с. 6—8.

СОСТЯЗАНИЯ В БЕГЕ

В наступившей тишине звонко пропела труба. Из-под развесистых олив священной рощи Альтис показалась торжественная процессия. Судьи и руководители состязаний в пурпуровых одеяниях медленно перешли поле и заняли места возле стартовых колонн.

Снова звучит труба, и на арену выходит глашатай. Над стадионом разносится его голос:

— Состязающиеся в беге, выходите! Оливы Геракла ждут сильнейшего!¹

Судья в коротком, едва прикрывающем бедра плаще выстраивает обнаженных атлетов на середине арены. Глашатай объявляет их имена и места рождения.

Клеарху знакома эта церемония. Когда-то в играх имели право участвовать только свободные греки, не подвергавшиеся суду. Да и они должны были иметь доказательства, что не менее года перед началом игр посвятили только тренировке.

Между тем, у стартового столба выстроились участники доликодрома². Они время от времени поднимают головы и читают надпись на столбе: «Будь смелым!»

«Лучше бы написали: «Имей длинные ноги!» — весело думает Клеарх. Звук трубы заставляет его, как и всех зрителей, встать.

Группа бегунов, словно подхлестнутая одним гигантским бичом, срывается с места. Мелькают загорелые ноги. Стараясь не толкнуть противника, атлеты стремятся вырваться вперед, туда, где ровной полосой протянулась выбитая сотнями сильных ног, свободная еще беговая дорожка.

Вот уже пройден стадиий. Первый поворот. Огибая колонну с надписью: «Возвращайся!», атлеты бегут назад. Второй поворот. Третий. Четвертый... Группа растянулась в неровную цепь. Только трое, не уступая друг другу, упорно стремятся возглавить бег.

Чем ближе они к финишу, тем громче гул на склонах холма. Вот и последняя прямая. Вперед вырывается сухощавый атлет с перекосившимся от напряжения лицом. Рев стадиона подбадри-

¹ Победителей олимпийских игр награждали венком из оливковых ветвей с деревьев, посаженных по преданию легендарным героем Гераклом.

² Доликодром — бег на 24 стадия, что равно 4614,5 метра (один олимпийский стадиий равен 192,27 м)

вает его. Он летит, словно на крыльях. Еще одно усилие, и его подхватывают судьи.

— Лисип! Слава Лисипу! — гремит над стадионом имя победителя. Над холмом Кроноса вздымается лес поднятых рук.

Вилькин Я. Р. История Лима Великолепного. Минск, 1965, с. 87—89.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Схватка только началась. На открытом пространстве посреди двора быстро кружили оба бойца. Греки не знали огороженных рингов, а удары наносились не по телу, но только по лицу и голове. Не было ни раундов, ни перерывов между ними, и схватка длилась до тех пор, пока один из противников не падал без сознания или не поднимал указательный палец, признавая себя побежденным. При этом знаке судья немедленно вмешивался и прекращал бой.

Бойцы вытягивали забинтованную ремнем левую руку по направлению к лицу соперника: Это была и защита и подготовка к внезапному выпаду. Правый кулак они держали на уровне плеча, чтобы мгновенно нанести сокрушающий удар, если удастся застать противника врасплох.

— Великолепная пара! — сказал кто-то из зрителей рядом с Гиппократом. — Что за сила, что за быстрота!

Кружа, и Пейсирод и Клеомед выставляли вперед левую ногу. Правая была повернута так, чтобы придать рывку особую силу.

Гиппократ еще раз отметил про себя необычайную длину рук Пейсирода. Родосец двигался очень легко, уклоняясь и отступая под натиском Клеомеда. Но при этом его длинная левая рука время от времени наносила удар то по лицу Клеомеда, то по голове. Удары были легкими, однако слишком частыми.

Клеомед заметно превосходил противника силой. Его выпады правой были исполнены сокрушающей мощи, но Пейсирод обычно успевал отскочить либо уклониться. Один раз Клеомеду все же удалось зацепить его по скуле, и Пейсирод зашатался. Зрители завопили. Клеомед двинулся вперед, но Пейсирод уже оправился и успел увернуться.

Клеомед... начал бой, находясь во власти раздражения, не подумав заранее, как его вести, испытывая мучительную растерянность. Один глаз у него уже совсем заплыл. Теперь он перестал нападать и, пригнувшись, старался только сблизиться с противником. Внезапно он скользнул под левую руку Пейсирода и нанес прямой удар. Но Пейсирод вовремя отклонился и ударил его правым кулаком в челюсть. Он пустил в ход правую руку чуть ли не впервые за всю схватку. Клеомед рухнул наземь и остался лежать неподвижно.

Раздались оглушительные крики. Судья объявил Пейсирода победителем и вручил ему лавровую ветвь.

Пенфилд У. Фанел. М., 1964, с. 195—196.

ВЫСТУПАЮТ ГОПЛИТЫ

Бег в полном вооружении был заключительным зрелищем на олимпийских играх. Воины в металлических шлемах и наколенниках, с тяжелым щитом в руках должны были пробежать два стадия.

— Вот она — надежда и защита Эллады! — серьезно сказал Каллий Лину, указывая на гоплитов. — Они непобедимы! Никто еще не мог устоять против их непреодолимой атаки. Когда-нибудь и ты, как гражданин Афин, встанешь в их ряды. Но к этому надо готовиться, мой мальчик. Долго готовиться, с детства. Лишь тогда станет твое тело гибким и крепким и в тебе разовьются храбрость и сила, нужные, чтобы быть деятельным слугой отечества в мире и на войне... Ты сделаешь это?

— Да, Каллий, клянусь тебе, — так же серьезно ответил Лин. Бег гоплитов продолжался недолго.

В розовых сумерках заката шеренга воинов в покрытых пылью доспехах покидала стадион, приветствуя поднятой рукой вставших со своих мест зрителей.

— Слава нашим гоплитам! Слава! — неслись крики.

Несколько человек, подняв на руки старика, трое сыновей которого участвовали в беге, с триумфом понесли его вслед за уходящими воинами, и последние, уже увядшие за длинный, жаркий день цветы и венки со всех сторон летели к их ногам...

Олимпийские игры закончились.

Озерецкая Е. Олимпийские игры...
с. 59—60.

11. ИСКУССТВО И НАУКА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Расцвет рабовладельческой демократии в ряде греческих полисов, особенно в Афинах, обеспечил благоприятные условия для развития культуры.

Греки создали первый в мире театр трагедии и комедии, возникновение которого было связано с культом Диониса. В течение ряда столетий представления в честь Диониса переродились в театральные постановки со сценой, хорами и актерами, причем если первоначально главным действующим лицом был хор, то позднее он стал вытесняться игрой отдельных персонажей — актеров.

В становлении древнегреческого театра огромную роль сыграли великие писатели Эсхил, Софокл и Аристофан.

Эсхил (525—456 гг. до н. э.) считается родоначальником трагического жанра, по выражению Ф. Энгельса, «отцом трагедии». Эсхил впервые внес в трагедию драматический конфликт и придал ей общественное звучание, обращаясь к злободневным для своего времени политическим и общественным событиям. Благодаря Эс-

хилу трагедия стала содержать настоящее действие, так как им был введен на сцену второй актер. Эсхилом написано 90 пьес, до нас дошло только семь произведений. Тринадцать раз Эсхил выходил победителем на драматических состязаниях, имея порой своим соперником Софокла. Наиболее знаменитыми произведениями Эсхила являются трагедии «Прикованный Прометей» и «Персы».

Не меньшей известностью пользовался в Греции Софокл (496—406 гг. до н. э.). Он был современником Перикла и входил в круг его друзей. Будучи богатым человеком, Софокл принимал деятельное участие в общественной жизни: в 441 г. до н. э. был избран даже стратегом, что случилось, по преданию, благодаря необычайной популярности его лучшей трагедии «Антигона». В театре еще при жизни Софокл имел колоссальный успех, одержав 24 победы в драматических состязаниях. Софокл ввел в действие третьего актера. Из 123 драм, написанных Софоклом, нам известны всего лишь семь, в числе их «Царь Эдип», «Электра», «Антигона», «Эдип в Колоне».

Древнегреческого писателя, автора сатирических пьес Аристофана (445—385 гг. до н. э.) называли «отцом комедии». В течение сорока лет Аристофан написал более сорока комедий, из которых до нас дошло только одиннадцать: «Всадники», «Облака», «Осы», «Мир» и др. В комедиях Аристофан бичевал недостатки рабовладельческой демократии, выступал против межгреческих войн, порой высмеивал олимпийских богов и т. д. Свои симпатии автор комедии неизменно отдавал греческому крестьянству, считая труд земледельца наиболее важным и благородным.

Театр в Древней Греции называли «школой для взрослых». Греки любили театр и окружали почетом и всеобщим уважением прославленных авторов пьес. В честь их слагались стихи. Заключительная часть стихотворения поэта Диоскорида, посвященная Эсхилу, приводится в хрестоматии.

Представление о древнегреческом театре дают два текста: «Амфитеатр» и «В греческом театре». В первом амфитеатр представлен как архитектурное сооружение со всеми его композиционными особенностями (описывается строительство амфитеатра в Сиракузах при тиране Гьероне). Во втором театр выглядит таким, каким он видится не зрителю, а человеку, принимающему участие в подготовке спектакля.

Древние греки достигали изумительного мастерства и в других отраслях искусства: архитектуре, скульптуре и живописи. Их творения стали классическими образцами для строителей и художников всех последующих веков, нередко оставаясь и в наши дни примерами недостижимого совершенства. О таких шедеврах рассказывается в тексте «Великий скульптор Фидий». Чувством восхищения пронизаны посвященные шедеврам искусства стихи античных авторов. В них особо подчеркнут глубокий реализм, присущий древним мастерам.

Многого достигли греки и в развитии науки. Крупнейшим ее представителем был философ Демокрит. С.-Я. Лурье и М. Н. Ботвинник написали о нем книгу «Путешествие Демокрита». Древний мыслитель изображен в ней как человек, страстно увлеченный наукой, непрестанно ищущий разгадку явлениям природы. Чтение книги полезно в целях атеистического воспитания и первого элементарного знакомства с зарождением и борьбой материализма и идеализма. Текст «Древнегреческий философ Демокрит» хорошо передает основную суть исканий и убеждений ученого.

АМФИТЕАТР

В одном из районов Сиракуз, Неаполе, амфитеатр существовал уже лет двести... Этот амфитеатр считался лучшим во всей Сицилии. Но два последние бурные столетия оставили на нем свой след: каменные скамьи потрескались, начала разрушаться сцена, полукругом расположенная против трибун. Трибуны размещались на склоне холма. Между ними и сценой на поросшей травой площадке, которая называлась оркестрою, когда-то стоял вытесанный из цельного мрамора жертвенник Диониса. Теперь жертвенник вконец разрушился, его едва можно было узнать...

И вот сюда уже в течение многих месяцев сгоняли сотни землекопов, каменщиков, плотников, строителей. В холме прорезали дороги, которые вели ко входу в амфитеатр, увеличили на пять рядов трибуны. Теперь амфитеатр мог вмещать четырнадцать тысяч зрителей. Поэтому мастерам, изготовлявшим для актеров маски, было дано указание делать в них большее отверстие для рта.

Особо тщательно строились первые три ряда, на которых сидели знатные люди города. Посередине первого ряда высились нечто подобное двум тронам. Это были места Гиерона и его супруги Филистиды. Около них и за ними — места для членов Гиероновой семьи, родственников, друзей, а также для жрецов, государственных чиновников, высших военных чинов.

Если не больше всего, то всего старательнее пришлось потрудиться над сценой. Она представляла собой двухъярусную постройку, которая стояла совсем отдельно и была разделена колоннами. На первом ярусе — сама сцена на уровне пятнадцати-шестнадцати стоп от земли, на втором — помещение для декораций. Сцена была довольно длинной, но не очень глубокой: артисты могли выходить на нее одновременно из пяти дверей. Декорации спускали и поднимали с верхнего яруса, в то время они были неотъемлемой частью театральных постановок, в отличие от предшествующих веков, когда постановки проходили без каких-либо декораций...

Со строительством нужно было спешить, потому что приближался праздник богини Артемиды, покровительницы города, и Гиерон приказал в этот день показать премьеру драмы. Последнюю

неделю работали даже ночью при свете факелов, чтобы своевременно закончить строительство.

В день открытия люди толпами двинулись к амфитеатру, расположенному в северо-западной части города¹.

С а в а И. Сиракузский великан (на укр. яз.).
Киев, 1971, с. 58—59.

В ГРЕЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Итак, я — мальчик при театре Диониса. Старик Мнесилох рассказывает, что, когда он был маленьким, театров не было. Ходили бродячие актеры, наряжались в бородатые маски сатиров, к ногам привязывали копыта и пели хором. Запевалой у них был кто-нибудь из жрецов Диониса, и пели они про скитания этого веселого бога, пели нестройно, козлиными голосами, из-за чего народ и прозвал их представления «трагедией», что значит «песня козлов». Аэды, которые ходят с арфой по рынкам и по усадьбам аристократов, воспевая царей и героев, не любили «козлоногих» артистов, поэтому аристократы по их наущению гнали и преследовали бедных служителей Диониса.

Потом Писистрат, тот самый, который хотя и был тираном, но защищал простой народ, учредил праздник — Великие Дионисии. А во время этого праздника — представление трагедий в специально отведенном месте — театре. Театр был воздвигнут возле храма Диониса. В этом театре я и служу...

Надвигаются праздники, и в нашем унылом театре все преобразается. Первым является веселый живописец Полигнот. Он заново расписывает маски, обновляет их так, что они сияют, словно облизанные...

Затем являются поэты: высокий медлительный Эсхил, с голубыми, неподвижными глазами, всегда изящно одетый и старательно обутый; его соперник Фриних, маленький, суетливый, забывчивый, неряшливый...

За поэтами приходят хореги — богатые и знатные граждане, которые в силу жребия или просто ради чести на свой счет устраивают театральные представления. Хореги приводят за собой певцов и музыкантов; за ними толпятся комедианты, чтобы развлекать зрителей в перерывах; торговцы, чтобы продавать пирожки и прохладительные напитки; гадатели, чтобы дурачить простодушных крестьян и чужеземцев; жулики, чтобы выворачивать чужие кошельки. Последним является знаменитый артист, как полководец, в окружении свиты и учеников и поклонников.

И вот настает день представления. Каждая фила, каждая община размещаются точно на предназначенных местах; если кто заблудился, старейшины перегоняют его в другой конец театра.

¹ Перевод с украинского языка сделан составителями хрестоматии.

Вот все утихает. Появляется царственный старец, архонт — эпоним, в окружении других архонтов, стратегов и жрецов. Он усаживается в почетное кресло, дает знак, и представление начинается.

Во время представления у меня множество дел: по знаку Килика (он и в театре распоряжается) я вместе с другими рабами должен бегом нести на сцену декорации и тут же расставлять их. Если по ходу действия полагается лес, мы ставим дерево, если дворец — ставим колонну или дверь. Если ночь, я дергаю шнур, и над оркестрой — местом, где играют актеры и движется хор, — опускается финикийское, дивной работы, покрывало, непроглядно черное, а на нем нашиты серебряные звезды.

Но это еще не все. В мою каморку поочередно забегают то первый, то второй актеры и требуют переодеться: тот — царицей, другой — пастухом. Не успеем мы перевести дух, как они прибегают вновь и приказывают, чтобы их переодели богами, и так далее.

В мгновение ока мы надеваем им на ноги высокие котурны, меняем маски, а пока меняем, вытираем вспотевшие лица и даем прохладной воды. Затем накидываем подходящие к роли цветастые хламиды или расшитые парчой платья и выпроваживаем на оркестру, где тем временем действует хор, изображающий то старцев, то толпу девиц, то бурю, а то и гнев богов.

Несладко нам приходится, но не слаще и актерам. Ведь их всего двое, а действующих лиц в трагедии множество. Вот и приспосабливайся, меняй маску, меняй голоса — то женский, то старческий, то певучий, то брюзгливый, то нежный.

Да и то спасибо голубоглазому Эсхилу — ведь это он ввел, говорят, второго актера, а до него был только один. Вот, наверное, бедняга маялся!

Говоров А. А. Аллмен — театральный мальчик, М., 1974, с. 28—31.

ЭСХИЛУ

...Не были тонкой ручной работой стихи его песен,
Но, как лесные ручьи, бурно стремились они.
Вид изменил он и сцены самой. О, поистине был ты
Кем-то из полубогов, все превозмогший певец!

Диоскорид

Античная лирика, с. 250.

ВЕЛИКИЙ СКУЛЬПТОР ФИДИЙ

Выйдя из ворот дома, братья направлялись к центру города. Вначале пришлось идти медленно и осторожно, глядя под ноги. Улицы жилого района Афин, узкие и неровные, были невероятно грязны, потому что все помои выливались вместе с отбросами прямо из дверей, и все это, застаи-

ваясь в многочисленных ямах, издавало отвратительное зловоние. Названий греческие улицы не имели. Они назывались или по ближайшему храму, или по лавке какого-нибудь ремесленника. Например, у дома Арифрона был такой адрес: «Во внутреннем Керамике, недалеко от горшечной Ефрония, по левой стороне». Вблизи агоры — центральной площади Афин — дорога стала почище, и Лин ускорил шаг...

Обогнув район агоры, братья поднялись по широкой дороге на высокий холм, где находился Акрополь — начало великого города, его крепость и святилище. Венок из стен окружал расположенное наверху плоскогорье. Войдя внутрь, Каллий и Лин сразу оказались перед лицом богини, давшей имя городу. На голове бронзовой Афины-воительницы, возвышаясь на шестнадцать метров над землей, сверкал в лучах солнца позолоченный шлем. Каллий указал мальчику вверх.

— Взгляни, Лин, на золотой наконечник копья богини. Когда корабль плывет к Афинам, этот наконечник, как золотая звезда, сверкает на синем небе и служит маяком для моряков. Богиня, охраняющая Афины, первой встречает своих гостей.

— Кто же сделал эту статую?

— Наш земляк, скульптор Фидий. Он был тогда еще совсем молодым. Сейчас ты увидишь еще одну его работу.

— Где, Каллий?

— В самом прекрасном из всех созданий нашей архитектуры — в великом Парфеноне. Смотри же...

И восхищенный Лин увидел величественный храм из белого пентеликонского мрамора. Громадный, он казался воздушным и легким, словно случайно опустившимся на мгновение, чтобы увенчать собою вершину Акрополя. Восемь белоснежных колонн по фасаду и семнадцать по бокам, окружая храм, устремлялись к синему небу. На восточном и западном фасадах ряды колонн удваивались, и над ними возвышались скульптурные фронтоны.

— Войдем внутрь, братишка, — сказал Каллий, — и ты увидишь еще одно чудо, созданное Фидием...

Окруженная с трех сторон двойным портиком предстала богиня Афина. Она стояла незыблемая в прямых складках своего золотого пеплоса. Ее левая рука покоилась на щите, обвитом кольцами змеи, правая держала фигуру Победы из слоновой кости и золота. Шлем, украшенный рельефными фигурами, заканчивался высоким гребнем, а нагрудник пеплоса был украшен страшной маской Горгоны, дочери морского божества, со змеями вместо волос, взгляд которой превращал, по преданию, людей в камень. Статую поставили так, чтобы лучи солнца падали через открытые двери храма прямо на сверкающую одежду и бледное, спокойное лицо богини.

— Вот она, Лин, — почти прошептал Каллий, не отводя взгляда от прекрасной скульптуры.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ
О ШЕДЕВРАХ ИСКУССТВА

На Фидиева «Зевса»

Бог ли на землю сошел и явил тебе, Фидий, свой образ;
Или на небо ты сам, бога чтоб видеть, взошел?

Филипп Фессалоникский

На «Телку» Мирона

Овод, обманут Мироном и ты, что стараешься жало
В неуязвимую грудь медной коровы вонзить?
Не осуждаю тебя — что для овода в этом дурного,
Если самих пастухов ввел в заблуждение Мирон?

Юлиан Египетский

Античная лирика, с. 301, 322.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ
ДЕМОКРИТ

Демокрит жил за городом. Несколько членов абдерского совета проводили Гиппократе через рыночную площадь и по людным улицам большого и оживленного приморского города на окраину.

Путь к дому Демокрита вел за город к берегу залива. За башней, возвышавшейся над городской стеной, Гиппократ увидел высокий холм, заросший тенистой рощей тополей и платанов. На вершине холма стоял живописный маленький храм, почти закрытый диким виноградом. Гиппократ и абдериты поднялись на этот холм и стали спускаться по платановой аллее.

Они увидели у подножия холма жилище Демокрита и самого философа. Он сидел на камне в тени платана в простой домашней одежде, бледный, с косматой бородой. На коленях он держал развернутый папирусный свиток, несколько свитков лежало возле. Под навесом рядом с ним были видны туши каких-то животных. Демокрит с увлечением работал. Для того чтобы писать на папирусе, лежащем у него на коленях, ему приходилось низко наклонять голову.

Иногда он переставал писать, вскакивал и останавливался в глубоком раздумье, что-то шепча про себя. Затем он начинал ходить взад и вперед, иногда подходил к навесу, рассматривая внутренности животных, клал их на место и снова в задумчивости садился на камень.

В это время к Демокриту подошла красивая молодая женщина и подала ему кусок хлеба с сыром. Демокрит, не поднимая головы, взял у нее хлеб из рук и стал его есть, продолжая писать.

Гиппократ, абдериты и вслед за ними незнакомец стали спускаться с холма.

— Однако же у него есть жена или рабыня, которая за ним ухаживает, — сказал Гиппократ. — Он вовсе не запустил свое хозяйство.

— Ничего подобного, — сказал один из абдеритов, — он и не думает о браке, у него нет ни одного раба. Эта женщина — Деркетто — жена его раба, отпущенного на волю, поэта Диагора. Они живут поблизости, и она приносит Демокриту пищу и заботится о нем. Если бы не она, он давно умер бы с голоду. Ну разве ты не видишь, что он сумасшедший?

— Нет, пока не вижу.

— Да что ты! Какой же человек, если он в своем уме, станет резать животных и часами рассматривать их, хотя эти животные ни в пищу, ни для гадания по внутренностям не годятся. Кто, как не сумасшедший, станет целые месяцы проводить в одиночестве, не заботясь о пище и не испытывая голода? Демокрит не смотрит за своим виноградником — в нем бродят козы и поедают его, сад и огород сплошь заросли бурьяном.

— Все это еще не говорит о сумасшествии.

— Ах, тебе мало этого! Но Демокрит не признает того, что известно всем людям. Все знают, что дождь посылают людям боги, чтобы рос хлеб. А он заявляет, что дождь происходит от того, что ветер гонит тучи. Если туча наскочит на другую и прорвет ее, из нее льется вода — это и есть дождь. Он говорит, что боги не наказывают людей за дурные дела, что законы не даны людям богами с самого начала мира, а что люди эти законы придумали. И, наконец, он считает, что весь мир состоит из огромной пустоты и мельчайших тел самой различной формы. Он называет их атомами. Все предметы, которые мы видим, по его мнению, только соединения таких телец.

Дурье С. Я., Ботвинник М. Н. Путешествие Демокрита. М., 1964, с. 154—156.

12. УПАДОК ГРЕЦИИ И ПОДЧИНЕНИЕ ЕЕ МАКЕДОНИИ. ОБРАЗОВАНИЕ ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Жизнь и эпоха Александра Македонского привлекали многих писателей. В наше время к этой теме обращались В. Ян и Я. Ильясов, И. Ефремов и Л. Воронкова. В трактовке образа Александра сложились две литературные тенденции. В одном случае личность великого полководца излишне идеализируется. В другом, напротив, на первый план выступают отрицательные черты личности Александра Македонского и его деятельности. Например, совершенно контрастны в этом отношении повесть В. Яна «Огни на курганах» и романы Л. Воронковой «Сын Зевса» и «В глубин веков».

В отличие от других произведений романы Л. Воронковой художественно воссоздают не отдельные события и картины, связанные с деятельностью Александра Македонского, а весь его жизненный путь. Дилогия Л. Воронковой, по существу, беллетризованная биография знаменитого полководца, с достоинствами и недостатками, как правило, присущими большинству произведений этого жанра, часто идеализирующих героя. Романы очень близки к источникам.

В первой части дилогии «Сын Зевса» описаны детство и юность Александра и завоевание Греции его отцом Филиппом II.

Установление македонской гегемонии в Греции было завершено в 338 г. до н. э. в результате решающего сражения — битвы при Херонее. Эта битва и активное участие в ней молодого Александра красочно изображены в романе «Сын Зевса». Приведенный в хрестоматии фрагмент учитель использует на уроке «Упадок Греции и подчинение ее Македонией в IV в. до н. э.».

Роман «В глуби веков» охватывает события от начала восточного похода Александра Македонского до его смерти. В нем прослеживается жизнь полководца вплоть до мельчайших деталей, зафиксированных в античных источниках. Блестящие победы над войсками царя Дария III при Гранике, Иссе и Гавгамелах привели к распаду Персидской державы. На уроке учитель более подробно рассказывает о сражении при Гавгамелах. Поэтому в хрестоматию вошел текст, посвященный этому событию. Динамичная картина кровопролитного сражения, боевая сила македонской фаланги и ударный натиск тяжеловооруженной конницы обрисованы в отрывке из романа Л. Воронковой «В глуби веков».

Следующая батальная сцена «Войска выходят из повиновения» изображает последнюю трудную битву в далекой Индии на берегах реки Гидасп и начавшееся брожение в среде изнуренных походами македонян. Сцена заимствована из романа И. Ефремова «Таис Афинская». Главная героиня романа — гетера Таис, участница и свидетельница продвижения греко-македонских войск в глубь Азии.

В учебнике в конце настоящей темы имеются примерные вопросы для учащихся. В частности, им предлагается дать характеристику Александра Македонского и определить свое отношение к нему. Материал для этого содержится в тексте «Речи за» и «против» Александра». Придворный историограф Каллисфен, долго восторгавшийся Александром, оказался затем в числе недовольных его политикой произвола и подавления свободы. Обличительные выступления Каллисфена стали причиной его гибели. Писатель В. Ян вводит эпизод столкновения Каллисфена с Александром в повесть «Огни на курганах». В этом произведении рассказывается о мужественном сопротивлении народов Средней Азии полчищам Александра. Свободолюбивые скифы и согды, крестьяне и ремесленники со своим вождем Спитаменом противопоставлены персидской и среднеазиатской знати, ставшей ради сохранения власти

и богатств слугами нового хозяина. Автор подчеркивает честолюбие, деспотизм и жестокость Александра Македонского.

Тема освободительной борьбы народов Средней Азии, но с более широким показом исторических событий, решается в романе Я. Ильясова «Согдиана».

БИТВА ПРИ ХЕРОНЕЕ

Уже кончилось лето, когда произошла эта знаменитая битва между союзными и македонскими войсками. Наступил роковой день, который решил судьбу эллинских государств, — седьмое число месяца метагитиона, начала августа.

Сражение произошло в узкой долине между горами Херонеи и рекой Кефисом.

Беотийцы под командой Феагена занимали почетное место — правый фланг. В центре стояли отряды коринфян, ахейцев и других союзников. Левое крыло, у Херонеи, заняли афиняне...

У македонцев на правом фланге, против левого крыла неприятеля, против самого сильного врага — афинян, встал сам Филипп. А на левом фланге, против беотийцев, во главе тяжелой конницы, занял позицию его сын, Александр.

Александр в полном вооружении, в шлеме и в панцире, с мечом у пояса и копьем в руке, сидел на своем неизменном Букефале. И конь и всадник чувствовали первое напряжение друг друга. Букефал, не признававший никого, кроме своего молодого хозяина, повиновался малейшему его движению. Его ноздри раздувались, уши ловили каждый звук, он ждал сигнала броситься в битву.

Перед Александром стоял опасный противник — фиванская фаланга, которая когда-то одержала небывалую победу над Спартой в сражении при Левктрах. Это был «священный отряд» — триста человек самых опытных и неустрашимых воинов; не знавших поражений. Александр глядел на них, на высокие гребни их шлемов, на сверкающую стену их сомкнутых щитов и длинные огни копий, поднятых над щитами...

Оба войска сошлись на равнине. Засверкали копья, зазвенели мечи, тучами полетели глухо гудящие стрелы и дротики...

Филипп знал силу фиванцев и, опасаясь за сына, стремительно двинулся на афинян, чтобы потом зайти в тыл фиванским отрядам. Он теснил афинян, а его правое крыло медленно отходило назад.

Афиняне, увидев это, бросились на отступающих. В радости от такой легкой победы, они, не оглядываясь, мчались за отходящими македонцами. Они кричали, как победители, они торжествовали!

И не видели, что делается на поле сражения...

Александр бился с фиванцами лицом к лицу. Нужна была

огромная сила, большое умение и пылкая ярость, чтобы сражаться с таким опасным врагом. Но у Александра хватило и силы, и умения, и ярости.

Пока афиняне гнались за бегущими с поля, Александр напором своей тяжелой конницы прорвал фиванский фронт, и это сразу решило исход битвы. Сейчас фиванцам нужна была немедленная помощь, но афиняне в своем обычном торжестве и не оглянулись на них. Фиванцы смешались, их полководца Феагена убили, и они, не слыша команды, стали отступать без всякого порядка и почти без сопротивления. Лишь «священный отряд» сражался до конца. Он весь погиб на этом кровавом поле. Все триста человек полегли здесь, как один, никого из них в живых не осталось. Они умирали, не отступив ни на шаг с того места, где их поставил военачальник.

«Священный отряд» пал. Фронт прорван. Фиванцы разбиты. Афиняне, увидев, что они обманулись в победе, побежали.

Воронкова Л. Сын Зевса. М., 1971.
с. 100—102.

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

Утро жарко нолыхало, когда над македонским лагерем наконец зазвучали царские трубы. Войны, уже в доспехах и с оружием в руках, мгновенно построились.

Александр вышел из шатра. На нем был двойной полотняный панцирь, ватый из добычи при Иссе. На поясе висел легкий меч. На плечи был накинут алый плащ старинной работы, дар родосцев, — Александр надевал его, только идя в сражение.

Как всегда перед боем, царь произнес речь. И когда увидел, что войско готово к бою, что оно с нетерпением ждет его команды, Александр сел на коня, взмахнул рукой, и войско, ждавшее этого мгновения, ринулось в атаку. Поскакала конница. Фаланга, сотрясая землю, бегом двинулась на персов. Македонцы навалились на них всей массой, внезапно. Это была буря, стихия, неудержимый шквал. Первые ряды персидского фронта сразу сломались, цепь его разорвалась. Александр мгновенно построил свой конный отряд этеров клином и сам во главе этого клина с яростным криком врвался в гущу персидского войска. Александр рвался к Дарию.

Дарий двинул было на македонцев слонов. Слоны, задрав хоботы, с ревом побежали вперед, растапывая и сбивая всех, кто попадался им под ноги. Сверху, с башенок, прикрепленных у них на спинах, персидские воины сыпали стрелы и дротики. Но легковооруженная македонская пехота скоро остановила эту атаку. Раненые слоны с ревом бежали, не слушаясь своих хозяев.

Тогда на македонцев ринулось множество серпоносных колесниц, высокие колеса угрожающе засверкали длинными острыми ножами. Готовые к этому, македонцы били копьями лошадей, которые, не помня себя от боли, мчались, не повинаясь колесничим. Колесничие, пораженные в лицо македонскими стрелами, выпускали вожжи из рук и валялись с колесниц.

Где не удавалось задержать взбесившихся коней, македонские ряды расступались, и колесницы мчались дальше, в тыл. Там македонские конюхи хватали коней под уздцы и уводили к себе вместе с колесницами. Но когда эти колесницы успевали врезаться в гущу войска, оставалось много раненых и искалеченных людей.

В неистовой битве победа клонилась то в одну сторону, то в другую. Были мгновения, когда македонцы падали духом, видя перед собою огромную массу персидских войск, и готовы были дрогнуть и сломать ряды. Но Александр, сменивший в битве несколько коней, поспедал всюду: он ободрял своих воинов и криком, и укором, и своим примером, своей неустрашимостью.

Пошла рукопашная сеча, бились мечами и копьями. Бактрийским отрядам удалось прорвать македонский фронт. Но, очутившись у македонцев в тылу, они сразу бросились грабить их богатый обоз.

Тем временем Александр, увидев, что там, где стояли бактрийцы, персидское войско поредело, сразу бросился в тыл ослабевших рядов. Он чуть не попал в окружение, но верные агрианские всадники ударили на персов, окруживших царя.

Тут оба строя смешались — и персидский, и македонский. Теперь два царя стояли в битве друг против друга: Дарий на колеснице, Александр на коне, оба окруженные своими отборными отрядами.

Персы отчаянно защищали своего царя, но Александр пробивался к нему упорно, упрямо, безудержно. Он уже видел лицо Дария, видел, как оно исказилось от ужаса... Опять повторяется Исса, опять валятся вокруг него персидские воины, и кони в его царской колеснице начинают вздыматься на дыбы... Александр все ближе к Дарию. А за спиной Александра напирает его страшная фаланга... Конец! Конец!

Нервы Дария не выдержали — он выхватил акинак, чтобы покончить с собой. Но надежда спастись остановила его руку. Он отбросил кинжал и опять, как при Иссе, первым повернул колесницу и погнал коней. Побежал царь — побежало и войско; никто из военачальников не подхватил командования. Войско распалось на отряды, на племена, которые были бессильны перед накрепко сплоченной армией Александра.

Александр гнал персов, страшась упустить Дария. Ну нет, на этот раз он не уйдет! Его разгоряченный конь летел, закинув голову. А позади еще продолжалась битва.

Воронок Д. Ф. В глубь веков. М., 1973, с. 145—148.

ВОЙСКА ВЫХОДЯТ ИЗ ПОВИНОВЕНИЯ

На этой реке, названной географами Гидаспом (Джхелам), и произошла самая тяжкая битва из всех, какие приходилось выдерживать армии Александра после

Гавгамелы. Сражение было даже опаснее Гавгамелы, потому что Александр на какое-то время совсем утратил управление войсками. Шли непрерывные дожди, Гидасп вздулся и разлился, илстые берега превратились в топь. На восточном берегу реки македонцев поджидало индийское войско с царем Пором во главе. Александр рассчитывал легко сломить сопротивление индийцев — и сделал большую ошибку. Лучшие отряды македонского войска под началом Птолема, Гефестиона, Кеноса и Селевка переправились на восточный берег, а Кратер остался с резервом на западном берегу. Македонцев встретили две линии боевых слонов, шедших с промежутками в шестьдесят локтей друг от друга. Между ними шли пешие с громадными луками, из которых можно было стрелять лишь с упора. Стрелы этих луков пробивали броню и щиты.

Индийцы стали теснить македонцев. Увязая в грязи, отчаянно билась новая, бактрийские и согдийские, конные лучники во главе с Александром. На помощь им бросились агриане и гипасписты, но остановить напор индийцев не смогли. Боевые слоны индийцев упорно отжимали македонцев к вязкому берегу, а резервы все не подходили. Оказалось, отряд Кратера стоял за протокой и, выйдя на остров, очутился перед вторым руслом Гидаспа, переправиться через который было непросто.

В самый напряженный момент сражения пал конь под Александром. Букефал не был ранен. Просто сердце старого боевого коня не выдержало целого дня битвы в вязкой грязи. Александр, пересев на свежую лошадь, послал против слонов доблестную фалангу, от которой осталось всего шесть тысяч человек. Отважные ветераны пошли в атаку с боевым кличем «Эниалос!» Слоны не устояли перед ударами длинных македонских сарисс, повернули назад и стали топтать собственное войско, совершенно расстроив ряды превосходной индийской кавалерии. Македонцы, потеряв строй, как демоны, погнались за ними. С фланга ударила запасная кавалерия Пора. Фаланга могла бы потерять многих, но подоспевший Александр заставил пехоту построиться и сомкнуть щиты, отбросив конницу. Тут, наконец, подоспел резервный отряд Кратера. Индийское войско побежало. Надо было завершить разгром, но главным боевым силам Александра было не до преследования противника.

С этого дня, в таргелионе третьего года сто тринадцатой олимпиады, македонское войско как бы надломилось... Ужасное побоище на Гидаспе, грозные слоны и высокие боевые качества индийского войска совсем обескуражили македонцев...

Внезапно македонским воинам стало ясно, что дальнейший путь беспечен. Страну, где умеют хорошо сражаться, не взять налетом. Пространства Индии столь велики, что все войско Александра рассеется здесь, оставив свои кости на этих бесконечных холмах. Военная добыча более не прельщала усталое войско. Их непогрешимый и непобедимый вождь зашел слишком далеко в своем стремлении к великому океану, а неизменная удача чуть

было не покинула его на Гидаспе. Там армию спасла самоотверженная храбрость фаланги и щитоносцев. На этот раз спасла! А впереди еще более грозные противники. У войска не было больше сил. Македонцы были надломлены страшной битвой и всей этой бесконечной войной. Войско отказалось повиноваться, стояло на своем: путь вперед бессмыслен, надо возвращаться домой, пока еще есть силы для преодоления пройденных просторов.

Ефремов И. А. Таис Афинская, М., 1976, с. 419—422

РЕЧИ «ЗА» И «ПРОТИВ» АЛЕКСАНДРА

Первым Гефестион, за ним остальные приближенные македонцы и греки стали падать ниц перед Александром по персидскому способу и обычаям.

Однажды за очередным обильным ужином присутствовавшие приближенные наперебой превозносили «божественного» Александра. Роксана, плохо понимавшая греческий язык, почти не принимала участия в разговоре. Александр, захмелевший, одобрително всех выслушивал и сам произносил хвастливые речи о своих прошлых и будущих победах и подвигах.

Лысец Перитакена обратил внимание Александра на молчание Каллисфена, выглядевшее как вызов и неодобрение среди общего хора похвал Александру. Перитакена предложил Каллисфену произнести речь в честь Александра, надеясь, что Каллисфен откажется и тем докажет отсутствие своей преданности базилевсу.

Каллисфен, всегда державшийся гордо и независимо, нарядный, в выутюженном гиматии и надутый египетскими духами, точно он был у себя в Афинах, поднялся с ложа, спокойно оправил кудри и произнес речь.

Это была яркая речь о великих достижениях и заслугах Александра, таких, о которых тот даже не подозревал. Он сказал о прогрессивном значении его блистательных побед; о том, что Александр стал посредником и примирителем между Западом и Востоком; о том, что он открыл целым народам пути, по которым до него проходили лишь немногие путешественники; о том, что его походы открыли для народов Запада новый мир идей великих культур Азии; о роковом влиянии его походов на будущую историю народов Азии и Европы. Каллисфен высоко оценил способности Александра как государственного деятеля и военачальника, его личное мужество и щедро разбрасываемые им благодеяния...

Переводчики пошленно переводили речь Каллисфена Роксане. Александр слушал сперва с удивлением и недоверием, потом с пристальным вниманием и, когда Каллисфен закончил свою речь, хотел подозвать к себе и наградить.

Но Перитакена, не показывая, что он посрамлен, предложил Каллисфену:

— Если ты истинный софист и мастер речи, то покажи нам; что ты можешь с таким же искусством сказать речь о недостатках походов Великого Александра...

— Да, — подхватил Александр. — Скажи такую речь! Я слышу отовсюду одни хвалебные слова. Я приму твою речь «против Александра» как образчик софистики, выслушаю с дружеским чувством и не рассержусь...

И Каллисфен произнес речь обратного смысла.

В ней он указал: отец Александра, царь македонский Филипп, был выше Александра, ибо это он создал сильную армию, объединил Македонию и Грецию, установил новые формы военного строя и этим подготовил и предопределил успех похода Александра на Восток; не Александру, а его непобедимой армии, его боевым товарищам — грекам и македонцам, прошедшим полмира, — принадлежит слава великих побед и завоевания Азии; как государственный деятель Александр ничего не создал, всюду нес только одно разрушение — он сжег Персеполь, разрушил старые культуры Тира и Сидона, уничтожил десятки городов, величайшие ценности науки и культуры побежденных народов; его «союз Европы и Азии» — это союз победителя и побежденного, раба и господина, союз, основанный на силе победителя и потому обреченный на разрушение вместе с его смертью; своей жестокостью Александр сравнился с худшими тиранами. Любя на словах греков, он продал в рабство тридцать тысяч доблестных фиванцев и распял защитников Тира за то, что они защищали свою родину; он, всем обязанный эллинской культуре, должен был бы поднять ее еще выше, но вместо этого сам, не будучи эллином (здесь Александра передернули), он стал изгонять греков и все греческое из своего войска, окружив себя рабленой побежденной персидской знатью и назначая персов на государственные должности; наконец, он надел персидские штаны и атласные туфли и потребовал, чтобы его боевые товарищи целовали ему ноги, как богу! Разве Ахиллес и другие герои древних греков из столь почитаемой им «Илиады» требовали этого? Разве они допустили бы такое падение образа героя?..

Цель провокатора Перитакены была достигнута — взбешенный Александр вскочил. Левую часть лица и плечо передергивало от гнева.

— Теперь я знаю твоё истинное отношение ко мне! Наконец ты высказался со всей откровенностью; ты мой самый убежденный враг и достоин казни...

Каллисфен ответил:

— Как философ я согласен принять всякую казнь, но как один из почитателей и учеников лучезарного Феба прошу не лишать меня неба, звезд и солнца, не бросать меня в темный погреб. Лучше сразу казни.

— Я так и сделаю.

Я и В. Г. Огни на курганах. — В кн.: Ян В. Г. Исторические повести. М., 1969, с. 296—298.

13. ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В КОНЦЕ IV — ВО II В. ДО Н. Э.

При изучении темы уместно использовать художественное описание Александрии Египетской — крупнейшего города древнего мира, игравшего роль экономического и культурного центра Восточного Средиземноморья в указанное время. Текст «Новая столица Египта» взят из книги для чтения в V классе «Семь чудес света». В первом издании хрестоматии приводился фрагмент из книги С. Я. Лурье «Письмо греческого мальчика».

В III в. до н. э. в Александрии Египетской был основан Александрийский мусейон (храм муз), являвшийся средоточием научной и культурной жизни эллинистического мира. В мусейоне работали виднейшие ученые древности: Эратосфен, Эвклид, Каллимах и другие.

Достопримечательностью этого «храма науки» была редчайшая по своим ценностям библиотека. К сожалению, ее уникальные богатства не сохранились. В 273 г. войска римского императора Аврелиана разрушили и сожгли Мусейон и библиотеку при взятии Александрии; оставшаяся часть книг позднее была уничтожена христианами-фанатиками (см. хрестоматийный текст «Разгром христианами языческого храма»).

В хрестоматии приводится текст «Александрийская библиотека», заимствованный из детской повести венгерского писателя И. Савы «Спракузский великан», изданной на украинском языке. Жизнь и разносторонняя деятельность великого ученого древности Архимеда составляет содержание этой книги.

НОВАЯ СТОЛИЦА ЕГИПТА

Город, ставший столицей Египта, был распланирован геометрически правильно и поделен на кварталы, разделенные широкими мощеными улицами. Две самые большие улицы шириной в 30 метров пересекались под прямым углом. По всей длине их обрамляли мраморные колоннады, дававшие тень и прохладу в знойные дни.

Самым богатым кварталом был Брухейон — квартал дворцов и царских гробниц. Здесь после смерти Александра Македонского был поставлен великолепный саркофаг царя — одна из главных достопримечательностей Александрии. Здесь же находился известный всему миру александрийский Мусейон — обиталище муз, богинь — покровительниц искусства и наук...

Много чудесных изобретений и открытий было сделано учеными Александрии. Большинство из них не получало применения, но иногда силами ученых создавались творения, поражающие современников как неслыханное чудо.

Одним из таких чудес был Александрийский маяк. Он был построен на скале, возвышавшейся на восточном берегу острова Фарос...

Это была трехэтажная башня высотой около 120 метров. Нижний этаж имел квадратную форму, причем длина каждой стенки составляла 30,5 метра. Первый этаж был сложен из крупных плит известняка. Стороны нижнего этажа были обращены к четырем сторонам света — на север, восток, юг и запад. Второй этаж представлял собой восьмигранную башню, облицованную великолепными мраморными плитами. Восемь граней башни были ориентированы по направлению восьми главных ветров. Третий этаж — фонарь — имел круглую форму, его венчал купол, на котором стояла огромная бронзовая статуя бога морей Посейдона, высотой около семи метров...

Улицы, дома, дворцы Александрии тонули в тенистых аллеях, садах и парках. Необычайная для того времени ширина александрийских улиц также особенно бросалась в глаза после кривых узких улочек других греческих городов, где на углах домов ставили толстые каменные тумбы, чтобы неуцлюжие повозки не разрушали стены домов...

В центре города поднимался искусственный насыпанный высокий холм, сделанный для того, чтобы можно было, поднявшись на него, любоваться Александрией. Холм, посвященный Пану — богу полей и лесов, — Панейон — окружал чудесный парк.

Шумная толпа заполняла улицы, площади и парки Александрии.

Нейхардт А. А., Шишова И. А. Семь чудес света. М., 1963, с. 109—119.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

После обеда Эратосфен взял Архимеда под руку и повел его с собою.

— Сначала познакомимся с библиотекой, это моя гордость и, по моему мнению, основа основ Музея. Благодаря библиотеке он стал сосредоточием ученых. Ты, наверное, знаешь — создать Музей решил еще Александр Великий, как только завоевал Египет. Но осуществить свое намерение не смог, потому что отправился в индийский поход, откуда не вернулся. Строительство начал только его преемник Птолемей I, отец нынешнего нашего царя, а сын завершил. Музей делится на три части: библиотеку, в которой мы сейчас находимся, — сказал он, отворив дверь в огромный зал, — академию и район, где живут ученые.

Они уже вошли в зал, и Архимед с изумлением глядел на протянувшиеся вдоль стен полки. На них был бесконечный ряд свитков — рукописей в деревянных или кожаных футлярах.

— Сейчас мы их рассмотрим, — сказал Эратосфен. — Только запечку свою мысль. Одним словом, в академии мы изучаем на выс-

ишем уровне разные науки: математику, логику, философию, риторику, географию, историю и все, что только можно себе представить...

Преподаватели академии — лучшие ученые Эллады, но здесь есть и такие ученые, которые не преподают, а только ведут научные исследования. Каждый решает сам, преподавать ему или нет. Главное для нас, лишь бы это был настоящий ученый. Все они могут жить в Музее, в отдельных домах, и пользоваться всем тем, что требуется для научных занятий: помещением, питанием, оплатой, слугами, рабами... К тому же — все наши рабы имеют элементарные знания в определенной отрасли науки. Есть тут рабы-медики, рабы-математики, а также рабы-ботаники. Таким образом, раб может быть полезным помощником ученого. Есть в Музее и мастерские с чудесными мастерами, знатоками своего дела. Если, например, ученый изобретает новый механизм, он может его изготовить и испытать тут же, а со временем и усовершенствовать. Однако наибольшую помощь ученым оказывает библиотека. — Он артистическим жестом указал на полки. — Она имеет больше тридцати залов, в которых сберегается около 740 тысяч рукописей. Тут ты найдешь все, что создала наука и культура Эллады за всю свою историю. К тому же здесь есть все основные египетские, вавилонские, персидские, ассирийские, еврейские, пунические труды, а также рукописи ученых других народов. Как бальзамировали мумии, что знали о звездном небе в Вавилоне, чьим сыном и внуком был Моисей, о чем писали четыреста лет тому назад персидские поэты, — все это имеется в библиотеке... Я говорил о мастерских. Самые большие мастерские имеет библиотека. Тут постоянно работают тридцать филологов — переводят иностранные рукописи на язык Эллады, — и около ста переписчиков. Наиболее популярные рукописи переписываются в тридцати — сорока экземплярах. К тому же мы получаем немало заказов из Афин, Коринфа, Фив и, конечно, Сиракуз. Но пойдем осмотрим другие залы...

Они пошли длинным коридором, потом повернули влево и поднялись на второй этаж. Эратосфен отворил двери. В комнате на низких скамеечках сидело десять — двенадцать человек, держа на коленях доски с листами папируса. На эти листы они переписывали тексты рукописей, которые им диктовал, подчеркивая каждое слово, человек, сидящий напротив за маленьким столиком¹.

Сава И. Сиракузский великан, с. 93—96.

¹ Перевод с украинского языка сделан составителями хрестоматии.

ДРЕВНИЙ РИМ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА РИМА

Не все темы по истории Древнего Рима могут быть хорошо обеспечены художественно-иллюстративным материалом. К ранней истории Рима писатели почти не обращались. События более позднего периода, такие, как, например, борьба с Карфагеном, реформы Гракхов, восстание Спартака и др., получили отражение в ряде художественных произведений.

Воспоминания римлян о своем далеком прошлом причудливо переплетались с вымыслом. Особую известность приобрело предание об основании Рима братьями-близнецами Ремулом и Ремом. В нем можно обнаружить отголоски некоторых подлинных исторических событий. Например, город Альба-Лонга действительно существовал, и есть основание думать, что выходцы из него и были первыми жителями Рима.

Краткий пересказ легенды помещен в учебнике Ф. П. Коровкина. В хрестоматийном отрывке из книги «Знаменитые римляне» предание представлено в более полной редакции.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ РИМА

Среди множества легенд об этом городе выделилась одна и стала основной. Эта легенда связала возникновение города с именем Ромула. Ее знал каждый школьник в древнем Риме.

Когда погибла великая Троя, часть ее защитников спаслась, унеся с собой сокровища родного города. Во главе троянцев стоял герой Эней. Долго носились корабли беглецов по морю. Наконец ветер пригнал их к берегу. Перед ними была широкая река, впадавшая в море, берега которой густо поросли деревьями и кустарниками. Яркое солнце освещало равнину. Голубое небо отражалось в водах реки и прибрежных озер. Это был берег Италии, и местность называлась Лаций. Беглецы решили поселиться здесь и на берегу одного из наибольших озер основали город Альба-Лонга. Царем Альба-Лонги стал Эней, а потом трон перешел к его потомкам.

С тех пор прошло много лет. Один из царей Альба-Лонги, умирая, призвал двух своих сыновей — Нумитора и Амулия — и сказал им: «Пусть каждый выбирает себе, что пожелает. Один пусть возьмет корону и власть, другой — все могущество».

Нумитор, выбрав корону, стал царем Альба-Лонги. Коварный Амулий взял себе золото, решив, что оно поможет ему добиться власти. С помощью заговора Амулий сверг своего брата с трона и стал повелителем города. Как всякий человек, пришедший к власти нечестным путем, Амулий страшился возмездия. У Нумитора была дочь Рея Сильвия. Амулий боялся, что у нее родятся дети, которые смогут отомстить ему за своего деда...

Чтобы предупредить это, он заставил Рею Сильвию стать жрицей богини домашнего очага Весты. Весталки — жрицы этой богини — обязаны были дать обет безбрачия...

Амулий успокоился, зная теперь, что у Нумитора не будет внуков — его законных наследников. Однако вскоре царю донесли, что Рея Сильвия родила двух мальчиков. Рассказывали, что их отцом был сам бог войны — Марс... Но детей царь не пощадил: он вызвал доверенного слугу и приказал ему бросить новорожденных в Тибр. Слуга взял младенцев, положил их в деревянное корыто и понес к реке. Дул сильный ветер, и по воде ходили большие волны с белыми гребнями. Слуга спустился к реке, но побоялся ее волн и бурного, стремительного течения. Он оставил корыто на краю берега.

Вода в реке быстро прибывала, и вскоре волна подхватила корыто с детьми и унесла. Однако дети не утонули. Течение вынесло их деревянную колыбель на тихое место, где она и застряла в корнях большой дикой смоковницы.

В это время пастух Фаустул, пасший у реки царское стадо, увидел внизу, у воды, корыто с двумя младенцами. Он заметил также волчицу, которая подошла к этому месту. Пастух подумал, что зверь сейчас сожрет детей, и хотел броситься им на помощь, но остановился, пораженный необыкновенным зрелищем. Волчица кормила младенцев своим молоком. Затем прилетел дятел, принесший в клюве пищу. Когда волчица ушла и дятел улетел, Фаустул спустился к реке, взял деревянное корыто с детьми и унес к себе домой. Он назвал одного мальчика Ромулом, другого — Ремом. С тех пор братья жили, росли и воспитывались у пастуха Фаустула и его жены Акки Ларенции.

Ромул и Рем выросли сильными, высокими юношами; они быстро бегали, прекрасно владели мечом и копьем, став смелыми воинами и охотниками. Их уважали и любили за то, что они помогали бедным людям и защищали слабых от разбойников, которых тогда много бродило в лесах. О Ромуле и Реме разнеслась слава, и к ним стали приходить бедные крестьяне и даже беглые рабы...

Вскоре Ромулу и Рему удалось одержать победу над коварным Амулием.

Ромул и Рем провозгласили своего деда Нумитора царем Альба-Лонги, освободили из тюрьмы свою мать Рею Сильвию, окружив ее почетом и уважением.

Нумитор обьявил Ромула и Рема своими законными наследниками. Однако братья не захотели оставаться в Альба-Лонге и решили поселиться отдельно. Вместе с собравшимися с ними людьми они решили основать новый город. Ромул и Рем выбрали для него место, куда когда-то были выброшены Тибром и где их вскормила волчица.

Между братьями возник спор о том, где строить город, как его назвать и кто будет в нем править. Ромул выбрал для постройки Палатинский холм. Рем считал, что лучше строить на Авентинском холме...

Когда Ромул стал копать ров, которым собирался окружить стену будущего города, Рем издевался над работой брата и портил ее. Назревала новая ссора.

Насмехаясь, Рем перепрыгнул через ров и был убит. Одни говорят, что удар ему нанес разгневанный Ромул, воскликнув при этом: «Так будет со всяким, кто осмелится переступить стены моего города!» Другие утверждают, что Рема убил один из друзей Ромула. Рассказывают также, что в стычке погибло несколько человек, в том числе и Фаустул, воспитатель братьев... Город был назван именем своего основателя, а Ромул стал его царем.

Знаменитые римляне. М., 1964, с. 4—8.

2. РИМСКАЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА В СЕРЕДИНЕ III В. ДО Н. Э.

При изучении вопроса о борьбе плебеев с патрициями учитель может использовать короткий, но хорошо передающий остроту общественных взаимоотношений в раннереспубликанском Риме рассказ из книги «Слава далеких веков», составленной по жизнеописаниям Плутарха.

Древние источники донесли до нас свидетельства о попытках плебеев воздействовать на неуступчивость знати. Они покидали Рим, что ставило город в трудное положение, так как основу войска составляли плебеи. При использовании текста учителю следует подчеркнуть, что отдельные эпизоды борьбы ученым кажутся полуполюгендарными, но бесспорно главное: решительными действиями плебеев добились значительных уступок со стороны патрициев, в результате чего совершалась демократизация государства и изменялась его социальная структура.

Текст «Борьба плебеев и патрициев» может быть использован в начале урока и послужит эмоциональным вступлением к разбираемому вопросу.

БОРЬБА ПЛЕБЕЕВ И ПАТРИЦИЕВ

Кучка ростовщиков, ссужая деньги под огромные проценты, опутала своими сетями чуть ли не весь Рим. Граждан среднего достатка они разоряли, а людей совершенно нищих, с которых взять было уже нечего, сажали в тюрьму. А ведь эти люди столько раз храбро обороняли отечество! Когда началась война с соседним племенем сабинян, богачи испугались, как бы народ в ожесточении не отказался их защищать, и клятвенно пообещали облегчить долю бедняков. Но после победы они сразу же забыли все свои добрые речи и обещания, и тут в городе начались беспорядки. Враги увидели, что в Риме назревает мятеж, и, не теряя времени даром, вторглись в римские владения. Консулы призвали граждан к оружию, но никто не откликнулся на их призыв.

Теперь споры вспыхнули уже и среди сенаторов. Одни кричали, что надо уступить беднякам и смягчить непомерную суровость закона, другие требовали держаться твердо и задуть бунт в самом зародыше.

Сенат заседал почти непрерывно, но никакого решения так и не вынес. Тогда бедняки внезапно собрались и, призвав друг друга не падать духом, покинули Рим. Они расположились недалеко от города, на Священной горе.

— Богачи уже давно выгнали нас вон! — с горечью восклицали они. — Италия повсюду даст нам воздуха, воды и место для могилы, а что еще, кроме этого, давал нам Рим, пока мы оставались его гражданами? Ничего, если не считать права умереть от вражеского меча или копья, защищая богачей!

Испуганный сенат послал на Священную гору нескольких пожилых сенаторов, известных искренним сочувствием к простому народу — к плебейам, как их называли в Риме. Один из послов, Менений Агриппа, долго уговаривал и упрашивал беглецов вернуться и закончил свою речь притчей, которая с тех пор сделалась знаменитой.

— Однажды, — сказал Менений, — все части человеческого тела ополчились против желудка. «Среди нас, — кричали они, — ты один бездельничаешь и не приносишь никакой пользы, а мы знай трудимся да трудимся, чтобы тебя насытить!» Но желудок только посмеялся в ответ. «Вам невдомек, — промолвил он, — что я не просто принимаю пищу, но и возвращаю ее вам, справедливо уделяя каждому его долю». Так же точно и сенат: он заботится обо всем нашем государстве и этим приносит пользу любому из граждан.

Но одними уговорами дело не ограничилось. Патрициям пришлось пойти на уступки. Народ получил право впредь выбирать из своей среды пятерых заступников — народных трибунов, а главным правом и долгом трибунов была объявлена помощь тем, кто

пришлет жалобу на несправедливые притеснения властей. Лишь после этого народ взялся за оружие и выступил в поход под командою консулов.

Слава далеких венов. Из Плутарха. М., 1964, с. 61—62.

3. БОРЬБА МЕЖДУ РИМОМ И КАРФАГЕНОМ ЗА ГОСПОДСТВО В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

В III в. до н. э. самым опасным соперником Рима был Карфаген. Корабли карфагенян бороздили воды Средиземного моря и выходили даже через пролив Гибралтар — за столбы Мелькарта — в океан. В V в. до н. э. карфагенская флотилия, возглавляемая Ганноном, отправилась в плавание вдоль западных берегов Африки. Об этой морской экспедиции рассказывается в повести А. Немировского «За столбами Мелькарта» (М., 1959).

Знаменитый французский писатель Гюстав Флобер проявлял особый интерес к исторической тематике. Длительное время он увлеченно изучал античные источники и исследования по истории Рима и Карфагена. Результатом этой работы явился роман «Саламбо». Драматические события восстания воинов-наемников и рабов в Карфагене после первой Пунической войны легли в основу романа.

Алчность и эгоизм карфагенской аристократии, необычайная жестокость эксплуатации рабов и покоренных народов, дикость правов и религиозное изуверство изображаются в нем с большой художественной силой. Особенно выразительно даны сцены военной жизни. Многие действующие лица романа — Гамилькара, Гискон и другие — подлинными участниками этих исторических событий.

В хрестоматии приводится отрывок из романа Г. Флобера «Саламбо», в котором дается описание города Карфагена. Главный торговый порт Западного Средиземноморья, сильная крепость, расположенная на далеко выдающемся в море мысе, Карфаген был грозным соперником Рима.

Соперничество двух могущественных держав нашло исход в продолжительных войнах, именуемых Пуническими.

В период второй Пунической войны, длившейся семнадцать лет, блестяще проявилось военное мастерство карфагенского полководца Ганнибала. В битве при Каннах Ганнибал наголову разбил превосходящие силы противника и поставил Рим на грань почти неизбежной катастрофы. Слово «Канны» приобрело нарицательное значение, являя собою классический пример полного окружения и разгрома противника.

В подборке текстов приводится описание битвы, сохранившееся в трудах древнеримского историка Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Талантливый историк был самым блестящим прозаиком

своего времени. Одна из особенностей античной историографии заключалась в том, что она не была еще полностью отделена от литературы. Поэтому к стилю историка предъявлялись те же требования, что и к стилю писателя. Сочинения Тита Ливия, как и жизнеописания Плутарха, являются выдающимися литературными памятниками античности.

Обобщенная характеристика побед Ганнибала содержится в отрывке из незаконченного исторического произведения Валерия Брюсова «Канусинские беглецы». Известно, что поэт любил историю и не раз обращался к ее сюжетам. Он является автором нескольких исторических романов и повестей из древнеримской жизни. «Изображая прошлое,— писал В. Брюсов,— я старался придать образам и картинам столько живости и яркости, сколько в силах придать им художественное слово... С другой стороны, пределы изобретения, выдумки в моих рассказах строго ограничены... Моим делом было только ярко представить себе и, по мере сил, столь же ярко пересказать читателям все то, что в летописях, в подлинных документах, у историков рассказано сухо, холодно, спокойно»¹.

Несмотря на победу при Каннах и последующие успехи, Ганнибал не смог противостоять тактике «на истощение сил», к которой перешли римляне. Война затянулась, и постепенно стала выявляться нарастающая живучесть римского сопротивления. Ганнибал был вынужден думать о переговорах с Римом.

О близости возможного перелома свидетельствуют события при Казилине. Стойкость защитников этого небольшого городка уже не мог сломить грозный полководец. Текст «Казилин в осаде» — глава из романа А. Немировского «Слоны Ганнибала». Этот роман посвящен драматическим событиям второй Пунической войны. Клятва девятилетнего мальчика, участие в завоевании Иберии, осада Сагунта, переход через Пиренеи и Альпы, Канны и, наконец, поражение при Заме — таков путь великого полководца, изображенный в книге А. Немировского.

После поражения в войне Ганнибал пытается провести реформы, которые должны были укрепить Карфаген и подготовить его к дальнейшей неизбежной борьбе с Римом. Боясь Ганнибала и усиления Карфагена, римляне требуют выдачи опасного врага. Карфагенская аристократия готова удовлетворить требования римлян. Ганнибал вынужден бежать из родного города. Эти события составляют содержание еще одной книги о Ганнибале, принадлежащей перу английского писателя-коммуниста Джека Линдсея. Кроме «Ганнибала», на русский язык переведены исторические романы Д. Линдсея «Подземный гром» и «Адам нового мира». Недостатком их является некоторая модернизация прошлого, тем не менее во многом эти романы достоверны.

¹ См.: Брюсов В. Незданная проза. М.— Л., 1934, с. 5—6.

КАРФАГЕН

Карфаген был хорошо защищен во всю ширину перешейка — сначала рвом, затем валом, поросшим травой, наконец, стеной, высотой в тридцать локтей, из тесаных камней, в два этажа. В ней устроены были помещения для трехсот слонов и склады для их попоны, пут и корма. Затем шли конюшни для четырех тысяч лошадей и для запасов овса, для упряжи, а также казармы для двадцати тысяч солдат с вооружением и военными снарядами. Над вторым этажом возвышались башни, снабженные бойницами; снаружи башни были защищены висевшими на крючьях бронзовыми щитами.

Эта первая линия стен служила непосредственным прикрытием для квартала Малки, где жили матросы и красильщики...

Сзади расположился амфитеатром город с высокими домами кубической формы. Дома были выстроены из камня, досок, морских валунов, камыша, раковин, утопанной земли. Рощи храмов казались озерами зелени в этой горе из разноцветных глыб. Город разделен был площадями на неравные участки. Бесчисленные узкие улочки, скрещиваясь, разрезали гору сверху донизу.

Флобер Г. Саламбо. — В кн.: Флобер Г. Собр. соч. в 5-ти т., т. 2. М., 1956, с. 41.

БИТВА ПРИ КАННАХ

Битва, как водится, началась стычками легковооруженных. Затем вступила в дело галльская и испанская конница. Но меж рекою и рядами пехоты места для маневра не оставалось вовсе, и противники, съехавшись лоб в лоб, схватились врукопашную. На конное сражение это не было похоже несколько, напротив — каждый только и старался стянуть или сбросить врага на землю, впрочем, странная эта схватка продлилась немного — римляне быстро ослабели и повернули назад.

Потом завязывается пеший бой. Сперва галлы и испанцы храбро сдерживали натиск легионеров, но римские ряды были и глубже, и гуще и после многих и упорных атак сломили вражеское упорство. Надобно заметить, что испанцы и галлы стояли клином и теперь, отступая, сперва спрямили общую боевую линию, а потом образовали в ней впадину. А римляне, преследуя и истребляя бегущих, мигом поравнялись с африканцами, размещенными перед битвою по обоим краям пехотного строя, у основания клина, и проскочили мимо них. Тут африканцы двинулись вперед и наискось — навстречу друг другу — и скоро сомкнулись за спиною у неприятеля. Только теперь опомнились римляне, опыненные победой. Победа их оказалась бесполезной, и, оставив в покое ошалевших от страха галлов и испанцев, они принимают новый бой — в окружении и, главное, уже изнемогая от усталости, меж тем как новый противник был свеж и силен.

Сражение шло и на левом фланге у римлян, где союзническая конница встретилась с нумидийцами. Враги были еще далеко друг от друга, когда пятьсот нумидийских всадников, скрыв под панцирями мечи, помчались к римлянам, знаками показывая, что хотят сдаться в плен. Подъехав вплотную, они спешили и бросили к ногам неприятелей свои щиты и дротики. Им велели расположиться в тылу, и, пока битва только разгоралась, они спокойно выжидали, но, когда все были уже поглощены боем, внезапно выхватили мечи, подобрали щиты, валявшиеся повсюду между горами трупов, и напали на римлян сзади, разя в спину и подсекая жилы под коленями.

На обоих флангах безраздельно царил ужас, и все бежали кто куда, а в центре по-прежнему бились — упорно, но безнадежно, и Газдрубал, начальник левого крыла, послал испанскую и галльскую конницу на подмогу африканцам: резня утомила их до такой степени, что руки едва удерживали меч. А нумидийцы рассыпались по всему полю, преследуя бегущих.

Консул Павел еще в самом начале боя был тяжело ранен камнем из пращи, но продолжал сражаться — сперва на коне, а после, когда не стало сил держать поводья, пеший. Его окружал и прикрывал отряд римских всадников. По примеру консула спешили и они, и кто-то, не зная толком, что происходит, доложил Ганнибалу, будто Павел велел конникам бросить своих коней. Тогда Ганнибал заметил:

— Он закрывает им единственный путь к спасению. Уж лучше бы прямо связал их всех да выдал мне!

Спешившиеся между тем бились так, как бьются, уже не сомневаясь во вражеской победе и бегству предпочтя смерть. А победители, разъяренные этой последней помехой, рубили и рубили тех, кого не могли потеснить.

Ливий. Война с Ганнибалом. М., 1968, с. 88—90.

НА ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ

То был год, когда одно имя, в разных формах и на разных языках, повторялось на всех концах тогдашнего мира, и это имя звучало:

— Ганнибал!

С небольшим, но отборным войском карфагенский полководец прошел по всему западному побережью Средиземного моря, по мало ведомым тогда областям Южной Испании и Южной Франции; совершил свой фантастический переход через Альпы, заставив подняться на вечно ледяные высоты Сен-Бернара и закованных в железо воинов, и тяжелые повозки, запряженные быками, и вывезенных из знойной Африки слонов; далее, спустившись в роскошные долины, орошенные рекой По, трижды разбил считавшиеся непобедимыми римские легионы при Тицине, Требии и Тразимене.

менском озере; наконец, утвердившись в Италии, нанес последний, страшный удар Риму, — сокрушил всю его армию при Каннах, причем polegло почти все стотысячное войско, захвачен был весь обоз, пало несколько тысяч человек из знатного сословия «всадников» и восемьдесят сенаторов... День поражения при Каннах навсегда остался отмеченным в римском календаре черной чертой. А всегдашние враги Рима подняли голову, заволновались; поработанный итальянский народ уже мечтал о возвращении утраченной независимости, угнетенные греческие города Южной Италии один за другим присоединялись к победителю, к нему слали послов с предложением союза цари Египта, Македонии, вся Передняя Азия, вплоть до цари отдаленной Армении...

Велико было ликование в Карфагене.

Пылали алтарные огни в храмах Ваала, Молоха, Астарты и других финикийских божеств, страшных, алчущих, жаждущих кровопролитий и человеческих жертвоприношений. Народ на площади любовался выставленной напоказ добычей, которую Ганнибал прислал из Италии, в том числе был ряд огромных серебряных сосудов, доверху наполненных золотыми браслетами, ношение которых было исключительным правом римских «всадников» и сенаторов. В карфагенском Сенате старики обсуждали положение дел, читали донесения послов и высчитывали время окончательного торжества. Было известно, что Ганнибалу открыла ворота Капуя, а за ней — Кумы, Турии, Мегалопонт, Тарент, Арпы, Уксент и другие города. Неаполь пытался сопротивляться, но, должно быть, тоже принужден был сдаться на милость победителя, как и длинный ряд других городов...

Один за другим докладывались карфагенскому Сенату эти письма и сообщения, и Сенат уже предвидел будущее мировое торжество Карфагена. На каких славных условиях заключат они будущий мир с Римом! Карфаген возьмет у римлян обширные провинции по берегу моря и отнимет много богатых городов; мелкие народы просто обратит в рабов, более крупные сделает своими вассалами или заключит с ними свирепые торговые договоры. Весь мир будет подчиняться гегемонии Карфагена: вся земля будет повиноваться воле Карфагена!

Брюсов В. И. Незданная проза. М. — Л, 1934, с. 132—133.

КАЗИЛИН В ОСАДЕ

Незадолго до битвы у Канн в Казилине оказался небольшой отряд римских воинов и римских союзников, не успевших присоединиться к легионам. Известие о каннской катастрофе заставило воинов задержаться в городе до получения распоряжений из Рима. Распоряжения не приходили, а тем временем Капуя успела перейти на сторону Ганнибала и открыть ему свои ворота. Не было сомнений, что жители Казилина,

родственные по языку капуанцам и так же, как они, ненавидящие римлян, в удобный момент призовут Ганнибала. Поэтому римские воины ворвались в жилища казилинцев и перебили их всех до одного.

Так возникла римская крепость в непосредственной близости от Капуи. Это не на шутку пугало Ганнибала. Он послал небольшой отряд ливийцев и приказал начальнику этого отряда вступить с римлянами в переговоры об условиях сдачи города. Ливийцы приблизились к городу, их поразила совершенная тишина и признаки запустения. Полагая, что римляне, испугавшись, сами очистили город, ливийцы начали отбивать ворота и лезть на стены. Вдруг ворота отворились, и два римских маннула набросились на опешивших ливийцев и зарубили их. Вслед за этим был послан с более многочисленным отрядом Магарбал, но и он не смог одолеть нескольких сотен римских храбрецов.

Пришлось двинуться против Казилина самому Ганнибалу со всей своей армией и приступить к осадным работам. Смешно было строить гелеполу для осады такого городка, и Ганнибал решил ограничиться осадными лестницами и подкопами.

Днем и ночью карфагеняне рыли под землей траншею. Выкопанную землю ночью незаметно убирали на носилках. Но римляне с безошибочной точностью находили выходы траншей и преграждали их своими поперечными канавами. Римляне бросали во вражеские подкопы бочки с горящими куриными перьями. Удушливый дым выкуривал пунов, как зверей из нор.

Такая же неудача ожидала осаждающих, когда они попытались воспользоваться таранами и осадными лестницами. Римляне забрасывали врагов стрелами и дротиками, делали частые вылазки. Началось время дождей. Вода заливала подземные ходы. Многие воины заболели лихорадкой. Ганнибалу ничего не оставалось делать, как снять большую часть своего войска. Перед городом был построен укрепленный лагерь, и в нем оставлен отряд ливийцев. Ганнибал надеялся, что голод завершит уничтожение казилинского гарнизона.

На исходе зимы Ганнибал возвратился к Казилину. Воины, находившиеся в укрепленном лагере, уверяли, что в Казилине едва ли осталось две сотни бойцов. Многие римляне, терзаемые голодом, бросались со стен. Другие без оружия стояли на стенах, подставляя грудь стрелам и дротикам. Единственный перебежчик из города уверял, что осажденные давно уже поели всех крыс и мышей и теперь питаются размоченными в воде ремнями и кожами от щитов.

Впрочем, однажды удалось найти в ветвях ив на берегу Вольтурна деревянный бочонок с мукой. Кто-то помогал осажденным, бросая в реку выше города все, что может пойти в пищу.

Ганнибал приказал поставить воинов у реки и, дав им лодки, вменил в обязанность следить за тем, чтобы рекой ничего не пропускать в город. Больше бочек с мукой не видели, но посередине

реки плыли орехи. Осажденные вылавливали их сачками и решетами.

Но более всего Ганнибала удивило, что римляне бросали со стен на взрытую его войнами землю семена репы. «Неужели мне придется стоять под Казилином, пока взойдут эти семена?» — сказал Ганнибал и тотчас же согласился вести переговоры с осажденными.

Осада Казилина отняла у Ганнибала почти год. А сколько в Италии таких Казилинов!

Немировский А. И. Слоны Ганнибала.
М., 1963, с. 164—166

4. РИМСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВО II В. ДО Н. Э.

Последний штурм Карфагена... Во главе римских войск, ведущих осаду города, консул Сципион Эмилиан. Его сопровождает историк Полибий, оставивший нам цепчайшие сведения о Карфагене и Пунических войнах. В римском войске и молодой Тиберий Грахх, будущий народный трибун. Отрывок «Осада Карфагена» из повести М. Езерского «Сила земли» показывает жестокость осадной тактики римлян, рассчитывающих взять город измором, и стойкость обреченных на гибель и рабство карфагенян. Текст целесообразно использовать в сочетании с иллюстрацией из учебника Ф. П. Кóровкина «Осада крепости римлянами».

Второй текст — «Падение Карфагена» — заимствован из повести А. Немировского «Тиберий Грахх». Его содержанию соответствует рисунок в учебнике «Бой в Карфагене».

Рассказывая о разрушении Карфагена римлянами, учитель будет располагать еще одним отрывком из той же повести А. Немировского. У учителя есть возможности выбора того текста, который более отвечает содержанию спланированного им урока.

ОСАДА КАРФАГЕНА

Дни и ночи находился Тиберий среди легионеров. Производились земляные работы: мелькали тысячи лопат, насыпая землю вокруг города, тысячи ног утрамбовывали ее, забивали в землю камни и тяжелые куски дерева, обитые железом. Люди работали молча; только изредка вспыхнет песня, ее подхватят несколько голосов, но, не найдя общей поддержки, заглохнет.

Карфагеняне обстреливали легионы из баллист и катапульт, поражали стрелами из луков и камнями из пращ, но войны, скрываясь за передвижными щитами из прутьев или досок, продолжали работы. Когда же были доставлены винен¹, работа пошла веселее...

¹ *Виня* — длинный навес с дощатыми стенами и крышей, покрытыми сырыми кожами для защиты от огня.

Несколько месяцев спустя Марий торжественно доложил проконсулу¹, что сооружение вала окончено — город заперт с суши.

Сципион задумчиво смотрел на папирус, на котором был старательно вычерчен план Карфагена.

Марий прервал молчание:

— Теперь пойдем на приступ?

— Не будем торопиться. Газдрубал с войском попал в мышеловку. Пусть голод и болезни довершат начатое мною дело...

Осада Карфагена затягивалась, наступила зима. Военные действия почти прекратились. Тиберий получил разрешение Сципиона Эмилиана уехать в Рим.

Дули холодные ветры, шли дожди, и осажденный город с высокими стенами и круглыми башнями, поблескивавшими при свете факелов, стоял темным призраком.

Тиберий бродил среди воинов, стороживших все выходы из города, слушал их беседы, сам разговаривал с ними, но мысль о непогоде, мешавшей уехать, тревожила его с каждым днем все больше...

Не выходили из головы слова Сципиона: «Пусть голод и болезни довершат начатое мною дело», и Тиберию становилось страшно: там, в осажденном городе, не хватает хлеба, люди питаются собаками, кошками, мышами, а когда съедят их, — начнут убивать по жребию друг друга, чтобы не умереть от голода.

Берский М. В. Сила земли. М., 1959, с. 49—50.

ШТУРМ КАРФАГЕНА

Шла третья весна осады Карфагена. Легионеры с вала видели улицы, покрытые трупами мужчин и женщин, умерших от голода. Перебежчики рассказывали, что многие, не выдержав мучений, убивали себя и своих детей. За зиму население огромного города убавилось вдвое. Но и теперь в нем не менее ста тысяч человек...

На заре мартовских календ призывно запели трубы и легионы пошли на приступ. К стене, защищавшей военную гавань, были приставлены длинные лестницы, заработали катапульты, в защитников города полетели тучи стрел. Ослабевшие от голода карфагеняне не могли долго сопротивляться бешеному напору римлян. Через час после начала приступа римляне вышли на набережную; заняв ее, они прошли через мраморные ворота на форум, застроенный великолепными зданиями...

Бои шли на подступах к Бирсе. Каждый дом на трех узких

¹ Проконсул — должностное лицо, бывшее ранее консулом, а затем назначенное сенатом вести войну или управлять провинцией.

улицах, ведущих к акрополю, был превращен пунами в крепость. Жители пропускали римлян вперед и, когда те не ожидали нападения, бросали в них камни, обливали кипятком. Римляне предпочитали двигаться по крышам домов: перебрасывали бревна и доски на соседние или противоположные здания и переходили по ним, как по мостам.

Обойдя храм Танит¹, римляне продвинулись почти к самой Бирсе. Но пуны, воспользовавшись подземными ходами, которые соединяли храм с разными частями города, снова оказались в тылу у наступающих. Римляне были отброшены к карфагенскому форуму, откуда они начали свой путь к Бирсе. Сципион приказал поджечь все три улицы сразу.

Пламя пожирало все, что попадалось ему на пути. Треск рушившихся зданий сливался с криками раненых, с воплями обожженных людей. Вслед за огнем шли легионеры. Топорами и кирками они убрали обломки, сбрасывали мертвых и еще живых людей в ямы.

На шестой день путь к Бирсе был расчищен. Карфагенский акрополь возвышался нетронутый, прекрасный. Кто знает, сколько еще придется его осаждать. Но ужасы голода и смерти сделали свое дело. Остатки укрывшегося в Бирсе населения отправили к Сципиону послов. Пять седобородых старцев в длинных до земли одеждах были приняты полководцем. Упав на колени, они просили только сохранить жизнь населению.

Сципион ответил, что обещает сохранить жизнь всем. Но римские перебежчики и Газдрубал не могут рассчитывать на его милость.

Послы удалились. На следующий день из Бирсы потянулась длинная колонна сдавшихся. Тут были мужчины и женщины с высохшей, как пергамент, кожей, грязными, спутанными волосами. Многие хромали, некоторых несли на носилках.

Богачи отличались от бедняков только остатками богатой одежды, золотыми кольцами в ушах, янтарными ожерельями на шее. Легионеры, под предлогом поисков оружия, отнимали у несчастных пленников все, что им нравилось...

Немировский А. И. Тиберий Гранк.
Пенза, 1955, с. 53, 55—58.

РАЗРУШЕНИЕ КАРФАГЕНА

Осенью 608 года² по дороге из Утики в Карфаген скакал гонец. Одной рукой держал он поводья, а другой сжимал деревянную коробку, в которой лежал приказ римского сената полководцу Публию Корнелию Сципиону Эмилиану Африканскому. Последнее имя («Африканский») сенат

¹ Танит — богиня Луны у карфагенян.

² 146 г. до н. э. — год падения Карфагена.

присвоил Эмилиану на специальном заседании, созванном по получению известия о падении Карфагена.

Гонец не знал содержания свитка. Ему только сказали, чтобы он передал его как можно быстрее и что за свиток он отвечает головой.

Поэтому гонец за трое суток спал лишь несколько часов. На корабле поминутно просыпался и ощупывал, цела ли коробка.

В палатке Сципиона толкалось много людей. Все они казались утомленными. Они и на самом деле устали, хотя уже ровно неделю ничего не делали.

Люди ожидали развязки затянувшейся агонии великого города, израненного, поверженного ниц, но еще живого и прекрасного.

Эмилиан взял коробку из рук гонца. Когда он срывал серебряную пломбу, руки его дрожали.

Развернув свиток, Эмилиан впился глазами в строчки. Лицо его потемнело. Опустив свиток, он быстро вышел из палатки, чтобы отдать распоряжение дежурному центуриону. Из римского лагеря по направлению к городу вышла центурия легионеров. Они были безоружны и вместо мечей несли зажженные факелы. Они шли жечь Карфаген.

Семнадцать дней горел Карфаген. Семнадцать дней корчились в огне лимонные и миндальные деревья, за которыми когда-то старательно ухаживали садоводы. Рушились арки и своды храмов, возведенных руками трудолюбивых финикийских строителей; гибли здания, простоявшие сотни лет и достойные того, чтобы стоять многие века. Сгорали в огне спрятанные в тайниках сокровища карфагенских купцов и жалкий скраб бедняков. Пылали библиотеки, хранившие опыт и мудрость народа.

Семнадцать дней горел Карфаген, а на восемнадцатый пошел ливень; казалось, небо не выдержало и разразилось слезами. Дождь шел целые сутки. Римляне прятались в палатках.

Пленные, скованные по четверо, лежали на земле, безучастные ко всему. И когда наутро выглянуло солнце, чистое и яркое, их лица были по-прежнему сумрачны; ни один луч надежды не озарил их окаменевших лиц.

Эмилиан и его свита поднялись на скалу. Вместо прекрасного, полного жизни города до самого залива простиралось черное, безжизненное поле с бесформенными развалинами. Удушливый дым низко стлался по земле. Даже птицы теперь не летали здесь.

Там же, с. 59—60.

5. РАБОВЛАДЕНИЕ В РИМЕ ВО II—I ВВ. ДО Н. Э.

Пунтические войны завершились победой Рима. Население завоеванных стран подверглось массовому ограблению и порабощению. Дешевый рабский труд обогащал крупных землевладельцев, хозяйства которых превратились в обширные имения. Эксплуата-

ция рабов приобрела предельно жестокий характер. Безжалостная торговля рабами и использование их труда на самых тяжелых работах, отягчаемых произволом и наказаниями, стали в Римском государстве характерными явлениями времени.

Простое, но довольно выразительное описание большой усадьбы римского рабовладельца приводится в отрывке из повести писательницы Т. Левицкой-Ден «Братья Гракхи».

Второй текст подборки рисует каторжный труд рабов в испанских рудниках. Советская писательница Н. Остроменцкая, известная юным читателям по повести «Приключения мальчика с собакой», начала писать книгу о времени широких восстаний рабов и превращения Римской республики в империю. Действующими лицами ее должны были стать мужественные участники восстания Спартака. Ярко вписан в начало повести и образ молодого еще Юлия Цезаря. Новая книга осталась незавершенной из-за преждевременной смерти талантливой писательницы. А. Немировский, пользуясь черновиками Н. Остроменцкой, попытался довести сюжетную линию до предполагаемого им конца. Повесть сохранила название «Ветеран Цезаря». Фрагмент о труде рабов в рудниках взят из той ее части, которая написана Н. Остроменцкой.

Отрывок из книги А. Немировского «Белые, голубые и собака Никс», названный «Положение рабов», может быть использован в целях обобщения рассказа учителя о жизни рабов в Риме. Несмотря на краткость, он обладает большой впечатляющей силой. Книга представляет собой сборник публиковавшихся ранее и новых исторических рассказов, при создании которых автор опирался на сюжеты, почерпнутые из подлинных древних документов.

Заключительный текст подборки не только рисует картину пространной расправы с особо провинившимися рабами — распятия на кресте, но и характеризует равнодушное отношение рабовладельцев к мучениям рабов, которые в глазах римлян отнюдь не являются людьми. Небольшой по объему текст целесообразно зачитать на уроке, указав при этом, что в учебнике имеется иллюстрация, изображающая подобную расправу с рабами. Текст взят из романа современного чешского писателя Йозефа Томана «После нас хоть потоп». Многоплановые события романа разворачиваются на широком социальном фоне римской жизни в последние годы власти императора Тиберия (14—37 гг. н. э.). Действующие лица романа относятся к различным слоям римского общества: от императора и его окружения до жителей римских трущоб.

УСАДЬБА РИМСКОГО РАБОВЛАДЕЛЬЦА

В этой долине лежало крупное поместье сенатора Луция Гелия Попликолы. Вдоль реки тянулись широкие полосы пахотной земли. На незасеянных участках па-

слись овцы. Эти земли находились под паром и отдыхали целый год после жатвы. Здесь применялась двухпольная система полеводства.

На пашне работали голые до пояса рабы, на головах у них были меховые шапки, напоминающие племы. Они управляли волами при помощи вожжей, привязанных к ярму. Земля была сухая и каменистая, она с трудом поддавалась плугу.

Плуг был примитивен. Он состоял из деревянного стержня, на конец которого был насажен железный сошник и два небольших крыла для разбрасывания земли. К стержню прикреплялось изогнутое дышло, в которое впрягались волы. На противоположном конце стержня имелась рукоятка для управления плугом.

Пахари заставляли волов в один раз пройти борозду в сто двадцать футов, а потом делали передышку. Во время передышки они поднимали ярмо к самым рогам вола, чтобы шея вола немного отдохнула. Ярмо, похожее на колоду, было очень тяжело.

Местами, на земле, особенно твердой, запрягали три-четыре пары волов. Они двигались близко друг от друга в большом деревянном ярме, лежавшем у них на плечах так, что они могли поднимать головы и тянуть всей тяжестью тела плуг. На одной полоске земли торчало несколько странных фигур. Это были голые рабы, закованные по рукам и ногам. В руках у них были огромные мотыги. В наказание они должны были в таком виде вскапывать землю, неподдающуюся плугу...

Влево от реки, на отлогом холме, раскинулась роскошная вилла Попликолы...

На переднем плане помещалось жилище хозяина — преториум. Оно примыкало к большому фруктовому саду. За садом находился двор, окруженный высокими строениями. В нем помещались загон для волов, конюшни, овчарни, хлевы для свиней, птичники, сарай для повозок и сельскохозяйственных орудий; кухни, бани, открытые по праздничным дням. Посередине двора находился водоем, в котором поили и купали скот. Против входных дверей помещалось жилище виллика — приказчика, который надзирал за хозяйством и давал работу рабам. Вместе с ним жила жена виллика — ключница. За двором находился фруктуарий, в котором стояли давяльни, где выжимали масло из оливок, винные погреба, котлы для кипячения вина, кладовые, амбары для плодов и хлеба. Там же под землей находился эргастул, в котором наказывали и пытали рабов.

Левицкая-Ден Т. Братья Гракхи.
2000 лет тому назад. Л., 1924, с. 54—55.

РАБЫ В РУДНИКАХ

Узкой тропинкой прошли мы на гору, спустились по ступенькам крутого откоса и оказались в провале или яме — не знаю, как назвать. Здесь не было видно

даже отблесков заходящего солнца. Вокруг стоял сумрак. Мне показалось, что мы сошли в царство мертвых. Из-за черной скалы слабо брезжал красноватый свет. Мы свернули туда, обходя большую кучу отколотых глыб.

— Их поднимают наверх и там дробят, — объяснил управляющий. — А вот, — он указал на черные отверстия в скалах, — входы в рудничные галереи. — Взяв один из воткнутых в расщелину факелов, агент поднял его над головой. — Все еще хочешь войти?

Уж не думает ли он, что я боюсь? Вскинув голову, как ворохостый козек, я направился к ближайшему отверстию, у которого сидел надсмотрщик с остроконечной палкой.

— Для бича внизу нет размаха, поэтому приходится пользоваться палкой, — пояснил наш провожатый.

При свете факелов, которые несли впереди и позади нас, стены галерей казались изъеденными жуком-точильщиком. В каждом углублении копошились обтянутые кожей скелеты: один, лежа на спине, бил над собой скалу; другой, заноса молот вбок, откалывал куски породы; женщины, стоя на коленях, долбили стену острыми молотками. Движения их были монотонны. Они казались призраками, обреченными на веки веков производить один и тот же взмах. При нашем появлении никто не повернул головы, словно для них ничего, кроме молотка и скалы, не существовало.

Ни на ком — ни клочка одежды. Только цепи на ногах, звеневшие, когда работник менял положение. Все выглядели одинаково старыми, даже заморыши-дети, сновавшие туда и сюда, подбирая отколотую породу и складывая ее в ручные тележки. Встречаясь с нами, дети боязливо жались к стенам и жмурились: видимо, свет факелов причинял им боль.

— И это живые люди! — прошептал Валерий, угадывая мой ужас.

Остроменецкая Н. Ф. Ветеран Цезаря.
М., 1969, с. 79—80.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ

Сандалии на деревянной подошве колотят по плитам мостовой. На улицах ни дерева, ни кустика. Слепые стены как бы повернувшихся спиной к улице домов — им нет дела до тех, кто бредет по мостовой, стуча деревянными подошвами. Надписи, взывавшие к гражданскому долгу: «Погонщики мулов, отдайте свои голоса за Клавдия!» Можно подумать, что перевернется мир, если полюбившийся погонщикам Клавдий не будет избран в городской совет.

А вот и извещение о бое, в котором погибли Юба и Давид. Краска на буквах уже потускнела, но все же можно различить слова: «Будут биться нумидиец и иудей. Состоится также бой зверей. Да здравствует устроитель игр Помпедий Руф!»

Из двухэтажного дома на перекрестке доносился запах свежевыпеченного хлеба. Появляло чем-то родным. Но Децебал слышал,

что в подвалах таких милых, уютных, вкусно пахнущих домов рабы крутят день и ночь тяжелые каменные жернова. Булочки в праздники увешивают шеи ослов и мулов связками румяных хлебов. А рабам у мельницы они жалеют горстки муки. Чтобы невольники не могли поднести рук ко рту, им надевают на шеи деревянные рогатки, как хомуты. Таков этот городок, раскинувшийся под вечно голубым небом Кампания, у подножия зеленого Везувия.

Вот и дом Сильвия Феликса. Над входом надпись: «Гай Сильвий Феликс приветствует дорогих гостей и желает им счастья и долголетия». А у порога, на неровной, изъеденной временем каменной плите, сидит человек с взлохмаченной головой. Цепь от его ноги тянется к медному кольцу, прикрепленному к стене. Это раб-привратник. Сколько ему лет? Тридцать или пятьдесят? Да и знает ли он сам об этом? Запомнил ли он свое настоящее имя? Откликается ли на кличку Рекс или Карне, как сторожевые псы?

Немировский А. И. Белые, голубые и собака Инкс, с. 126.

КАЗНЬ РАБА

Солнце уже поднялось над Тирренским морем, когда Луций подъезжал к Риму. Дорога шла вдоль отцовской латифундии. За решетчатым забором рабы устанавливали крест. На кресте был распят обнаженный раб. Смуглое лицо было искривлено от боли, стоны распятого разрывали золотистый воздух. Надсмотрщик узнал во всаднике сына своего хозяина и вежливо приветствовал его.

— Что это значит? — спросил Луций, не останавливаясь.

— Он хотел сбежать, милостивый господин.

Луций равнодушным взглядом скользнул по рабу, кивнул и поехал дальше.

Отчаянный крик распятого летел за ним.

Тома И. После нас хоть потоп. М., 1973, с. 219.

6. РАЗОРЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ИТАЛИИ И ИХ БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ

При подготовке к этой теме учитель может располагать довольно богатым художественно-историческим материалом. В советской художественной литературе имеется ряд произведений, посвященных борьбе римских крестьян за землю. Это и давно написанная книга Т. Левицкой-Ден «Братья Гракхи», и повесть А. Немировского «Тибериус Гракх», и два произведения М. Езерского «Гракхи» и «Сила земли».

Герои повести «Сила земли» — римские крестьяне, призванные в армию. Они сражались с Карфагеном под Нуманцией, но, воз-

вращаясь в Италию, находят свое хозяйство разоренным и вынуждены искать счастье в Риме или Сицилии. Судьбы этих героев даны на фоне исторических событий того времени и тесно связаны с реформами, проводимыми Тиберием Гракхом.

Учитель имеет возможность обратиться и к другим произведениям М. Езерского, в частности к роману «Марий и Сулла»; в нем воссоздается жизнь различных слоев римского общества во II в. до н. э. Вместе с романами «Гракхи», «Триумвиры» и «Конец республики» он входит в тетралогия М. Езерского «Власть и народ». Соперничество Мария и Суллы — ведущая сюжетная линия романа. Действие происходит то в Риме, то в итальянской деревне, то переносится в различные страны, завоеванные или завоевываемые римлянами. Из романа «Марий и Сулла» в хрестоматию вошел текст «Разорение римского крестьянина».

Вначале борьбу крестьян за землю возглавил Тиберий Гракх. В отрывке «Тиберий Гракх требует земли для крестьян» из повести А. Немировского говорится о знаменитом выступлении трибуна на народном собрании, когда он заявил, что даже дикие звери имеют свои логова, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, лишены всего: дома, поля, имущества. Все основные персонажи повести «Тиберий Гракх» — реальные исторические лица.

Текст «Гибель Тиберия Гракха» из книги Т. Левицкой-Ден интересен не только художественным воспроизведением имеющейся у Плутарха сцены, но и изобилующим деталями описанием заседания сената. Повесть начинается с отправления Тиберия в поход против восставшей Нуманции и заканчивается гибелью его преемника Гая. Несмотря на то что автор преувеличивает степень оппозиционной сознательности Гракхов, в повести все же несколько оттеняется их классовая ограниченность. До глубокого понимания обреченности реформ поднимается лишь один из героев — раб, бывший воспитателем братьев Гракхов.

Дело Тиберия продолжал Гай. О его деятельности после избрания народным трибуном повествует отрывок из романа М. Езерского «Гракхи». В этом тексте отражена широкая программа реформ, которую пытался осуществить вождь городской и сельской бедноты.

РАЗОРЕНИЕ РИМСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

К концу года благосостояние семьи пошатнулось: цены на вино и оливковое масло упали, и для того, чтобы уплатить арендную плату, приходилось лезть в долги. Сначала Марий взял денег у единственного зажиточного земледельца, которого не любили в деревне за жадность и притеснения батраков, работавших на него, но когда положение этого хлебопашца внезапно ухудшилось (он задолжал Метеллам, у которых арендовал землю, и они, требуя платежа, угрожали продать его имущество),

и он потребовал у Мариа уплаты долга, старик растерялся: денег у него не было.

Семья упала духом. Пришлось продать лошадь и корову, а овец резать и мясо сбывать за бесценок.

Плодородный участок и пасека, арендованные у Метеллов на год, хотя и давали доходы, однако большая часть прибыли шла в уплату за аренду и пользование полевыми орудиями. Унавоживание, кормление скота в стойле, наем жнецов на время жатвы (хлеб снимали серпом), молотьба (топтанье хлеба скотом) были заменены молотильной карфагенской телегой — все это требовало расходов.

Мульвий и Тициний наблюдали за узенькими полосками ячменя, пшеницы, полбы, бобов и журавлиного гороха. Эти злаки разводили не на продажу, а для себя, и, когда бывал большой урожай, семьи ликовали.

Однако почти весь доход поглощался господами, а когда наступил скупой год, давший мало винограда и оливок, жить стало тяжело.

Марий не спал по ночам, думая, как выйти из тяжелого положения.

Баерский М. В. Марий и Сулла. М., 1937, с. 19—20.

ТИБЕРИЙ ГРАКХ ТРЕБУЕТ ЗЕМЛИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

В эти дни в Риме только и говорили об аграрном законопроекте: в домах богатей — с тревогой и озлоблением, в хижинах бедняков — с радостью и надеждой. Рим в эти дни напоминал встревоженный гудящий улей. В толпах, заполнявших улицы и площади Рима, выделялись загорелые лица крестьян. Они были в грубых домотканых плащах, многие — с палками в руках. От крестьян пахло землей и навозом. Городские франты, умащенные благовонными маслами, одетые в белоснежные тоги, с презрением отворачивались от них.

— Зачем они сюда явились? — говорили богачи. — Что здесь надо этой деревенщине?.. Ты слышишь, они хотят распахать римский форум!..

Слухи о переделе земель возбудили и городских бедняков, ютившихся в жалких трущобах Сабурры. Они бросили свои мастерские и заполнили форум. Они еще не забыли, что их отцы и деды были крестьянами.

На какие только ухищрения не шли богачи, чтобы опорочить великую идею передела земли, чтобы отвратить от нее городской плебс!

На рострах ораторствовал Квинт Помпей. Сквозь шум толпы и выкрики «Долой» доносились его слова:

— Зачем вам земля в горах Самния и болотах Этрурии! Там вы

погибнете от голода и лихорадки! Там могут жить лишь рабы, а квириту приличествует жить здесь, в этом вечном городе, наслаждаясь всеми благами цивилизации! От аграрного закона не может произойти ничего, кроме смуты. Люди, которые внесли его на обсуждение, — не добрые граждане, а смутьяны; они желают гибели римскому народу!..

Толпа редела и требовала, чтобы оратор покинул ростры. Помпей скрылся в группе сенаторов.

— Тиберий! Тиберий! — раздавались крики.

Задние ряды расступились, пропуская Гракка. Стоявшие впереди сенаторы и всадники отошли в сторону нехотя, словно не желая пускать Тиберия к рострам.

С высоты ростр Тиберий увидел площадь, заполненную людьми, ждущими правды, истосковавшимися по земле. Хоть он и не видел их лиц, но знал, что в толпе были и те, кто вместе с ним сражались на полях Африки и в горах Испании, их братья и сыновья. И он будет говорить для них, а не для богатей, окружающих ростры.

Наступила такая тишина, что Тиберию казалось, будто он слышит биение собственного сердца.

— И дикие звери имеют в Италии свои норы и логовища, — начал он. — А люди, которые сражаются и умирают за свою прекрасную родину, не владеют ничем, кроме света и воздуха! Какномады, странствуют они по дорогам Италии со своими женами и детьми...

Тиберий сделал паузу, вдохнул полной грудью воздух. На миг ему ясно представился лес у Нуманции, труп Квинта Муммия с широко раскинутыми руками...

Он продолжал:

— Полководцы обманывают воинов, призывая их защищать гробницы и храмы. Воины! У вас нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков! Вы сражаетесь и умираете за чужую роскошь, за чужое богатство! Вас называют владыками вселенной... — Тиберий снова сделал паузу и сказал глухим голосом: — А вы не имеете ни клочка собственной земли!..

Гул одобрения прокатился по площади. Слова Тиберия проникли в душу слушателей и нашли в них отклик.

— Нет, не гибели государства добиваются те, кто предлагает аграрный закон, а увеличения его славы и мощи!.. Разве станет государство слабее, если его защитники получат землю, — землю, которая принадлежит государству? Разве государство погибнет, если неверных рабов, всегда помышляющих о мятежах, заменят на полях верные и трудолюбивые сыны Италии?..

Площадь вздрогнула от рукоплесканий. Сенаторы, стоявшие в первых рядах, съежились, испуганные этим проявлением народной воли.

ГИБЕЛЬ ТИБЕРИЯ ГРАКХА

...Внимание Тиберия вдруг привлек Флакк. Он стоял на высоком камне и делал ему какие-то знаки. Тиберий приказал лицам, окружающим его, расступиться. Флакк пробрался к нему.

— Тиберий, — говорил он, запыхавшись от бега. — Богачи решили тебя непременно сегодня убить. Они уже вооружили своих рабов и клиентов.

Услыша эти взволнованные слова, окружающие Тиберия граждане стали торопливо вырывать у виаторов копья. Они ломали их и передавали друг другу. Этим они показывали, что даже таким оружием будут сражаться за своего вождя. Граждане, стоявшие поодаль, ничего не понимали.

— Тиберий, в чем дело? Какую новость принес Флакк? К чему это оружие? — раздался повсюду зычные голоса.

Отвечать среди этого шума голосов Тиберий не был в состоянии.

Он поднял только свою руку к голове, показывая, что его жизни угрожает опасность. Когда в народе увидели этот жест, поднялся шум. «Он требует короны», — кричали одни. «Его хотят убить», — кричали другие. «Это сигнал к бою», — ревели третьи. Все слилось в раздирающий душу вопль. Толпа аристократии набросилась на народ, и началось побоище. Народные трибуны не в силах были восстановить порядок и разбежались.

«Он свергнул народных трибунов и провозгласил себя диктатором!» — немедленно пронеслось по улицам Рима.

Септимулей с сенатором Оппимием и трибуном Рубрием немедленно бросились бежать со всех ног в сенат. Сенаторы заседали в древнем храме Согласия, построенном еще во времена Нумы¹. Собрание было экстренное. О нем не было никаких объявлений на форуме. За сенаторами послали прямо на дом. На заседание пришли почти все триста сенаторов. Председательствовали оба консула. Посреди залы помещались круглые кресла обоих консулов, одно возле другого, широкий проход делил залу на две части. Сенаторы разместились по скамьям без особого порядка. Магистраты смешивались в толпе вместе с другими членами сената. Когда председатель консул Муций Сцевола вошел в залу, все сенаторы, встав, приветствовали его. Особой трибуны для ораторов не было. Каждый говорил со своего места и даже мог, если хотел, читать свою речь. Свобода слова была полная. Председатель не имел права перебить оратора, призвать его к порядку или напомнить, что он уклонился от вопроса. Он не мог лишить его слова, когда он злоупотреблял им и пользовался для «обструкции»².

Сенаторы не имели права инициативы, т. е. не могли предложить какой-нибудь законопроект. Они могли задавать только

¹ Полулегендарный римский царь.

² *Обструкция* — римское слово, означающее по смыслу «препятствие».

вопросы председателю и могли требовать от него, чтобы эти вопросы ставились на обсуждение собрания. Во время заседания двери были открыты, но посторонняя публика на собрания не допускалась. Иногда происходили заседания при закрытых дверях, и тогда сенаторы обязывались соблюдать тайну.

Сцевола сделал доклад. Он начал так свое слово:

— В интересах римского народа, квиритов, отцы сенаторы, мы предлагаем на ваше обсуждение следующее. Тиберий Семпроний Гракх домогается вторичного избрания в народные трибуны. Считаете ли вы возможным допустить это избрание? В течение своего первого трибуната он вел себя непристойным образом. Он свергнул своего товарища по должности, неприкосновенного народного трибуна Октавия, и настроил народ против сената. Что думаете вы по этому поводу?

Начались прения. Сенаторы говорили в том порядке, в каком они были внесены в сенаторские списки. Почти все сенаторы без исключения были против вторичного избрания Тиберия. Они считали его опасным для государства человеком. Началось голосование.

Муций Сцевола предложил сенаторам, которые стояли за то, чтобы не допускать вторичное избрание Тиберия, сесть на правой стороне, а остальным на левой. В эту минуту в залу ворвался сенатор Назика.

Когда Назика и Септимулей вошли запыхавшись в храм, сенаторы повскакали со своих мест и окружили их, готовясь услышать чрезвычайную новость.

— Граждане, — завопил Септимулей. — Тиберий Гракх просит у народа короны, и народ готов ее дать.

Сенаторы взволновались.

— Проклятие! — кричал с пеной у рта сенатор Назика. — Немедленно надо схватить этого бунтаря, разбойника, грабителя. Немедленно надо уничтожить его и все его отродье.

— Смерть, смерть Тиберию! — раздалось со всех сторон.

Левикапп-Ден Т. Братья Гракхи,
с. 74—76.

ГАЙ ГРАКХ ПРОДОЛЖАЕТ ДЕЛО БРАТА

Гай Гракх провел намеченные законы, несмотря на противодействие аристократии.

Оптиматы понимали, что хлебный закон содействовал притоку неимущих, или пролетариев, которые, попадая в Рим, поддерживали трибуна, обнищавшие и безработные плебеи получали работу в городе и вне его. Строились обширные Семпрониевы амбары для хранения привозного зерна, египетского и сицилийского, и тысячи плотников, кузнецов и иных ремесленников работали с утра до вечера под присмотром надзирателей и нередко самого Гракха.

— Верно ли, что Гракх восстановил аграрный закон своего брата? — с беспокоеством спрашивали патриции, приезжавшие из своих вилл в столицу.

— Он всюду сует свой нос, — хмурились сенаторы, — теперь он завился улучшением дорог, как будто...

— Мы ехали, — с восторгом прервал художавый патриций, — по прямым дорогам, выложенным гладко отесанным камнем, плотно убитым истолченным щебнем... Таких дорог, клянусь Меркурием, у нас еще не бывало...

— А ты забыл каменные столбы с надписями, обозначающими расстояние? — подхватил другой. — Они стоят на каждой мили, а по обеим сторонам дороги возвышаются белые камни, чтобы легче слезать и садиться на лошадь, не прибегая к чужой помощи...

— Но прекраснее всего мосты, — сказал третий, не замечая нахмуренных лиц сенаторов, — они висят над потоками и ложбинами, а кругом копошатся тысячи работающих пролетариев...

Народ превозносил Гракха: всюду, где бы Гай ни появлялся, один или в сопровождении друзей и подрядчиков, его встречали восторженными криками, призывали на него милость богов.

Особенно прочно возросло его могущество ко второй половине года. Враги обвиняли его в стремлении к царской власти.

— Тиберий хотел того же, — с яростью говорили оптиматы, заседаая в сенате, — но благородный Сципион Назика вовремя спас республику! Неужели среди нас не найдется второго Назики?

— Его окружают предприниматели, ремесленники, художники, посланники, военачальники, воины и ученые, — вторили другие.

— Он хитер, деятелен, предприимчив, настойчив в достижении намеченной цели; он умеет быть одинаково приветливым со всеми, а особенно с плебсом.

— Он стал могущественным вождем народа, врагом отечества. Он ввел очередь голосования центурий по жребию...

— Он хочет быть одновременно консулом и народным трибуном. Разве он не избирает судей по своему усмотрению? Разве он не кричит: «Долой сенат! Вся власть народным комициям!»

Выполняя обещание, данное всадникам, Гай вскоре же предложил закон о провинции Азии, который был принят народом единогласно.

— Отдавать десятину на откуп нашим врагам и где? В Риме! Да он с ума сошел! — кричал Люций Кальпурний Пизон. А Люций Оппимий ворчал, ни к кому не обращаясь, но все слышали его слова:

— Поглупел римский сенат, что ли? Из Азии, как из житницы, будут черпать хлеб для раздачи ленивой голи; всадники возьмут на откуп прямые подати... Кажется, все ясно, а сенат не понимает...

Люций Оппимий ошибался: сенат понимал, но не знал, что делать.

7. ВОССТАНИЕ РАБОВ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СПАРТАКА

При изучении истории Древнего Рима учащиеся V класса с особым увлечением слушают рассказ о восстании рабов под предводительством Спартака. Образ бесстрашного Спартака, благородного защитника угнетенных, восхищает детей.

Наиболее популярным художественным произведением о вожде восставших рабов является роман итальянского писателя Р. Джованьоли «Спартак». Исключительно красочно в романе дано описание быта и нравов Древнего Рима. Бой гладиаторов в амфитеатре, триклиний Катилины, сатурналии воссозданы пером художника и знаниями историка. Р. Джованьоли сумел восстановить и представить прошлое, как оно могло быть. Однако некоторые сюжетные линии, например связи Спартака с Юлием Цезарем и Катилиной, которые якобы сочувствовали заговору рабов, исторически недостоверны.

Советский писатель В. Ян написал повесть для детей, названную, как и роман Р. Джованьоли, «Спартак». Повесть легко читается и может быть рекомендована учащимся.

Драматические события восстания рабов под предводительством Спартака с первых слов учителя должны завладеть вниманием учащихся. Используя текст «Рабы выходят из окружения», учитель с помощью аппликаций заставит учащихся образно представить спуск восставших рабов с горы Везувий.

В коротком фрагменте «Спартак — полководец рабов» из романа Джованьоли характеризуется полководческий талант Спартака.

Победы, одержанные Спартаком, сделали его имя известным по всей Италии. Это было грозное имя для римских рабовладельцев. Отовсюду в армию Спартака стекались рабы. Они громили виллы хозяев и помогали восставшим захватывать города.

И у Р. Джованьоли, и у В. Яна есть описание гибели Спартака. Но рассказ о последнем сражении восставших рабов, на наш взгляд, наиболее удачен в очерке М. Оливье «Спартак». Очерку предпослана интересная вступительная статья знаменитого французского писателя Анри Барбюса.

РАБЫ ВЫХОДЯТ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Когда все было сделано и тьма вокруг горы стала сгущаться, Эномай первым начал готовиться к опасному спуску...

Его гигантская фигура постепенно скрывалась за скалами, окружавшими пропасть; вскоре исчезла и его голова...

Гладиаторы столпились у края площадки, точно их притягивала мрачная бездна. Те, что стояли позади, поднимались на носки

и смотрели на скалу, к которой была привязана лестница; все стояли неподвижно и безмолвно, и в ночной тишине слышалось лишь тяжелое дыхание тысячи двухсот человек, чья жизнь и судьба в этот миг зависели от хрупкой снасти из ивовых прутьев.

Сильное размеренное колыхание и вздрагивание лестницы отмечало все увеличивающееся число ступеней, преодолеваемых Эномаем, и гладиаторы в тревоге считали их.

Волнообразное колебание лестницы длилось не больше трех минут, но гладиаторам эти три минуты показались тремя олимпиадами, тремя веками. Наконец колебание прекратилось, и тогда на площадке тысяча людей, движимых единым порывом, единой мыслью, повернулась в сторону пропасти и напрягла слух...

...И вдруг послышался глухой голос...

— Слушай! Слушай!..

Из тысячи грудей вырвался мощный, как завывание бури, вздох облегчения, ибо донесшийся крик был условным сигналом: Эномай благополучно спустился на дно пропасти.

Тогда гладиаторы с лихорадочной поспешностью, каждый стараясь быть как можно более ловким, начали один за другим спускаться по удивительной лестнице, которая — это было теперь всем ясно — спасала их от смерти и возвращала их к жизни, вела от позорного поражения к славной победе.

Джованьоли Р. Спартак. М., 1968, с. 284—285.

СПАРТАК — ПОЛКОВОДЕЦ РАБОВ

Консул был не слишком опытен в ратном деле; зато как истый патриций, преисполненный латинской спеси и высокомерия, считал невероятным, чтобы четыре римских легиона в составе двадцати четырех тысяч бойцов и еще двенадцати тысяч вспомогательных сил не могли бы в двадцать четыре часа разбить скопище из семидесяти тысяч гладиаторов, плохо вооруженных, плохо дисциплинированных, без чести и веры; правда, они разгромили войска преторов, но не в силу своей доблести, а вследствие невежества преторов.

Поэтому, заняв выгодную позицию на склонах нескольких холмов и произнеся перед своими войсками напыщенную и пылкую речь для воодушевления легионеров, он на следующий день вступил в бой со Спартаком. Но тот с мудрой предусмотрительностью сумел извлечь выгоду из численного превосходства своего войска и менее чем за три часа почти полностью окружил врага, легионы которого, хотя и сражались с большим мужеством, все же вынуждены были отступить, опасаясь нападения с тыла.

Спартак искусно использовал замешательство неприятеля и, появляясь лично в различных местах поля битвы, примером своей

необыкновенной храбрости поднял дух гладиаторов, и они с такой силой обрушились на римлян, что за несколько часов полностью разбили их и рассеяли, захватив их лагерь и обоз.

Там же, с. 460—461.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА СПАРТАКА

Залитые лучами палящего солнца, обе армии замерли в неподвижности. Каждая мерила противника взглядом, точно хищный зверь, собирающийся кинуться на добычу. Римский фронт растянулся на несколько километров и, выстроившись, легион за легионом, когорта за когортой, манипула за манипулой, центурия за центурией, простирался до трехсот метров в глубину. Над застывшими рядами высились орлы легионов и знамена, украшенные разноцветными полосами ткани, указывавшие на расположение отдельных частей.

Левым крылом римское войско упиралось в реку, а правым — в лес, темная масса которого, покрывавшая склон горы, видна была издалека. Позади в промежутках между когортами стояли метательные орудия с обслуживавшими их артиллеристами. Еще дальше были расположены резервы — целых два легиона в полной боевой готовности; тут же находились штаб командующего и служба связи. Шлемы, панцири, щиты сверкали на солнце.

Напротив них войско рабов, построенное в колонны с начальниками во главе, ожидало с нетерпением сигнала к атаке.

Спартак, повернувшись к товарищам и указывая на распятого римлянина, уже переставшего стонать, крикнул громовым голосом:

— Вот что ждет нас, если вы живыми попадетесь в руки врагов! От исхода этого сражения зависит ваша судьба! Надо биться до последнего вздоха! Либо свобода навсегда, либо смерть для всех!

И, вынув меч из ножен, он вонзил его по рукоять в грудь собственного коня, которого держал под уздцы один из рабов.

— Если я окажусь победителем, — сказал он, — я найду себе коня у римлян. Если же мне суждено погибнуть, то мне не нужно будет коня!

Слова эти были покрыты шумными возгласами одобрения. Потрясая в воздухе мечами, рабы поклялись умереть до последнего.

* * *

Спартак подал знак к атаке, и вслед за своим вождем рабы, испуская громкие клики, стремительно ринулись на врага. Удар был ужасен. Но рабы в этот раз натолкнулись на стойкое сопротивление. Римляне встретили их градом стрел, дротиков, свинцовых пуль, осыпали камнями из катапульт, скашивавшими целые ряды, проламывавшими черепа, сжимавшими груди, дробившими

ми кости, расстреливали в упор из баллист, снаряды которых пробивали самые толстые щиты и панцири, как простые тряпки. Все атаки рабов неизменно отражала стальная стена римских когорт.

* * *

Спартак сам был в числе убитых. Он пал как доблестный воин среди своих товарищей, проявив чудеса храбрости. Его видели всюду, где опасность была сильнее всего и схватка ожесточеннее. С мечом в руке он пролагал себе дорогу сквозь неприятельские ряды, ища Красса, чтобы скрестить с ним оружие, и поражая направо и налево всех, кто встречался ему на пути. Он зарубил двух центурионов, кинувшихся на него, как вдруг сам был ранен копьем в бедро. В одно мгновение окруженный тучей неприятельских воинов, он опустился на колено и в таком положении долго защищался, пока не упал навзничь, пронзенный десятками мечей...

Шестьдесят тысяч рабов были убиты в этом сражении и шесть тысяч пленных, попав в руки римлян, были распяты вдоль Аппиевой дороги между Римом и Капуей. Шесть тысяч крестов, означавших торжество грубой силы, доказывали, что час освобождения угнетенного человечества еще не пробил.

Оливье М. Спартак. М.—Л., 1930, с. 128—132.

8. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ ЦЕЗАРЯ В РИМЕ

В I в. до н. э. в Риме складывается сложная обстановка. Что же определило ее? Восстание рабов, социальное движение народных масс, борьба различных политических группировок — все это привело к установлению сильной власти — военной диктатуры. Полководец Гней Помпей, победитель Спартакса Марк Красс и предприимчивый политик Юлий Цезарь заключают тройственный союз — триумвират. Триумвиры ставят перед собой цель — ликвидировать республику и установить в Риме свою власть. Став наместником в той части Галлии, которая уже была завоевана, Юлий Цезарь распространяет владычество римлян на всю страну. После гибели Марка Красса в войне с парфянами завязывается борьба за власть между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем. С помощью преданных легионов Цезарь становится диктатором Рима. Эти события составляют содержание романа М. Езерского «Триумвиры». В книге отчетливо показаны беспринципность и политический цинизм, продажность и авантюризм триумвиров и других римских государственных деятелей того времени. В соответствии с исторической правдой триумвиры изобличаются в романе как ловкие демагоги, не останавливающиеся ни перед чем ради обладания богатствами и властью.

Завоевание Галлии римлянами изображено в романе известного французского историка Альфреда Рамбо «Печать Цезаря». Герой произведения — один из галльских вождей, принявший участие в борьбе против римлян, но вынужденный после разгрома галлов перейти на службу к победителю — Цезарю. В романе описываются сражения при Герговии и Алезии. Повествование ведется от лица рассказчика — героя произведения. В отрывке «Раздоры среди галльских племен» из этого романа показано, как межплеменная вражда и предательство родовой знати ослабили Галлию и сделали ее жертвой захватчиков-римлян.

Победа Цезаря под Алезией решила судьбу Галлии, ставшей римской провинцией. Затем дерзкий и неожиданный переход с небольшим войском через Рубикон сделал Цезаря в два месяца хозяином всей Италии.

Стремление Цезаря к единоличной власти вызвало противодействие сторонников республики. В результате заговора, в котором приняли участие многие сенаторы, Цезарь был убит.

РАЗДОРЫ СРЕДИ ГАЛЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

Мы прибыли в Бибракту, столицу эдуев, почти в одно время с Верцингеторигом. Среди эдуйской знати было столько же партий, сколько было крупных родов, и стоило одному из них сделать шаг в нашу сторону, как другой делал шаг в сторону Цезаря.

Узнав о нашей победе при Герговии, они тотчас же отозвали от Цезаря свои отряды и отправили их в один город, где у Цезаря находились заложники, казна, хлебные амбары и часть его вещей. Они все разграбили, перебили всех римлян и сожгли город.

Но они никак не могли прийти к твердому решению. Все послы, которых они отправляли к Верцингеторигу, говорили разное, смотря по тому, откуда дул ветер. Они то являлись просителями, то говорили с заносчивостью.

Все эдуйские начальники боялись Верцингеторига, точно так же как и Цезаря. На нас они сердились за то, что мы первые провозгласили независимость, и выходили из себя, что мы увлекли их. Всякий их начальник желал прежде всего помириться как-нибудь с Римом, сваливая на других все грабежи и убийства...

Мы подъехали к площадке совета, и старейшины приказали оцепить ее войсками, для того чтобы не пропускать народ. Верцингеториг сошел с лошади. Остановив свои войска, он взял с собой только начальников. Эдуи в золотых ожерельях повели нас к назначенным для нас местам.

Вслед за этим началось совещание, и тут выказалось все самонадеянное благородных эдуев...

Они заявили тут о своем желании, чтобы начальство над союзной армией было разделено: чтобы Верцингеторигу были даны в помощники два эдуйских начальника с одинаковыми правами...

— Каких эдуйских начальников предложите вы нам для этого тройственного союза? — спросил кто-то.

Тут эдуй перестали действовать согласно: каждый предлагал своего, и вместо двух начальников было назначено до двадцати.

Верцингеториг сначала молча все выслушал, потом встал и сказал:

— Вы и между собою-то договориться не можете, друзья мои! Как же можете вы обеспечить союз всей Галлии? Как добиться согласного действия от племен, бывших в продолжение стольких лет соперниками? Хотите вы избавиться от гибели, одинаково всем нам грозящей? В таком случае до решительной победы не должно существовать ни эдув, ни арвернцев, ни арморийцев, а только одна нераздельная Галлия для всех галлов.

Рамбо А. Печать Цезаря (из воспоминаний галльского воина). СПб., 1902, с. 83—90.

ЦЕЗАРЬ ПЕРЕШЕЛ РУБИКОН

Гибель Красса разрушила тройственный союз — триумvirат, — и двое оставшихся в живых, Помпей и Цезарь, стали открыто готовиться к борьбе, и тот и другой стремились к единовластию, а государство между тем погружалось в пучину безвластия и беззакония. Цезарь требовал еще раз продлить ему срок наместничества в Галлии. Сенат, покорный Помпею, отвечал отказом. Партия Цезаря негодовала, а начальник одного из галльских легионов, оказавшийся на ту пору в Риме, подошел к дверям курии и, положив руку на рукоять меча, воскликнул:

— Смотрите, господа сенаторы, как бы ваши ошибки не пришлось исправлять нашим мечом!

Потом Цезарь предложил, чтобы и он сам и Помпей одновременно сложили с себя власть и распустили войска. Сенат снова отвечал отказом, а вскоре консул с позором выгнал из курии двух самых влиятельных сторонников Цезаря — Марка Антония и Куриона.

Цезарь всего с пятью тысячами пехоты и тремястами всадников находился близ границы; основные его силы были размещены за Альпами. Но он понимал, что в начале войны главное не число солдат, а внезапность и стремительность удара, и поручил отборному отряду центурионов вооружиться одними только кинжалами и занять Аримин, ближайший к границе город Италии. Приказ был исполнен без шума и кровопролития. К вечеру того же дня Цезарь созвал гостей. Проведя с ними некоторое время, он поднялся из-за стола, учтиво извинился и просил всех подождать, пока он вернется. Только немногие близкие друзья были обо всем осведомле-

ны и поодиночке, чтобы не привлекать внимания, покинули пиршественную залу вслед за хозяином. В наемной повозке Цезарь приехал к реке Рубикон, отделяющей приальпийские земли от самой Италии. Долго стоял он на берегу, полный тяжелых сомнений. Наконец решившись и как бы устремляясь навстречу будущему, он произнес греческую поговорку:

— Пусть будет брошен жребий! — и двинулся к переправе. Взятие Аримина широко распахнуло ворота войны во всех странах и на всех морях. Ужас охватил Италию; казалось, будто города и селения снялись со своих мест и бегут друг от друга или же друг на друга, пылая взаимной ненавистью. Поток беглецов затопил Рим, и власти не могли поддержать порядок ни силой, ни добрыми увещаниями. Помпей был еще намного посильнее Цезаря, но его осаждали со всех сторон и не давали действовать хоть сколько-нибудь разумно. Он поверил ложной молве, будто враг уже у ворот, и покинул город, повелев следовать за собою сенаторам и вообще всем, кому дороги отечество и свобода.

Цезарь занял Рим. Слыша о том, как милостив он с пленными, к нему толпами сходились бывшие приверженцы Помпея. А сам Помпей бежал с войском в Брундизий и, не задержавшись там, переправился в Иллирию, в портовый город Диррахий. Так Цезарь в течение двух месяцев без единого боя сделался господином всей Италии.

Слова далеких веков. Из Плутарха. М., 1964, с. 227—228.

9. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ОКТАВИАНЕ АВГУСТЕ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХ

Убийство Цезаря не могло спасти республику. Республиканцы были наголову разбиты в битве при Филиппах. Победители Октавиан и Антоний, поделив римские земли, начали борьбу между собой за верховную власть. После битвы при мысе Акций фактически единоличным правителем Рима стал Октавиан. Эти события описаны в романе М. Езерского «Конец республики», последней книге тетралогии «Власть и народ», охватывающей историю Рима более чем за столетие, со времен Гракхов до установления единоличной власти Октавиана Августа. Характеристика, данная Октавиану в романе, рисует его отвратительным лицемером, жестоким и жадным тираном. При чтении приводимого из романа отрывка полезно эту характеристику сопоставить с изображением Октавиана в образе бога Юпитера в учебнике Ф. П. Коровкина. Противопоставление поможет учащимся понять, каким был на самом деле Октавиан и каким его изображали придворные льстецы.

При Октавиане и его преемниках, как отмечается в учебнике, укрепились господство рабовладельцев в самом Риме и в провин-

циях. Последние подвергались беззащитному ограблению. Безмерные богатства стекались в Рим. Об этом выразительно рассказывается в тексте «У карты Римской империи» из романа Й. Томапа «После нас хоть потоп». Текст уместно зачитать в конце урока, обратив внимание учащихся на то, какие провинции входили в состав империи, что они поставляли в Рим, какие выгоды получали рабовладельцы от императорской власти.

ОКТАВИАН АВГУСТ

Играла музыка. Народ рукоплескал. И Октавиан, самодовольно улыбаясь, думал: давно ли его ненавидели и презирали, как тирана, а теперь встречают с радостью, как величайшего из смертных, освободителя отечества, хотя он никого и ни от чего не освободил, а только стал единодержавным правителем, обещавшим длительный мир в республике. В республике? Но ее уже не было, она погибла, когда утвердилось единодержавие, а Октавиан продолжал называть государство республикой, — не упразднил сената, оставив прежние порядки, как будто все осталось по-старому. И хотя квириты видели, что старые республиканские формы — обман и вся власть принадлежит императору, они не оспаривали притязаний Цезаря на единовластие, потому что гражданские войны надоели, народ устал от нищеты и безработицы и желал отдохнуть.

Октавиан... получил все трибунские права, каждая из тридцати пяти триб обязалась сделать ему подарок весом в тысячу либр золотом; сенат утвердил все его распоряжения.

Он стал богатейшим мужем мира, присвоив царские земли, налоги на религиозные торжества, и дарил земли друзьям, чтобы еще больше привязать их к себе. Ростовщик, овладевший наследием Легидов, должен был получать ежегодно с одного только Египта около шести тысяч талантов! Он стал богаче триумвира Красса и даже лидийского царя Креза.

Езерский М. В. Конец республики. М., 1940, с. 370.

У КАРТЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Торквата пришла по зову отца. Села в кресло и склонилась над большой картой. Авиола с любовью смотрел на дочь. Он любил ее так же сильно, как свои сундуки с золотом...

— Посмотри, любимая, что у меня есть! Это карта мира по Страбону. Эти красные значки — большие города, это — реки, это — горы. Сказка, а? Весь мир, в котором живет сто миллионов людей и нивесть сколько рабов, ты можешь охватить своими ручками.

Она улыбнулась отцу.

— Хочешь, я расскажу тебе, какая часть мира что приносит Риму?

Она кивнула, не только для того, чтобы доставить удовольствие отцу, но и потому, что карта действительно заинтересовала ее.

Он погладил дочь по мягким волосам, склонился над картой и стал рассказывать:

— Смотри: Испания. Там у нас много добра. Железные рудники принадлежат мне давно, а на этих днях я получил у императора в аренду медные. Процент он запросил невиданный, но я на этом ничего не потеряю. А медь, дорогая, вместе с железом — это для оружейников то же самое, что для тебя 'солнышко. И олово поставляет нам Испания, и золото. Ну и, конечно, рабов.

Торквата механически поигрывала золотым браслетом.

— Ты говорил, что рабов нам поставляют все провинции нашей империи, отец?

— Отлично, моя прелесть. Правильно. Все. От Гвадалквивира до Евфрата, от Дуная до Нубийской пустыни. И Галлия, видишь, вот она, тоже. Кроме рабов, она поставляет нам стада вепрей и овец, лен и эмаль. Германия дает нам солдат, вспомни личную охрану императора. Эти гиганты — германцы.

На бледном личике Торкваты появилась улыбка:

— Из Германии мы вывозим соль, медь и янтарь...

— Ах ты, моя умница, — Авиола погладил дочь. — Да ты все у меня знаешь...

Авиола торопливо продолжал:

— Германия еще поставляет нам кожу. Для солдатских щитов. А еще, — засмеялся он, — стада зубров и медведей для цирковых игр. Ну да ладно, это зрелище ты не любишь. Британия, вот этот остров, дает шерсть для тог и плащей. Наши красильщики неучи. Красят шерсть только в серый и коричневый цвет. Я прикажу им изготовить и светлые краски для таких прелестных девушек, как ты. — Он заметил, что губы ее слегка дрогнули, и заторопился дальше. — Видишь? Это Норик. Там железо, это очень важно! А вот Далмация, здесь олово и серебро, в Македонии и Фракии — пшеница и отличные гладиаторы, в Дакии — руды, в Эпире — лошади, в Элладе — мрамор и статуи...

Она пригнулась к карте.

— А что дает Риму Африка?

— Изумительные вещи, сладкая моя. Мавритания — словую кость, это я говорю только о самом замечательном. Нумидия — овец и желтый мрамор, Карфаген — свинец, Киренаика — финики и бананы, а Египет? Безмерные богатства. Горы пшеницы, стекло, полотно, папирус.

10. ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО РИМА

На этом уроке учитель должен познакомить учащихся с двумя крупнейшими представителями древнеримской литературы — Лукрецием Каром и Вергилием. Первый из них более известен как выдающийся философ древности. В поэме «О природе вещей» Лукреций Кар (98—55 гг. до н. э.) пытался дать естественнонаучное материалистическое объяснение явлений природы и происхождения человеческого общества. Несмотря на то что представления Лукреция Кара, отражающие уровень науки того времени, во многом наивны, они сыграли большую роль в борьбе материализма и идеализма не только в древности, но и в позднейшие эпохи. Примечательно, что в России одним из первых переводчиков поэмы «О природе вещей» был М. В. Ломоносов. Заслуги древнеримского поэта и философа высоко оценивались К. Марксом и В. И. Лениным.

В хрестоматии приводится фрагмент из поэмы, в котором развивается материалистическое положение о том, что «из ничего не творится ничто» и в природе царит строгая закономерность.

«Золотой век» римской поэзии в учебнике представлен Вергилием (70—19 гг. до н. э.). Учащимся дается краткое содержание поэмы Вергилия «Энеида». Не меньшей известностью пользовались и другие крупные произведения поэта — «Буколики» и «Георгики», в которых воспеваются сельская жизнь и мирный труд земледельца. Представление об этой теме в творчестве поэта можно получить из включенного в хрестоматию текста, условно названного «Наставления крестьянину».

В Риме умели ценить мудрое и меткое слово. Многие лаконичные, но емкие выражения полководцев, политиков, ораторов, писателей вошли в литературу и повседневную речь в качестве афоризмов. Некоторые из них с необходимыми комментариями помещены в хрестоматии.

ОТКУДА ЯВЛЯЮТСЯ ВЕЩИ

За основание тут мы берем положенье такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле.
И от того только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе передко,
Коних причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что все это божьим веленьем творится.
Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть
Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим
Наших заданий предмет: и откуда являются вещи,
И каким образом все происходит без помощи свыше.
Если бы из ничего в самом деле являлися вещи,
Всяких пород существа без всяких семян бы рождались:
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши —

Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б
 Крупный и мелкий скот, и породы бы диких животных
 Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.
 И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,
 Но изменялись бы все произвольно на дереве каждом...
 В юношей сразу тогда б превращались грудные младенцы,
 Из-под земли бы внезапно деревья выскакивать стали.
 Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи
 Все постепенно растут из известных семян, как и должно,
 Род свой при этом всегда сохраняя. Ты видишь отсюда,
 Что из материи все вырастает своей и живет ей.

Лукреций Кар. О природе вещей. М.,
 1958, с. 29—30.

НАСТАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНИНУ

Также терни, чтобы год отдыхало поле под паром,
 Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая;
 Или златые там сей, — как солнце сменится, — злаки,
 Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,
 Или же вики плоды невеликие, или лупинов
 Горьких ломкие стебли и лес их гулкозвенящий.
 Ниву спалает посев льняной, спалает овсяный,
 Также спалает и мак, напитанный дремой летеиской.
 А с промежутками в год — труд спорый: лишь бы скудную
 Почву вдоволь питать навозом жирным, а также
 Грязную сыпать золой поверх истощенного поля.
 Так, сменяя плоды, поля предаются покою.
 Но не обманет надежд, коль и вовсе не вспахано, поле.
 Часто бывает полезно палить истощенную ниву,
 Легкое в поле сжигать трещащим пламенем жнивье.

Вергилий. Сельские поэмы. Буколики.
 Георгики. М. — Л., 1932, с. 67.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АФОРИЗМЫ

«Пока Рим совещается, погибает Сагунт». — Выражение связано с захватом Сагунта Ганнибалом. Употребляется, когда хотят сказать, что неуместны споры и разговоры, а нужны действия.

«Ганнибал у ворот». — Употребляется в смысле: близкая опасность. Выражение возникло, когда войска Ганнибала подошли к Риму.

«Прими во внимание Ганнибала» (оценивай Ганнибала). — Употребляется в смысле — не уменьшай опасностей, трудностей, учитывай их в своих планах.

«Пуническая верность». — Выражение родилось во время Пунических войн. Употребляется в ироническом противоположном смысле: римляне считали карфагенян (пунов) очень коварными, вероломными.

«Впрочем, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». — Слова сенатора Катона Старшего, которыми он заканчивал все свои речи, призывая к войне с Карфагеном. Употребляется, когда хотят настоять на необходимости какой-то меры.

«И ты, Брут?» — Слова, якобы сказанные Цезарем, когда он увидел в числе заговорщиков Децима Брута, которому доверял со времен галльских войн. Употребляется в смысле: даже и ты!

«Доколе же, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?» — Начало первой речи Цицерона против заговорческой деятельности Катилины. Употребляются эти слова в отношении человека, упорствующего в своих недостойных поступках и не считающегося с общественным мнением.

«Вар, возврати легионы». — Слова Октавиана Августа, узнавшего об уничтожении германцами легионов римского полководца Вара.

«Где сделают пустыню, там провозгласят мир». — Слова историка Тацита о римских грабежах.

Из книг «Латинские пословицы и афоризмы». Сост. М. Ф. Дашкова. Алма-Ата, 1964; «Латинские афоризмы». Сост. М. И. Каптор. М., 1899.

11. ГОРОД РИМ ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРИИ

Увлекательный рассказ о Риме — городе контрастов: богатства и нищеты, роскошных дворцов и доходных домов — писул — учитель может построить, используя материал из ряда художественных произведений.

Много интересных зарисовок о Риме времени Октавиана Августа содержит переведенная с румынского языка книга О. Дримбы «Овидий. Поэт Рима и Том». Автор основывается в первую очередь на произведениях поэта, которые рассматриваются как своеобразные фрагменты его духовной биографии. Первые впечатления мальчика, будущего поэта, которого отец, всадник из Сульмоны, знакомит с «великим городом», переданы в тексте «Рим — город контрастов». В нем подробно обрисованы римские трущобы и более богато — кварталы богатей и достопримечательности римского форума. Восполнить последнее поможет текст «Дом богатого римлянина» из романа английского писателя Э. Булвер-Литтона «Последние дни Помпей», в котором исторически достоверно воссоздается быт состоятельного римского общества I в. н. э. Автор,

правда, не только не отражает присущие тому времени социальные противоречия, но всячески сглаживает и затушевывает их. В книге обстоятельно описываются архитектурный облик римского города, внутреннее убранство домов, картины зрелищ в амфитеатре и т. д. Изображая жилище одного из героев романа, Э. Булвер-Литтон взял в качестве образца так называемый «дом трагического поэта», который был обнаружен археологами при раскопках Помпей. Ученые считают этот дом типичным жилищем богатого римского горожанина.

Пытаясь отвлечь городскую бедноту от классовых возмущений, римские императоры устраивали массовые зрелища. Толпы людей заполняли ипподромы и амфитеатры. Небольшая сцена, характеризующая утонченные в своей жестокости зрелища, которыми забавляли толпу, взята из романа Д. Линдсея «Подземный гром».

Хотя в центре сюжетной линии романа находится заговор, направленный против Нерона, главное для автора заключается в показе симптомов внутреннего неблагополучия в обществе, разъедаемом социальными противоречиями. На этом фоне совершается духовная эволюция наивного провинциала и начинающего поэта Луция Фирма, вовлеченного в кружок Лукана, автора известной поэмы «Фарсалия», участника заговора против императора.

Текст «Цирковой возница» принадлежит советскому историку античности М. Е. Сергеенко. Написанные ею очерки о жизни и быте древних римлян отличаются художественными достоинствами. М. Е. Сергеенко является также автором исторической повести для детей «Падение Икара». Ее герой мальчик Никий живет во времена диктаторства Суллы.

РИМ — ГОРОД КОНТРАСТОВ

Утром следующего дня всадник из Сульмоны повел детей осматривать Рим. Вид города, особенно его старых кварталов, скоро разочаровал их. На узких, грязных и извилистых улицах стоял пренеприятный запах. Ширина улиц была не больше четырех, а на поворотах — шести шагов. Карабкающиеся по крутым склонам семей холмов и извивающиеся у их подножия улочки, казалось, нарочно убегали от солнечного света, теряясь между «инсулами». Так назывались большие жилые дома с деревянными колоннами; поддерживавшими лоджии или балконы, — непрочные, но очень высокие сооружения, построенные вплотную одно к другому и насчитывавшие по пять, шесть и даже семь этажей: город, вынужденный из-за постоянной опасности нападения оставаться внутри защитных стен, мог расти только вверх. В этих трущобах, единственным украшением которых была выющаяся по столбам балконов зелень и цветочные горшки на окнах, люди жили с ощущением постоянной опасности, в ужасной тесноте и грязи, но платили жадным домовладельцам огромные деньги.

В городе было около десяти акведуков, но воды апеннинских источников не доходили до жителей трущоб. Не могли они пользоваться и подземными каналами, уносившими в Тибр городскую грязь. Зимой дома отапливались углем, сжигавшимся в переносных железных печках, и освещались светильниками или сальными свечами, которые не только страшно чадили, но очень часто вызывали пожары. Кроме пожаров жителей ветхих «инсул», сооруженных обычно из дерева, постоянно подстерегала опасность обвалов.

Богатые римляне строили в тех же кварталах большие, комфортабельные, красивые дома. Но в этом городе, насчитывавшем миллион жителей, особняков было всего около тысячи семисот, в то время как количество «инсул» намного превышало сорок тысяч.

Однако еще больше, чем вид улиц и высота «инсул», поражали детей теснота и сутолока, большое движение и оглушительный шум. Парикмахеры брили клиентов посреди улицы; колбасники во весь голос расхваливали свой товар из-за лотков, уставленных чадящими сковородками; менялы старались как можно громче звенеть серебряными и медными монетами; бродячие торговцы предлагали прохожим всевозможные украшения из цветного стекла.

Дримба О. Овидий. Поэт Рима и Том.
Бухарест, 1963, с. 23—24.

ДОМ БОГАТОГО РИМЛЯНИНА

Входящий обычно попадал через узкий вестибюль в зал, иногда украшенный колоннами, но чаще без них; с трех сторон было по двери, которые вели в спальню (одна предназначалась для привратника, другая, самая лучшая, для гостей). В конце зала, по обе его стороны, если дом был просторный, находились два небольших помещения, скорее, ниши, чем комнаты, — здесь обычно жили женщины; а посреди в цветном, в шахматную клетку полу непременно был неглубокий квадратный бассейн для дождевой воды, именуемый имплювием, куда вода стекала сквозь отверстия в крыше; это отверстие по желанию можно было закрывать тентом. Около имплювия, особо почитаемого древними, иногда (но в Помпеях реже, чем в Риме) стояли изображения богов — хранителей дома; гостеприимный очаг, столь часто упоминаемый римскими поэтами и посвященный Ларам¹, в Помпеях почти всегда представлял собой переносную жаровню, а у стены, чаще всего на самом видном месте, стоял огромный деревянный сундук, украшенный бронзовыми или железными полосами и прикрепленный надежными скобами к каменной плите так прочно, что никакому грабителю не под силу было сдвинуть его с места. Предполагают, что в этом сундуке хозяин хранил деньги; однако ни в одном из таких сундуков, раскопанных в Пом-

¹ Лары — римские божества — покровители дома и семьи.

пях, денег не нашли, так что возможно, их иногда ставили просто для красоты.

В этом зале (или, выражаясь языком древних, атрии), обычно принимали деловых посетителей и незнатных гостей... В бассейне ничего не стоило свалиться, но ходить посередине атрия запрещалось, точь-в-точь как у нас по газонам, — достаточно было места по краям. Напротив входа, в противоположном конце атрия, было помещение, называемое «таблин», — с полом, выложенным богатой мозаикой, и красиво расписанными стенами. Здесь обычно хранились семейные записи или документы, связанные с общественными обязанностями хозяина; по одну сторону таблина нередко помещалась столовая, или триклиний, по другую — своего рода хранилище для драгоценностей, где держали всякие редкости и дорогие украшения; здесь же непременно был узкий коридор для рабов, чтобы они могли пробираться в дальнюю часть дома, не появляясь в хозяйских покоях. Двери всех этих покоев выходили на квадратную или прямоугольную колоннаду, которую принято называть перистилем. Если дом был небольшой, он заканчивался этой колоннадой; и тогда, как бы ни был мал он, в середине двора непременно разбивался сад, где на постаментах устанавливали вазы с цветами; под колоннадой, справа и слева, были двери, которые вели в спальни, а также во второй триклиний (у древних для еды обычно отводилось не меньше двух комнат: одна летняя, а другая зимняя или, возможно, одна для будничных трапез, другая — для торжественных пиров) и, если хозяин любил литературу, — в кабинет, громко именовавшийся библиотекой, ибо крохотной комнатки было достаточно, чтобы вместить несколько свитков папируса: у древних это считалось изрядной коллекцией книг.

В конце перистилия обычно помещалась кухня. Если дом был большой, он не заканчивался перистилем и посередине был тогда не сад, а, скажем, фонтан или бассейн с рыбами, в конце же, прямо напротив таблина, обыкновенно помещалась вторая столовая, по обе стороны которой шли спальни, а иногда тут же была картинная галерея, или пинакотека. Все эти помещения, в свою очередь, сообщались с квадратным или прямоугольным пространством, обычно с трех сторон огражденным колоннадой, как перистиль, и очень на него похожим, только подлиннее. Это и был, собственно, сад, или виридарий, почти всегда украшенный фонтаном или статуями и пестревший яркими цветами; в дальнем его конце стоял домик садовника; если семья была большая, по обе стороны колоннады помещались еще комнаты...

Сами комнаты обычно были небольшие; в этом теплом климате гостей чаще всего принимали в перистиле (или портике), в атрии или в саду, и даже банкетные залы, изысканно украшенные и убранные, были невелики, потому что в древности люди искусства, любившие общество, но не толпу, редко приглашали на пир более девяти человек сразу...

Почти каждый дом в чем-нибудь отличался от остальных, но общая планировка была одинакова. Всюду неперемный атрий, таблин и перистиль, сообщающиеся между собой; всюду стены красиво расписаны...

Булвер-Литтон Э. Последние дни Помпей.
М., 1965, с. 39—41.

НА АРЕНЕ АМФИТЕАТРА

Радостные возгласы приветствовали двух обнаженных людей, которых ввели и привязали к столбам. Из слов соседей я понял, что это были приговоренные к смерти разбойники. Зрителям дали время погадать, какая уготована им участь. По толпе прокатился нетерпеливый ропот. Один из разбойников с гневным лицом стоял, выпрямившись во весь рост, другой кричал, извиваясь и пытаясь вырваться из пут. Служитель хотел заткнуть ему рот кляпом, но публика запротестовала. Вскоре на арену выпустили четырех львов. Сперва, ошеломленные шумом и движением в амфитеатре, звери застыли на месте, озираясь и ударяя себя хвостом по бокам. Но вот львица заметила людей у столбов и крадучись направилась к ним. Она обнюхала того, кто был привязан поближе к ней, издала жалобный крик. Вслед за ней подошли и другие львы. Внезапно она ударила приговоренного лапой, и когти ее завязли в веревках. Несчастный пронзительно вскрикнул. Львица прыгнула на него и, встав на задние лапы, впиалась зубами ему в лицо. Толпа разразилась радостным криком, люди рукоплескали, вскакивали с мест и махали руками, приветствуя львицу. Ее примеру последовали остальные львы и с громким рычанием растерзали обоих.

Затем на арену вывели женщину, связанную длинной веревкой с медведем. Она неловко порывалась убежать и под конец растянулась ничком на песке, чем вызвала всеобщий хохот. Медведь поймал ее и вспорол ей живот...

Опустились занавеси, закрывавшие со всех сторон горку, сооруженную в середине арены. На вершине горки стоял Орфей — привязанный к столбу приговоренный раб, к его рукам была прикреплена лира. Вокруг него виднелись кусты и небольшие пещеры, откуда появлялись хищные звери. Спрятанные в гроте музыканты играли на лирах, и создавалось впечатление, будто эту бурную мелодию исполняет Орфей. Звери медленно приближались, принохиваясь и рыча. Первым прыгнул на Орфея тигр, вслед за ним другие. Божественный певец исчез под грудой ревуших хищников. Мои соседи одобрили представление, хотя уверяли, что в прошлом году было интереснее: на глазах у всех распинали человека, а Икар с крыльями за плечами, спрыгнувший с высокой башни, разбился насмерть. Какой-то старик припомнил сцену, где Прометея проткнули насквозь колом.

Вновь поднялись занавеси. Во время перерыва служители загнали зверей в подземный зверинец при помощи крючьев, копий и факелов, вынесли растерзанные тела и засыпали лужи крови, разбросав поверх серебристый песок, ярко сверкавший на солнце.

Линдсей Д. Подземный гром (роман из жизни Рима в годы Нерона). М., 1970, с. 380—381.

ЦИРКОВОЙ ВОЗНИЦА

Людей собирало в цирке многое. Прежде всего захватывающим было зрелище стремительно несшихся, спшибавшихся, обгонявших одна другую квадриг; прекрасные лошади, лихие возницы, смертельная опасность этих состязаний — этого было бы достаточно, чтобы глядеть на арену, не отрывая глаз, затаив дыхание...

Главными действующими лицами в дни цирковых игр были возницы. Эта профессия чаще всего переходила от отца к сыну; иногда опытный кучер обучал юнца (за это дело следовало братья смолоду; Кресцент, победитель в сотнях состязаний, выехал на арену в тринадцатилетнем возрасте), и ученик хранил благодарную память о своем воспитателе. Он рос среди конюхов и возниц, ловил их рассуждения и рассказы, их интересы заполняли его душу. Он знакомился с их мечтами, мыслями и желаниями в те годы, когда впечатления окружающего мира и его уроки врезаются в душу неизгладимо и на всю жизнь. Победа в цирке представляется ему пределом человеческих достижений; он не знает на земле славы ослепительнее, чем слава возницы-победителя. Конюшня для него — и родной дом, и школа жизни, и университет: здесь он изучает все тонкости и хитрости своего нелегкого ремесла, усваивает технический жаргон цирка и его идеалы. Они ограничены цирковой ареной: на беговой дорожке его ждет все, чем красна ему жизнь, — победный венок, неистовые рукоплескания многотысячной толпы, богатство, громкое имя, которое перекатится, может быть, даже за пределы Италии. Он ведет счет своим победам и наградам с точностью ученого педанта и увековечивает в длинных надписях виды упряжек, количество заездов, имена своих лошадей. Он упоен не только славой и успехом, он пьянеет от риска и опасности.

Сергеевко М. Жизнь Древнего Рима. М.—Л., 1964, с. 251—253.

12. НАЧАЛО УПАДКА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ II — В III В.

О жизни Римской империи в III в. н. э. рассказывается в книге А. Ладинского «В дни Каракаллы», а также в романе Ф. Мора «Золотой саркофаг».

В романе А. Ладинского глазами каллиграфа, жителя причерноморского города Тома, мы видим жизнь Римской империи в годы правления императора Каракаллы (211—217). Вместе с рассказчиком читатель побывает на рудниках Кавказа, при дворе римского императора, в торговой Антиохии, разноплеменной Александрии, на тайных собраниях первых христиан, в лагере римских легионеров. Роман содержит интересные сведения о быте и правах различных слоев населения.

Ф. Мора — венгерский писатель, археолог и историк по образованию. Действие романа «Золотой саркофаг» происходит в Римской империи во времена правления Диоклетиана (284—305). Разлагающийся рабовладельческий строй и обреченная империя «атонизируют». Последним средством сохранения своего господства императоры избрали террористическую диктатуру. Все, кто не хотел признавать императора живым богом, рассматривались как государственные преступники. Сюжет книги — судьба юноши и девушки, которые не в силах создать свое счастье в этом мире лжи и насилия, где нет места гуманизму и любви. Основная идея романа — трагедия человеческой личности в условиях деспотизма. Роман историчен в подаче материала и вместе с тем актуален по своему идейному содержанию.

Большую опасность для судеб «мировой» державы представляли набеги варваров, которых привлекали богатства империи и ее плодородные земли. С ужасом повествует об этом уже древнеримский поэт Овидий, высланный за вольнодумие в приграничный город Тома. В его стихах запечатлены сцены опустошительных вторжений сарматских племен, живших в Северном Причерноморье (фрагмент «Набеги варваров»). Спустя два века после смерти Овидия вторжения варваров перестали быть эпизодическими и приобрели массовый характер. Целые племена германцев и других народов переходили границу, встречая поддержку со стороны обездоленных и угнетенных. И уже совсем по-иному воспринимает очередное вторжение этих одновременно и разорителей и исполнителей исторического приговора над рабовладельцами незаметный труженик империи — пастух. В приводимом тексте обращают на себя внимание детали: варвары проявляют интерес к земле и сельскохозяйственным орудиям; пастух перепуган, но вместе с тем для него важно, что варвары, поостыв после первого грабежа, «потом уже не трогают мирных жителей» и «не делают различия между свободными и рабами».

В заключение подборки приводится текст, характеризующий временное укрепление государства при Диоклетиане, дальнейшее обожествление личности императора и превращение страны в законченное бюрократическое государство. Текст «Империя при Диоклетиане» композиционно построен из нескольких коротких фрагментов, заимствованных из романа Ф. Мора «Золотой саркофаг». Эти фрагменты не только характеризуют личность Диоклетиана, но и создают представление о жизни позднеримской империи.

НАБЕГИ ВАРВАРОВ

Так-то охватит когда излишняя сила Борея,
Воду хотя бы морей, хоть бы реки прибылой,
Тотчас по сглаженному сухим дуновением Истру
Варварский вносится враг на быстролетном коне,
Враг, могучий конем и долголетней стрелой,
Всю вокруг широко опустошает страну.
Убегают одни из полей, никем не хранимых,
Расхищают все без караула добро,
Бедной деревни добро, и скот, и со скрипом телеги,
И богатство, каким сельский владеет бедняк.
Часть уводят, связав за спиною им руки, напрасно
Смотрят они, обратясь на поля и на дом,
Падает часть, пронзена нещадно стрелами с крюч-
ками:

Ибо текущий есть яд в быстром железе самом.
То, что не в силах с собой увести или увести, они
губят,

И неповинные жжет хижины вражий огонь.
Тут хоть и мир, а они войны опасеньем трепещут,
И, налегая на плуг, землю не пашет никто.
Это место иль зрит врага, иль, не видя, страшится;
Залежью грубой лежит без обработки земля.

О в и д и й

Из книги О. Дримба «Овидий. Поэт Рима
и Том», с. 237—238.

РАССКАЗ ПАСТУХА О ВАРВАРАХ

От укрывшихся в роще поселян
удалось узнать, что варвары разграбили Аррабону. Перепуганный,
но словоохотливый пастух рассказывал:

— Варвары окружили город со всех сторон. Поэтому немногим
удалось бежать из Аррабоны. А другие и не пожелали этого сде-
лать.

Корнелин, расспрашивавший пастуха, нахмурился:

— Почему же не пожелали?

— Прячутся, где кто может. Некоторые погибли. Есть и такие,
что уже продают варварам товары, как будто бы ничего не случи-
лось.

— Эти люди называют себя римлянами! — с горечью произнес
Корнелин.

Но всем известно, что иногда бывает так, когда приходят вар-
вары.

Старик охотно передавал всякие подробности:

— Первые сарматы переправились через Дунай на плотах.
А коней держали на поводу. И теплыли за ними. Еще бежавшие

аррабонцы рассказывали, что варвары ужасны только в первые часы нападения, а потом уже не трогают мирных жителей. Когда они жарят захваченных телок или баранов, то не только сами едят мясо, но дают его и всем проходящим мимо, не спрашивая чело- века, римлянин он или сармат. За принесенную амфору вина платят серебряную монету. Но больше всего этих людей занимает земля. Я сам видел. Они разминают ее пальцами и показывают друг другу, покачивая головами, точно удивляясь качеству нашей почвы. Иногда варвары рассматривают римские земледельческие орудия или ярмо быка с большим любопытством. Когда кончается битва, они вкладывают мечи в ножны и не делают различия между свободными и рабами...

Воины и особенно легионные рабы прислушивались к подобным речам с нескрываемым интересом.

Ладинский А. П. В дни Карнакеллы. М., 1961, с. 214—215.

ДИОКЛЕТИАН

Отпрыску далматийского раба было уже за сорок, когда он, по трупам двух истекших кровью претендентов на порфиру, по милости мятежных солдат взошел на трон. Вместе с порфирой он присвоил себе и титул Юпитерственный, возможно, чтобы завуалировать свое происхождение. Мир вскоре убедился, что новый император вполне достоин такого прозвища. Воспитанный суровой военной жизнью, полководец, с более чем сомнительной родовитостью, доказал на деле, что он — нечто большее, чем только баловень судьбы...

Диоклетиан начал с того, что избрал своей столицей Никомедию — провинциальный городок на границе Европы и Азии, где некогда завершил свой жизненный путь скрывавшийся от преследований Ганнибал. В Риме ноги Диоклетиана не было... А когда сенатская делегация, прибывшая к нему с поздравлениями, наметнула на то, что священный город жаждет увидеть своего императора, Диоклетиан коротко объяснил, что он глава не только города Рима, но и всей империи...

Рим опасливо побрюзжал и стал уповать на то, что легионы не будут мешкать с выдвижением нового императора, который полностью удовлетворит столицу мира.

Надежды эти не оправдались. Диоклетиан не стал слугой легионов, сделавших его властителем. А с претендентами на трон он расправлялся, не дожидаясь их провозглашения.

* * *

Диоклетиан имел возможность воочию убедиться, что со времен основания Рима у Римской империи не было повелителя столь обожаемого. Где бы он ни появлялся, двигаясь по заранее тщательно

разработанному канцелярией дворцовых служб маршруту, всюду его встречали такими же церемониями и торжественными речами, какими встречали бы сошедшего на землю Юпитера...

Молчаливо выслушивал император приветственные речи, и хотя все они были на одну колодку, лицо его выражало явное удовольствие.

* * *

Ценою огромных жертв удалось установить надлежащий контроль на границах империи в трех частях света. Колоссальные суммы уходили на строительство монументальных сооружений, с помощью которых Диоклетиан восстановил традицию великих императоров доанархической эпохи. Но сильнее всего трещали ребра империи в железных кольцах удава бюрократии, крепко сжимавших, по воле императора, новый мировой порядок. За каждым вздохом гражданина империи наблюдал специальный человек, и добрая половина всех налогов уходила на содержание легионов служащих по сбору податей. Нужно признать, однако, что это были самые прилежные чиновники. Именно благодаря их рвению родилась в то время пословица, что легче человеку спрятать у себя под мышкой пять слонов, чем пять пшеничных зерен, четыре из которых полагаются государству. Население разоренных налоговым вымогательством провинций хлынуло в большие города, где его сдерживали в узде бесплатными раздачами хлеба.

Мора Ф. Золотой саркофаг. М., 1964, с. 40—41, 85, 153—154.

13. ХРИСТИАНСТВО И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Вопрос об эволюции христианской общины в Римской империи, с которым сталкивается учитель на уроке «Возникновение христианства», весьма сложен для понимания учащихся. Текст «Христианская церковь и императорская власть» призван помочь учителю глубже и полнее разъяснить материал урока.

Текст рисует христианство в уже более позднее время, в царствование Диоклетиана. Это новый этап в распространении христианства и укреплении его церковной организации. Христианство начинают принимать и многие богатые люди. Происходит противостояние двух тенденций. Одна из них, раннехристианская, проявляется в выступлении никомедийского проповедника, предсказывающего скорую кончину мира и расправу с богатыми, другая — в выступлениях Пантелеймона и Анфимия, призывающих к терпению и прощению императоров.

Наконец, в IV в., после эдикта Константина, христианство было взято под покровительство, а затем стало господствующей религией в Римской империи. В 391—393 гг. император Феодосий I уже

издает эдикты, запрещающие языческий культ. Чтение императорского эдикта изображено в тексте «Христианство провозглашается государственной религией» из романа Г. Эберса «Серапис». Действие в романе происходит в конце IV в. Хотя Г. Эберс несколько идеализировал христианство, он все же сумел правдиво показать острую борьбу между христианством и язычеством, а также между ортодоксальным христианством и «арианской ересью». Учителю следует обратить внимание на то, что толпа, приветствующая эдикт императора, состоит исключительно из христиан, преимущественно монахов. Поэтому вполне понятно ее ликование при известии о том, что язычество отныне будет преследоваться законом.

Борьба торжествующего христианства как с язычеством, так и с любым проявлением свободной мысли составляет содержание романа Л. Жданова «Крушение богов». Пастыри христианской церкви представлены в нем образами властолюбивых и жестоких александрийских патриархов — Феофила и Кирилла. Александрийские патриархи и слепые исполнители их воли — невежественные монахи-фанатики преследуют всех тех, кто не примет христианские догматы. Жертвой христианского фанатизма становится выдающаяся женщина-философ Гипатия (Ипатия). В романе Л. Жданова образ Ипатии воплощает душевную красоту и гуманизм.

Иллюстрацией к словам учебника о том, что христиане разрушали древние храмы, послужит отрывок «Разгром христианами языческого храма». Из содержания текста видно, как умело использовала христианская церковь социальные противоречия, направляя народную ненависть не против господствующих классов, а против иноверцев.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

Церковь, в которую епископ привел Аммония, представляла собой почти ничем не обставленную огромную залу, где находилось несколько тысяч верующих: мужчин с непокрытыми головами и женщин с лицами под вуалью. Здесь не было ни статуй, ни фресок, ни одного из тех предметов, которые служили украшением языческих храмов. Даже цветы запрещалось приносить сюда, чтобы не напоминать о цветах идоло-жертвенных. По той же причине не было и алтаря. Длинный, накрытый скатертью стол с чашей, Евангелием, сосудами, наполненными светильным маслом и освященным елеем, все — в подобие тайной вечери. У стола грубый простой стул — для епископа, за ним — невысокие подмости, с которых дьяконы читают послания и старейшины общины обращаются к верующим с поучениями. Отсюда же прежде выступали одержимые, получившие дар красноречия по внушению свыше, но в последнее, относительно спокойное время это стало очень редким явлением: всевышний явно предпо-

читал теперь открывать свою волю пастве через служителей церкви. Литургию совершал по обыкновению сам епископ, он же готовил святые дары в виде вина и хлеба для таинства причастия и погружал крестящихся в мраморный бассейн глубиной в три ступени, устроенный в восточном углу зала.

Воздух в зале пылал от жары, огни длинных восковых свечей в стенных подсвечниках были окружены радужными кольцами. Необычайное волнение распалило души, зажгло лихорадочный блеск в глазах. Это было нечто большее, чем ежедневный экстаз общения с господом. Страстное ожидание великих перемен в земной жизни привело первых присутствующих в крайнее напряжение.

После краткой молитвы о просвещении разума верующих, епископ объявил, что собравшихся во имя господина Иисуса Христа антиохийских братьев желает приветствовать посланник от их никомедийских братьев.

Многие слышали этого проповедника на форуме, и всюду прошел слух о том, что в Антиохию послан богом человек, предсказывающий скорую кончину мира и расправу над богатыми.

С визгом взвивались под самый купол слова проповедника, и слушателям казалось, будто огромная зловеющая черная птица кружит у них над головой:

— Истинно говорю вам: не успеет луна трижды обновиться, как на земле совершится великое. Подобно тому как огонь пожирает солому, так гнев господень истребит всех непокоряющихся. Кто не с ним, тот против него. И не только врагов истребит он, но и маловверных отринет.

Наконец черный человек резко поднял руку, словно вознося карающий меч, и осенил собравшихся крестным знамением на все четыре стороны. Все в страхе молчали, даже епископ безмолвно закрыл глаза, как бы не желая видеть предстоящего. Нарушил молчание Пантелеймон.

— Главная христианская добродетель — терпение. И если Спаситель наш смиренно терпел, когда ему плевали в лицо, били его по ланитам, подвергли бичеванию, а потом распяли, тем паче нам должно терпеть, когда никто нас не обижает.

— Господь бог наш, — сказал он в заключение, — желает, чтобы посев его созрел в тишине, исподволь распространяясь по всей земле.

Кто-то запел гимн во славу единого бога, остальные Подхватили...

Пение успокоило души. Особенно умилил присутствующих горбатый лысый старичок, тот самый апатский пресвитер Анфимий, который смело заявил об истинной вере перед лицом повелителя и через это был удостоен императорской милости. Он заявил, что Диоклетиан далеко превзошел величием своим некоего императора Траяна, известного тем, что при нем епископом Антиохийским был великий угодник божий Игнатий.

— Траян приказал отвезти Игнатия в Рим и для потехи черни бросить диким зверям на растерзание.

— И все-таки знайте, братия,— обвел пресвитер взглядом собрание,— что милосердие господа нашего неизреченно. Он простил даже этого изверга-императора. По слухам, император этот был вообще неплохой человек и лишь за то мерзкое преступление попал в огонь вечный. Но после один епископ-чудотворец молил господа помиловать Траяна за то, что он восстановил после землетрясения родной город епископа. И господь повелел ангелам своим перенести останки императора из могилы к епископу, который окрестил их, и, таким образом, душа Траяна вышла из преисподней. Так вот, если столь жестокий император не лишился навеки милости божьей, то я верю, что Диоклетиан, будучи почти христианином, увидит царство божие еще при жизни.

Мора Ф. Золотой саркофаг, с. 172—176.

ХРИСТИАНСТВО ПРОВОЗГЛАШАЕТСЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИЕЙ

Широкая площадь была запружена народом, как колчан, туго набитый стрелами. Протиснуться вперед оказывалось тем более затруднительным, что девять десятых уличной толпы составляли мужчины, разъяренные, озлобленные мужчины, дикие лица которых внушали невольный ужас.

Больше всего здесь было монахов, собравшихся сюда на зов епископа из ближних и дальних монастырей, из уединенных обителей у Красного моря и даже пустынных скитов Верхнего Египта. Голоса этих суровых аскетов сливались в громкие крики: долой языческих богов, долой Сераписа!..

Цинегий приветствовал массу народа снисходительным поклоном. Вслед за тем герольд три раза протрубил сигнал, и посланник Феодосия указал собравшимся на стоявшего возле него секретаря, который немедленно развернул длинный свиток.

— Именем императора, умолкните! — раздался его звучный голос, слышимый на всем протяжении обширной площади.

Герольд затрубил в четвертый раз, и толпа замерла, как один человек; только фыркание лошади караульного воина перед зданием префектуры нарушало наступившую тишину.

— Во имя императора! — повторил чиновник, назначенный для чтения царской грамоты...

«Феодосий, цезарь,— внятно читал на всю площадь секретарь,— приветствует через своего верного уполномоченного и слугу Цинегия население благородного и великого города Александрии. Ему известно, что александрийские граждане твердо и неуклонно исповедуют веру, преданную от начала последователям Христа через верховного апостола Петра...

Император возвещает своим верноподданным александрийцам через своего верного и благородного служителя Цинегия, что именно его, а никакое другое учение, как в целой империи, так и в Александрии, должно быть признано господствующим. Как во всех владениях Феодосия, так и в Египте всякое учение, противное истинной вере, будет с этих пор преследоваться законом. Таким образом, всякий, кто держится иного учения, проповедует его и старается распространять, должен считаться еретиком и подлежать каре закона».

Секретарь был принужден остановиться, потому что громкие, восторженные клики толпы прерывали его на каждом слове.

И среди этого общего ликования не раздалось ни одного протестующего голоса: да если бы кто и решился на такую смелость, то, наверно, потерпел бы жестокие побои от возбужденной черни.

Герольд принимался несколько раз подавать сигналы, прежде чем удалось водворить тишину. После того секретарь снова начал читать царскую грамоту:

«К глубокому прискорбию христианской души нашего цезаря, до него дошли слухи о том, что идолопоклонство, так долго ослеплявшее человеческий род, заграждая ему врата царствия небесного, по-прежнему имеет свои алтари и храмы в этом благородном и великом городе... Феодосий, цезарь, повелевает закрыть все идольские храмы, уничтожить изображения ложных богов и разрушить их алтари. Всякого, кто осквернит себя кровавой жертвой, кто заколет невинное жертвенное животное, кто переступит порог идольского капища, кто устроит в нем религиозную церемонию или поклонится изображению ложного бога, сделанному человеческими руками; всякого, кто будет молиться в языческом храме, на поле или в городе, следует немедленно подвергнуть уплате пятнадцати фунтов золота, и даже с того, кто знает о подобном преступлении, но не донесет на виновного, следует взыскать точно такой же штраф...»

Звуки трубы герольда не могли заглушить поднявшейся бури голосов, которая все росла, передаваясь из улицы в улицу, охватывая целый город. Она достигла кораблей на море, проникла в палаты богачей, хижины бедняков, донеслась глухим ропотом даже до сторожа, зажигающего по ночам на верхушке маяка сигнальные огни, так что в самое короткое время Александрия узнала о том, что император произнес свой окончательный приговор языческому культу.

Эберс Г. Серапис. — В кн.: Эберс Г. Соч., т. II. СПб., 1896, с. 114—118.

РАЗГРОМ ХРИСТИАНАМИ ЯЗЫЧЕСКОГО ХРАМА

Под неудержимым натиском стотысячной толпы христиан, предводимых фиваидскими пустынниками, — египетские аскеты из Абидоса, окруженные двадцатитысяч-

ной толпой язычников, отбиваясь, как могли, отступили постепенно, сперва из садов к наружным дворам храма, окруженным высокими стенами. Но христиане лились, валились лавиной, перекидывались через стены, влезая вместо лестниц друг на друга.

И только когда язычники укрылись во внутренних дворах с очень высокими крепостными стенами, с тяжелыми воротами, с бойницами и заняли места у этих бойниц, сталкивая нападающих, обливая их кипятком, бросая в гущу врагов большие глиняные горшки с пылающим греческим огнем, тогда только могли передохнуть преследуемые.

А христиане, оставив под стенами груды тел ошпаренных, обожженных, ушибленных камнями, падающими сверху, отошли подале и стали совещаться: как быть теперь?

Падающие с высоты глиняные сосуды с горючим составом разлетались на куски, и эти черепки, наполненные ярко пылающим, дымным огнем, багровым светом озаряли все кругом.

— Близо утро! — крикнул один из коноводов, плотный нубиец-отшельник, бывший и вблизи христианского собора вожаком озверелой толпы. — Тесным кольцом надо оцепить капище и дворы его. Чтобы ни один язычник не мог улизнуть. А я и другие братья пойдем просить помощи у патриарха, у наместника. Войны все почти христиане. Они явятся с машинами, с камнеметами. В мгновение ока мы ворвемся туда. И уж тогда не будет никому пощады!

— А сколько там золота, серебра, шелков! Сколько припасов у проклятых! — злобно прозвучали кругом голоса.

— Мы голодаем, а язычники блаженствуют! Теперь сквитаемся за все!

— Работу отбивают, проклятые! Им чары помогают! Они искуснее нас! А мыдохнем с голоду! Вон всех мастеров-язычников из Александрии!

— И менял... И торговцев... Всех долой!

Говор, гам и отдельные выкрики неслись со всех сторон.

Жданов Л. Крушение богов. Исторический роман-хроника из первых веков христианства (389—415 гг.). М., 1929, с. 142.

14. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Год от года натиск варваров на Римскую империю усиливался. Римские легионы с трудом сдерживали натиск противника. С рассказа об этом начинается объяснение нового материала на уроке. В тексте «Сражение с варварами» учитель может найти подтверждение к словам учебника об объединении «варварских» племен в мощные союзы и огромных полчищах воинов, штурмовавших границы империи. В этом тексте описывается вторжение нижнедунайских варваров, представлявших конгломерат многих племен: сарматских, фракийских, германских и, возможно, славянских.

Ослабевшая Западная Римская империя не смогла противостоять мощному и сокрушительному напору германских и иных племен. В 410 г., впервые после взятия Рима галлами в начале IV в. до н. э., в «Вечный город» ворвались враги. Это были вестготы, возглавляемые королем Аларихом. В течение нескольких дней вестготы грабили и разрушали столицу империи. Картина триумфального выезда из Рима Алариха с награбленным добром изображена в тексте из романа польского писателя Теодора Парницкого «Аэций — последний римлянин», главным героем которого является выдающийся полководец Западной Римской империи. Победы, одерживаемые римским войском под командованием Аэция, не раз отводили от Рима смертельную опасность. Он успешно воевал и с вестготами, и с бургундами, и с франками, но наибольшую славу ему принесла победа над гуннскими полчищами Атиллы на Каталаунских полях (451 г.). В романе дана художественная интерпретация жизни Аэция до 445 г.

СРАЖЕНИЕ С ВАРВАРАМИ

Над римским строем горделиво возвышались серебряные орлы. Птицы жадно вонзили когти в шары — символ власти Рима над всей землей, так как шар представлял собой законченность, нерушимость римских границ.

На легион неслись тысячи вражеских всадников. Уже доносились крики варваров, размахивающих длинными мечами над головой. Но в пужный момент Корнелин дал знак, и стрелки отпустили тетивы онагров и луков. На врага полетели с неприятным свистом стрелы с горящей серой — так называемые фаларики — и свинцовые шары. Сарматы в кожаных панцирях, сплошь покрытых чешуей из роговых пластинок, геты в железных шлемах с бычьими рогами и еще какие-то полуголые люди уже готовы были обрушиться на римлян, но фаларики и свинец находили свои жертвы. Видно было, как многие варвары падали вместе с конями, в невероятном смятиении образуя груды тел и конских туш. Неприятельский натиск сразу же потерял свою силу. Убедившись, что римский строй несокрушим и оцетинился копытами, на которые, как известно, не бросится ни один конь, сарматы повернули вспять, и тогда из пяти тысяч грудей раздался победный клич...

Но это было только начало. За облаками пыли двигались на нас тысячи пеших воинов, и, по варварскому обычаю, даже вожди сошли с коней и, взяв в руки мечи, стали в первых рядах, чтобы служить примером для прочих. Теперь слышался не конский топот, а глухой гул тяжких человеческих шагов...

Но снова задела труба, и тысячи римских дротиков, описав плавную дугу в воздухе, обрушились на врагов. И в то же мгновение легионеры привычным движением, как один человек, с коротким лязгом металла обнажили мечи...

Ладинский А. В дни Карагаллы, с. 217.

ГОТЫ В РИМЕ

Уже четвертый день пошел с той минуты, как под напором мускулистых варварских плеч с грохотом рухнули Саларийские ворота, а прямая, как стрела, Саларийская дорога скорбно застонала, вторя гулу тысяч мускулистых варварских пог... Уже четвертый день мощный огненный столб, знак разрушений, вздымается над великолепными садами Салюстия, гоня клубы дыма далеко за Альта Семита...

Четвертый день царят вестготы в Вечном городе... Так же как прежде, беззаботно качались на ветру устремленные в небо вершины стройных кипарисов, так же весело журчала вода в фонтанах — одни только люди четвертый день смотрели на все это полными ужаса и страха, безумными глазами, не в силах уверовать, что все это творится на самом деле, а не в кошмарном сне.

Да и может ли такое случиться?.. Можно ли в такое поверить?.. Рим... непобедимый, несокрушимый, бессмертный Рим... стал беззащитной добычей варваров?!. Верно, и впрямь близится час страшного суда... остается ждать последнего знамения... ждать призыва! Слышите?.. Уж не глас ли это архангельских труб?.. Замирают сердца, холодный пот струится по лбу, и не в одну душу вливается покой и облегчение: воистину лучше уж свету вовсе перестать существовать после позора Рима...

Азций, однако, знает, что трубы, голос которых доносится от Милиарийских ворот, — это королевские вестготские трубы, а не архангельские...

И вновь отозвались трубы. Все громче, все ближе... Все пространство от древней стены Сервия и Коллинских ворот покрыло вдруг бесчисленное количество тяжело нагруженных повозок. Повозки, полные золота, серебра, красивых сосудов, искусной утвари, забили выезд на Саларийскую и Номентанскую дороги...

Еще громче ударили в небо трубы. От храма Фортуны сворачивал на Саларийскую дорогу королевский поезд. Азций издали узнал белого коня и статную фигуру дерзновеннейшего из дерзких — Алариха Балта. В нескольких шагах перед королевским конем шла, еле волоча ноги, молодая женщина, смертельно бледная, но горделивая и спокойная. Губы ее были крепко сжаты, глаза устремлены на гладко тесанный камень улицы. Азций сразу понял все. Вот так же четыре века назад входила в город Туснельда в триумфальном шествии Германика. Только у Туснельды были голубые глаза, а у этой — черные, чуть выпуклые и несколько округлые, у Галлы Платидии, дочери императора Феодосия Августа, выходящей из города в триумфе варвара.

Парриджий Т. Азций — последний римлянин. М., 1969, с. 17—22.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Художественная литература в преподавании истории древнего мира	5
Вещественные и письменные памятники истории в Помпеях. <i>К. Моисеева</i> (11)	10

ЖИЗНЬ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

1. Какими были и как жили древнейшие люди	14
Наши далекие предки. <i>С. Радзиевская</i> (15) Жизнь первобытного стада. <i>Д. Ангелов</i> (17) Огонь погас! <i>Рони Старший</i> (17) Камни рожают огонь. <i>Рони Старший</i> (18)	
2. Родовые общины охотников	19
Изготовление каменных орудий. <i>С. Каратов</i> (21) Загон оленей. <i>С. Покровский</i> (22) История ловушки. <i>С. Покровский</i> (23) Охота на мамонтов. <i>Э. Шторх</i> (24) Жилище первобытного человека. <i>Д'Эрвиллы</i> (27)	
3. Возникновение искусства и религиозных верований	28
Рисунки на стенах пещер. <i>К. Сенак</i> (30) Первые рисунки. <i>В. Берестов</i> (31) Колдовские обряды. <i>К. Моисеева</i> (31) Первобытное захоронение. <i>С. Покровский</i> (33)	
4. Начало скотоводства и земледелия	34
Лодка-долбленка. <i>С. Покровский</i> (35) Поселок на озере. <i>Д'Эрвиллы</i> (37) Начало земледелия. <i>Луcreций Кар.</i> (39) Изготовление глиняной посуды. <i>А. Линеvский</i> (39)	
5. Возникновение неравенства между людьми	41
Набег за добычей. «Сказки и мифы Океании» (42) Похороны вождя. <i>Я. Ильясов</i> (43) Идол. <i>И. Скворцов-Степанов</i> (44) «Чудесное рождение» идола. «Сказки и мифы Океании» (46)	

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

1. Природа Египта и развитие земледелия у древних египтян	48
Нил. <i>Г. Эберс</i> (49) Разливы Нила. <i>Б. Прус</i> (49) Шадуфы. <i>Б. Прус</i> (50) Египетский крестьянин. <i>Э. Херинг</i> (51)	
2. Возникновение классов в Египте	52
Пленники становятся рабами. <i>И. Ефремов</i> (52) Труд рабов. <i>В. Мытлов</i> (54)	
3. Образование государства в Древнем Египте	55
Фараон. <i>И. Ефремов</i> (56) Добыча камня для пирамид. <i>П. Аматыни</i> (57) Строительство пирамиды. <i>М. Езерский</i> (57)	
4. Управление государством и борьба классов в Египте	58
Возвышай вельмож твоих. <i>Б. Тартаковский</i> (59) Как жили крестьяне	

и ремесленники Египта. *А. Феличе* (60) Восстание бедняков. *Б. Тартаковский* (61)

5. Могущество и упадок Египетского государства 63

Фараон слушает доклад вельможи. *А. Блок* (64) Мысли сcribe о силе и слабости державы. *Г. Гулиа* (64)

6. Религия в Древнем Египте 66

Как хоронили богатых и бедных в Египте. *Н. Ланда, С. Финзарет* (67) Обращение умирающего к сыну. *Т. Манн* (67) Бальзамирование. *Б. Прус* (68) Похороны фараона. *К. Брукнер* (69)

7. Зарождение научных знаний и письменности в Древнем Египте 70

Заготовка папируса. *П. Аматуни* (71) Школа. *М. Матве* (72) Прославление писцов. «*Лирика древнего Египта*» (73)

8. Искусство Древнего Египта 74

Лев и мышь. «*Сказки и повести древнего Египта*» (75) Речения из папирусов. (76) В гробнице фараона. *М. Матве* (77) Роспись стен дворца и храма. *Ю. Логвин* (78) Храм «Дом Сети». *Г. Эберс* (79) Искусство Древнего Египта. *И. Ефремов* (80)

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

1. Возникновение классов в Междуречье 84

Природа Междуречья. *Л. Воронкова* (84) Шумерские пословицы. (85) Древнеавилонская легенда о сотворении мира. «*Мифы и легенды древнего Дуречья*» (86)

2. Древнейшие государства Междуречья и Вавилонское царство 87

Вавилон. *М. Физули* (88) Во дворце царя Хаммурапи. *Р. Рубинштейн* (89) Продажа сына в рабство. *Р. Рубинштейн* (90) Законы царя Хаммурапи. *А. Сеирин* (92)

3. Передняя Азия в первой половине I тысячелетия до н. э. 92

Вдоль финикийского берега. *В. Ян* (93) Кир в Вавилоне. *Л. Воронкова* (95)

4. Культура народов Передней Азии в древности 96

«Сыновья школы». *Р. Рубинштейн* (96)

ИНДИЯ И КИТАЙ В ДРЕВНОСТИ

1. Образование классов и государств в Индии 100

Вторжение ариев в Индию. *Р. Разхава* (101) Рабыня ищет спасения в смерти. *Яшпал* (102)

2. Религиозные верования и культура древних индийцев 104

Рассказ о потопе. «*Махабхарата*» (105) Древнеиндийские афоризмы. (106)

3. Положение народных масс в Древнем Китае 107
Строительство Великой Китайской стены. *А. Исаакян* (108) Жизнь и труд китайских крестьян. *О. Гурьян* (109) Знатный сановник бедных людей сторонится. *Цао Чжи* (110)
4. Культура Древнего Китая 110
В сельской школе. *О. Гурьян* (111) Изготовление бумаги. *В. Истрин* (112)

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

1. Мифы Древней Греции 114
Геракл очищает Авгиевы конюшни. *В. Смирнова* (115) Отплытие аргонавтов. *В. и Л. Успенские* (116) Похищение золотого руна. *Аполлоний Родосский* (117) Дедал и Икар. *«Мифы Эллады»* (118)
2. Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» 119
Перед отплытием к Трое. *«Троянская война и ее герои»* (120) В бухте лестригонов. *«Троянская война и ее герои»* (120) Между Скиллой и Харибдой. *Гомер* (122) Бессмертный Гомер. *Эвен Асколонский, Алфей* (122)
3. Религия древних греков 123
В царстве Посейдона. *Н. Кун* (123) Гефест. *Я. Парандовский* (123) На Олимпе. *Н. Кун* (124) Зевс карает Прометея. *Н. Кун* (125)
4. Образование Афинского рабовладельческого государства 126
Советы Гесиода землепашцу. (127) В кварталах греческих ремесленников. *Я. Ильясов* (128) Содон. *«Знаменитые греки. Жизнеописания Плутарха»* (128)
5. Спартанское рабовладельческое государство в VIII—VI вв. до н. э. 129
Криптия. *А. Немировский* (130) Песни Тиртея. *Л. Воронкова* (131) Обычные дни Спарты. *Л. Воронкова* (131)
6. Образование городов-государств в Греции и на берегах Средиземного и Черного морей 132
Греческая колонизация. *Я. Ильясов* (133) Пантикапей. *В. Полупуднев* (134)
7. Греко-персидские войны 135
У Фермопил. *Р. Рубинштейн* (136) Начало Саламинского сражения. *Л. Воронкова* (137) Надписи в честь героев. *Симонид Кеосский* (138)
8. Рабство в Греции в V в. до н. э. 139
В гончарной мастерской. *Ю. Логвин* (139) Гибель раба-натурщика. *А. Немировский* (140) Борьба рабов в Греции. *Я. Ильясов* (141)
9. Могущество и богатство Афин в середине V в. до н. э. 142
Афинская рабовладельческая демократия
Пирей. *А. Усова* (143) Народное собрание. *Ф. Арский* (144)

10. Письменность и школа. Олимпийские игры 145

Раб-педагог. *Е. Озерецкая* (146) Состязания в беге. *Я. Вилькин* (147) Кулачный бой *У. Пенфилд* (148) Выступают гоппиты. *Е. Озерецкая* (149)

11. Искусство и наука в Древней Греции 149

Амфитеатр. *И. Сава* (151) В греческом театре. *А. Говоров* (152) Эсхилу. *Диоскорид* (153) Великий скульптор Фидий. *Е. Озерецкая* (153) Древнегреческие поэты о шедеврах искусства. (155) Древнегреческий философ Демокрит. *С. Лурье, М. Ботвинник* (155)

12. Упадок Греции и подчинение ее Македонии. Образование державы Александра Македонского 156

Битва при Херонее. *Л. Воронкова* (158) Битва при Тавгамелах. *Л. Воронкова* (159) Войска выходят из повиновения. *И. Ефремов* (160) Речь «за» и «против» Александра. *В. Як* (162)

13. Хозяйство и культура Восточного Средиземноморья в конце IV — во II в. до н. э. 164

Новая столица Египта. *А. Нейхардт, И. Шишова* (164) Александрийская библиотека. *И. Сава* (165)

ДРЕВНИЙ РИМ

1. Возникновение города Рима 168

Легенда об основании Рима. «Знаменитые римляне» (168)

2. Римская аристократическая республика в середине III в. до н. э. 170

Борьба плебеев и патрициев. «Слава далеких веков. Из Плутарха» (171)

3. Борьба между Римом и Карфагеном за господство в Западном Средиземноморье 172

Карфаген. *Г. Флобер* (174) Битва при Каннах. *Ливий* (174) На третий год войны. *В. Брюсов* (175) Кавилин в осаде. *А. Немировский* (176)

4. Римские завоевания во II в. до н. э. 178

Осада Карфагена. *М. Езерский* (178) Штурм Карфагена. *А. Немировский* (179) Разрушение Карфагена. *А. Немировский* (180)

5. Рабовладение в Риме во II—I вв. до н. э. 181

Усадьба римского рабовладельца. *Т. Левицкая-Ден* (182) Рабы в рудниках. *И. Остроменук* (183) Положение рабов. *А. Немировский* (184) Казнь раба. *Я. Томан* (185)

6. Разорение крестьян в Италии и их борьба за землю 185

Разорение римского крестьянина. *М. Езерский* (186) Тиберий Гракх требует земли для крестьян. *А. Немировский* (187) Гибель Тиберия Гракха. *Т. Левицкая-Ден* (189) Гай Гракх продолжает дело брата. *М. Езерский* (190)

7. Восстание рабов под предводительством Спартака 192

Рабы выходят из окружения. *Р. Джованьоли* (192) Спартак — полко-

водец рабов. *Р. Джованьоли* (193) Последняя битва Спартака. *М. Оливье* (194)

8. Установление власти Цезаря в Риме 195

Раздоры среди галльских племен. *А. Рамбо* (196) Цезарь перешел Рубикон. «*Слава далеких веков. Из Плутарха*» (197)

9. Римская империя при Октавиане Августе и его преемниках 198

Октавиан Август. *М. Езерский* (199) У карты Римской империи. *И. То-ман* (199)

10. Искусство Древнего Рима 201

Откуда являются вещи. *Лукреций Кар* (204) Наставления крестьянину. *Вергилий* (202) Исторические афоризмы. (202)

11. Город Рим во времена империи 203

Рим — город контрастов. *О. Дримба* (204) Дом богатого римлянина. *Э. Булвер-Литтон* (205) На арене амфитеатра. *Д. Линдсей* (207) Цирковой возница *М. Сергиенко* (208)

12. Начало упадка рабовладельческой Римской империи в конце II — в III в. 208

Набеги варваров. *Овидий* (210) Рассказ пастуха о варварах. *А. Ладинский* (210) Диоклетиан. *Ф. Мора* (211)

13. Христианство и Римская империя 212

Христианская церковь и императорская власть. *Ф. Мора* (213) Христианство провозглашается государственной религией. *Г. Эберс* (215) Разгром христианами языческого храма. *Л. Жданов* (216)

14. Падение Западной Римской империи 217

Сражение с варварами. *А. Ладинский* (218) Готы в Риме. *Т. Парницкий* (219)

ИБ № 3085

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ

Редактор *Ю. В. Сизачев*

Художник *А. Яковлев*

Художественный редактор *А. И. Овчинников*

Технический редактор *Т. В. Самсонова*

Корректор *В. Г. Соловьева*

Сдано в набор 4/XI 1977 г. Подписано к печати 13/VII 1978 г. А 09960. 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 5. Гарнитура об. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14,31. Тираж 150 000 экз. Заказ 7425. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц полиграфического комбината имени Я. Коласа в областной типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

55 коп.

MEMORANDUM FOR THE SECRETARY OF THE ARMY

100-100000